ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Научный журнал

THE PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

Journal of Academic Studies

ISSN 2223-0564

2022/4(98)

ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Шәрҡиәт проблемалары

THE PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES

2022. № 4 (98)

Научный журнал
(гуманитарного, социально-экономического и политико-правового направлений)

Издается с февраля 1995 г. как «Ядкяр» («Наследие»), с сентября 2008 г. – современное название.
Выходит 1 раз в квартал

Journal of the Humanities, Socio-economic, Political and Legal Studies

First published in February 1995 as *The Yadkyar* (*The Heritage*), since September 2008 – under the present title. Published quarterly

Учредители:

Академия наук Республики Башкортостан (Уфа)

Башкирский государственный университет (Уфа)

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа)

Founders:

Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Bashkir State University (Ufa)

M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University (Ufa)

Главный редактор:

Альфис Суфиянович Гаязов,
доктор педагогических наук, профессор,
академик АН РБ,
член-корреспондент РАО

Ответственный секретарь:

Ирек Фаритович Амантаев,
кандидат исторических наук

Editor-in-Chief:

Alfis S. Gayazov, Prof. Dr.Sc. (Pedagogics), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Associate Member of the Russian Academy of Education

Secretary-in-Chief:

Irek F. Amantaev,
Cand.Sc. (History)

© ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», 2022
© Издательство «Мир печати», 2022
© Редакция журнала «Проблемы востоковедения», 2022

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по следующим группам специальностей: исторические науки и археология; литературоведение; языкознание; философские науки.
Полнотекстовая версия выпуска размещена в Научной электронной библиотеке (НЭБ) www.elibrary.ru
Издание зарегистрировано в Международной базе данных Ulrich's Periodicals Directory американского издательства Bowker.
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–44557 от 8 апреля 2011 года.
Подписной индекс в официальном каталоге Почты России «Подписные издания» – 33074.
Подробности на сайте: www.pvanrb.ru

Редакционный совет

М.А. Аюпов, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (председатель; Уфа)

А.И. Гоголев, доктор исторических наук, профессор, академик АН Республики Саха (Якутия), вице-президент АН РС (Якутия)

М.З. Закиев, доктор филологических наук, профессор, академик АН РТ (Казань)

Е.И. Зеленев, доктор исторических наук, профессор, почетный академик АН РБ (Санкт-Петербург)

М.А. Ильгамов, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН, академик АН РБ (Уфа)

Исенбике Тоган, доктор философии, профессор, почетный член Турецкой академии наук, иностранный член АН РБ (Стамбул)

Р.Г. Искужин, председатель Евразийского центра «Самрау» (Уфа)

М.Н. Исянбаев, доктор экономических наук, профессор, академик АН РБ (Уфа)

И.Л. Кызласов, доктор исторических наук (Москва)

Ф.А. Надршина, доктор филологических наук, почетный академик АН РБ (Уфа)

В.В. Наумкин, доктор исторических наук, профессор, академик РАН (Москва)

Ф.М. Раянов, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Мурадгелди Соегов, доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Туркменистана (Ашхабад)

Editorial Council

Mansur A. Ayupov, Prof. Dr.Sc. (Political Sciences), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Chairman; Ufa)

Anatoly I. Gogolev, Prof. Dr.Sc. (History), Full Member of the Academy of Sciences of the Sakha Republic (Yakutia), Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

Mirfatykh Z. Zakiev, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan)

Evgenij I. Zelenev, Prof. Dr.Sc. (History), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Saint Petersburg)

Marat A. Ilgamov, Prof. Dr.Sc. (Physics and Mathematics), Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Isenbike Togan, Prof. Dr., Honorary Member of the Turkish Academy of Sciences, Foreign Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Istanbul)

Rudik G. Iskuzhin, Chairman of the *Samrau* Euroasian Centre (Ufa)

Mazgar N. Isyanbaev, Prof. Dr.Sc. (Economics), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Igor L. Kyzlasov, Dr.Sc. (History) (Moscow)

Fanuza A. Nadrshina, Dr.Sc. (Philology), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Vitaliy V. Naumkin, Prof. Dr.Sc. (History), Full Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Fanis M. Rayanov, Prof. Dr.Sc. (Law Studies), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Muradgeldi Soyegov, Prof. Dr.Sc. (Philology), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Turkmenis-tan (Ashgabat)

Редакционная коллегия

А.И. Акманов, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Р.Г. Буканова, доктор исторических наук, профессор, (Уфа)

Г.Х. Бухарова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Д.Д. Васильев, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

Г.З. Имаева, доктор филологических наук (Москва)

Р.Ф. Исламов, доктор филологических наук (Казань)

М.Дж. Киекбаев, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Editorial Board

Aytugan I. Akmanov, Prof. Dr.Sc. (History), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Roza G. Bukanova, Prof. Dr.Sc. (History) (Ufa)

Gulnur Kh. Bukharova, Prof. Dr. Sc. (Philology) (Ufa)

Dmitriy D. Vasilyev, Prof. Cand.Sc. (History) (Moscow)

Gulnara Z. Imaeva, Dr. Sci. (Philology) (Moscow)

Ramil F. Islamov, Dr. Sci. (Philology) (Kazan)

Murat Dzh. Kiekbaev, Prof. Dr. Sc. (Social Sciences), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Коити Тоекава, доктор исторических наук, профессор (Токио)

Koichi Toekawa, Prof. Dr. Sci. (History) (Tokyo)

М.М. Кульшарипов, доктор исторических наук, профессор, почетный академик АН РБ (Уфа)

Marat M. Kulsharipov, Prof. Dr.Sc. (History), Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Г.С. Кунафин, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Giniyatulla S. Kunafin, Prof. Dr.Sc. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

М.Х. Надергулов, доктор филологических наук (Уфа)

Minlegali Kh. Nadergulov, Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Д.Р. Орлова, доктор экономических наук, доцент (Уфа)

Dinara R. Orlova, Dr.Sc. (Economics), Associate Professor (Ufa)

А.В. Псянчин, доктор географических наук, профессор (Уфа)

Aybulat V. Psyanchin, Prof. Dr.Sc. (Geography) (Ufa)

Г.Г. Салихов, доктор философских наук, доцент (Уфа)

Gafur G. Salikhov, Dr.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ufa)

С.А. Салова, доктор филологических наук (Уфа)

Svetlana A. Salova, Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

В.К. Самигуллин, доктор юридических наук, профессор (Уфа)

Venir K. Samigullin, Prof. Dr.Sc. (Law Studies) (Ufa)

Л.Х. Самситова, доктор филологических наук (Уфа)

Luiza Kh. Samsitova, Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

А.К. Сулейманова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Almira K. Suleymanova, Prof. Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

Ф.С. Файзуллин, доктор философских наук, профессор, академик АН РБ (Уфа)

Fanil S. Fayzullin, Prof. Dr.Sc. (Philosophy), Full Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Ф.Г. Фаткуллина, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Fluza G. Fatkullina, Prof. Dr. Sci. (Philology) (Ufa)

Ф.Г. Хисамитдинова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа)

Firdaus G. Khisamitdinova, Prof. Dr.Sc. (Philology), Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa)

Г.Р. Хусаинова, доктор филологических наук (Уфа)

Gulnur R. Khusainova, Dr.Sc. (Philology) (Ufa)

Л.Н. Шаймухаметова, доктор искусствоведения, профессор (Уфа)

Lyudmila N. Shaymukhametova, Prof. Dr.Sc. (Arts Studies) (Ufa)

И.Ш. Юнусов, доктор филологических наук, профессор (Бирск)

Ildar Sh. Yunusov, Prof. Dr. Sci. (Philology) (Birsk)

Подписано в печать 23.12.2022. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура «TimesNewRoman».
Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 9,52. Тираж 70 экз. (печатное издание и его электронная форма).
Тип. заказ № 221898.

Адрес редакции и издателя: 450008, г. Уфа, ул. Кирова, 15. Тел.: (347) 276-40-77
e-mail: pvanrb@mail.ru

Отпечатано в КП РБ Издательство «Мир печати».
450076, г. Уфа, ул. Аксакова, 45. Тел.: 251-72-95.
alander@list.ru
Цена свободная

Воспроизведение или распространение (полностью или частично) текстов журнала «Проблемы востоковедения» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. При цитировании ссылка на журнал «Проблемы востоковедения» обязательна. Ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также иной информации несут авторы.

Позиция редакции не всегда совпадает с мнениями авторов.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Л.Ш. Сулейманова (Уфа)
Практика реализации билингвизма в школах Башкортостана в 40–60-х гг. XX в. 8

М.А. Пилипак (Уфа)
Традиционная культура славян Башкортостана: белорусско-украинские параллели в свадебной обрядности 15

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Д.Ф. Загидуллина (Казань), Ф.А. Азизова (Баку)
Восточный (мусульманский) художественный канон: теоретические аспекты 21

Г.С. Кунафин (Уфа)
XX быуат башы башҡорт әҙәби йыр шиғриәтенең үҫеш үҙенсәлектәре
(Особенности развития башкирской песенной поэзии начала XX века) 28

А.А. Джемилева (Симферополь)
Духовно-нравственные искания героев повести У. Эдемовой «Юрек атеши» («Пламя души») 35

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Л.Х. Самситова (Уфа), И.Ж. Сагынбек (Уфа)
Теоретические основы изучения сложноподчиненного предложения в башкирском языке 40

Г.А. Исянгулова (Уфа), М.Ф. Акилова (Уфа), Р. С. Абзелилова (Уфа)
XXI быуат неологизмдары (башҡорт теле материалында)
(Неологизмы XXI века (на материале башкирского языка) 47

Р.С. Акманова (Уфа)
Башҡорт теле һәм диалекттарында үҫемлек атамалары
(Названия растений в башкирском языке и его диалектах) 55

З.Н. Аджимуратова (Симферополь)
К вопросу о звуковом символизме в крымскотатарском языке 60

ФОЛЬКЛОР

Н.М. Сиражитдинова (Уфа)
Информационные интернет-ресурсы по фольклору в Республике Башкортостан 66

Г.Р. Шагапова (Уфа)
Игровая культура башкир в научном наследии А.М. Сулейманова 72

ОБЗОРЫ

Н.Р. Салих (Уфа)
Арабографичная литература светского характера в Институте рукописей
Национальной академии наук Азербайджана 78

РЕЛИГИЯ

А.Р. Наврузов (Махачкала)
Северокавказские мусульманские реформаторы-просветители первой трети XX века
и некоторые вопросы религиозного культа 84

НАУЧНАЯ СМЕНА

Лу Лю (Москва)
Функции наименований цвета в русском и китайском языках 92

CONTENTS

HISTORY. ETHNOGRAPHY

L.Sh. Suleymanova (Ufa)
The practice of implementing bilingualism in the schools of Bashkortostan in the 40-60s of the XX century 8

M.A. Pilipak (Ufa)
Traditional culture of the slavs of Bashkortostan: belarusian-ukrainian parallels in wedding ceremony 15

LITERARY STUDIES

D.F. Zagidullina (Kazan), F.A. Azizova (Baku)
Oriental (muslim) artistic canon: theoretical aspects 21

G.S. Kunafin (Ufa)
Features of the development of the Bashkir song poetry in the beginning of the XX century 28

A.A. Dzhemileva (Simferopol)
Spiritual and moral search of the heroes of U. Edemova's story «Yurek ateshi» («The flame of the soul») 35

LINGUISTICS

L.Kh. Samsitova (Ufa), I.Zh. Sagynbek (Ufa)
Theoretical foundations of the study of a complex sentence in the Bashkir language 40

G.A. Isyangulova (Ufa), M.F.Akilova (Ufa), R.S. Abzelilova (Ufa)
Neologisms of the XXI century (based on the bashkir language) 47

R.S. Akmanova (Ufa)
Names of plants in the Bashkir language and its dialects 55

Z.N. Adzhimuratova (Simferopol)
On the question of sound symbolism in the Crimean Tatar language 60

FOLKLORE

N.M. Sirazhitdinova (Ufa)
Information internet resources on folklore in the Republic of Bashkortostan 66

G.R. Shagapova (Ufa)
Bashkir gaming culture in the scientific heritage of A.M. Suleymanov 72

REVIEWS

N.R. Salikh (Ufa)
Arabographic literature of a secular nature at the institute of manuscripts of the national academy of sciences of Azerbaijan 78

RELIGION

A.R. Navruzov (Makhachkala)
North Caucasian Muslim reformers-enlighteners of the first third of the XX century and some issues of religious cult 84

YOUNGER GENERATION

Lu Liu (Moscow)
Functions of color names in Russian and Chinese languages 92

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-8-14
УДК 37(470. 57)

Л.Ш. Сулейманова

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ БИЛИНГВИЗМА В ШКОЛАХ БАШКОРТОСТАНА в 40–60-х гг. XX в.

Аннотация

Обращение к данной теме связано с развитием в школах страны, в том числе и Башкортостана, билингвизма (двуязычия: изучения родного и русского языков) и полилингвизма. Если последняя модель обучения и воспитания вызвана мировым информационным пространством, глобализацией и укреплением диалога культур, билингвизм – явление в истории отечественного просвещения не новое. Так, в Башкортостане, многонациональной республике, в 40–60-х гг. прошлого века в условиях организации новых отраслей промышленности, продолжился активный поиск новой модели полиэтничной школы, способной подготовить выпускников и для техникумов и для вузов, т.е. будущих профессиональных специалистов. При том, что среднее специальное и высшее образование было моноязычным. Поэтому оформилась сеть смешанных школ – двух- и трехъязычных, организованных через обучение на русском и родных языках и параллельных по родному языку классов.

В статье анализируется сложный процесс разработки и реализации билингвизма в советской школе. Раскрываются многочисленные проблемы учебного и воспитательного процесса, пути их решения, также особенности советского этногенеза, который строился на основе прежде всего русского языка. Но современная языковая политика свидетельствует, что родной язык для человека есть средство этнической идентичности, русский язык выступает способом общения со всеми народами России, помогает сориентироваться в окружающем мире [1].

Ключевые слова: языковая политика, билингвизм, смешанные школы, двух-трехъязычные школы, педагогические кадры, учебники, учебные программы

Lena Sh. Suleymanova

THE PRACTICE OF IMPLEMENTING BILINGUALISM IN THE SCHOOLS OF BASHKORTOSTAN IN THE 40-60S OF THE XX CENTURY

Abstract

The appeal to this topic is connected with the development of bilingualism (bilingualism: the study of native and Russian languages) and multilingualism (multilingualism) in the schools of the country, including Bashkortostan. If the latest model of education and upbringing is caused by the global information space, globalization and strengthening of the dialogue of cultures, bilingualism is not a new phenomenon in the history of the national enlightenment. Thus, in Bashkortostan, a multinational republic, in the 40-60s of the last century, in the conditions of the organization of new industries, the active search for a new model of a multiethnic school capable of preparing graduates for technical schools and universities, i.e. future professional specialists, continued. Despite the fact that secondary specialized and higher education was monolingual. Therefore, a network of mixed schools has been formed – two and three language schools, organized through teaching in Russian and native languages and classes parallel in the native language.

The article analyzes the complex process of developing and implementing bilingualism in the Soviet school. Numerous problems of the educational and educational process, ways of their solution, as well as the features of Soviet ethnogenesis, which was based primarily on the Russian language, are revealed. But modern language policy shows that a person's native language is a means of ethnic identity, the Russian language acts as a way of communicating with all the peoples of Russia, helps to navigate the world around them.(1)

Сулейманова Лена Шагидулловна, *доктор исторических наук, профессор, e-mail: fariha35s@mail.ru*

Lena Sh. Suleymanova, *Dr. Sci. (History), Professor, e-mail: fariha35s@mail.ru*

© Сулейманова Л.Ш., 2022

Key words: Language policy, bilingualism, mixed schools, bilingual schools, teaching staff, textbooks, learning programs

В современном мире система образования ведет работу в режиме диалога языков и культур, возрождения, сохранения и развития культурного наследия народов. Поэтому, если очень кратко обозреть историю отечественного просвещения, особенно такого многонационального края, как Башкортостан, то со второй половины XIX в. с постановкой вопроса народного образования начался поиск модели полиэтничной школы. И на каждом этапе изменений общественного развития возникала острая необходимость поиска такой образовательной модели, которая просвещала и содействовала бы гармонизации языковых и культурных пластов. То же самое происходило и в 40–60-х гг. XX в.

В этот период начинается новый этап приведения в единообразие национальных учебных заведений. В какой-то мере, идет возрождение дореволюционного типа русско-национальных школ. Это были смешанные школы, в которых создавались параллельные по этническому принципу нерусские классы с обучением на родном и русском языках. Такая тенденция становилась характерной чертой всей РСФСР. В начале 50-х годов из 12483-х нерусскоязычных школ 3161 были смешанными по языку обучения [2, с. 190]. И кроме Татарской и Башкирской АССР в других автономных республиках обучение в послевоенный период в 8–10-х классах проводилось только на русском языке. Начало перевода на преобладание в обучении русского языка в национальных школах было положено указаниями И.В. Сталина по вопросам языкознания. В связи с этим, бюро Башобкома ВКП(б) 17 сентября 1946 г. принимает постановление «О мероприятиях по улучшению преподавания русского языка в нерусских школах». Министерство просвещения (далее Минпрос) БАССР провело значительную работу по улучшению преподавания русского языка. Были переработаны учебники по русскому языку и литературе, разработаны новые учебные планы и программы. К составлению новых учебников через обком партии был привлечен коллектив института языка, литературы и истории БашНИИ. Ученые также провели работу по пересмотру башкирской терминологии в учебных предметах школ. На местах по приказу Минпроса до 15 ноября 1946 г. неподготовленных учителей освобождали от преподавания русского языка. Для них при крупных школах организовывались курсы повышения подготовки. Также Минпросом БАССР в 1946/1947 уч. г. было организовано 214 смешанных школ: 57 русско-башкирских, 101 русско-татарских, 23 русско-чувашских и 24 русско-марийских [3]. В 1952/1953 уч. г. функционировали 72 начальных, 166 семилетних, 83 средних смешанных школы. В 1956/1957 уч. г. они увеличились до 64 начальных, 178 семилетних и 165 средних школ [5, с. 375]. Обучение в смешанных школах проводилось на двух и трех языках, укомплектованных по национальным параллельным классам. Судя по отчетам о работе школ, такая модель обеспечивала получение образования учащимися и на родном языке.

В документах этой поры официальное название национальных школ меняется на нерусские. А зав. отделом школ Башобкома Изгин в своей докладной записке в отдел школ ЦК ВКП(б) в 1946 г. испрашивал санкцию на перевод всех точных предметов на русский язык обучения, начиная уже с 5-го класса. Эти проекты не были осуществлены. Члены обкома высказались не торопиться, а тщательно изучить вопрос, выяснить мнение педагогов и общественности. Через прессу развернута была дискуссия, где, например, директор Миякинской средней школы Султанов заметил, что «…постановка обучения в национальных школах, предложенная Изгиным, будет «тормозить развитие нерусских народов» [4].

Сам процесс унификации национальных школ, продолжившийся в послевоенный период по всему СССР, в Башкирской республике пытались обосновать следующим. Низкая успеваемость учащихся и малый процент поступающих в вузы в национальных школах объяснялись только слабыми знаниями по русскому языку. Автору этих строк встретился весьма интересный архивный документ. Это справка Башобкома ВКП(б) о подготовке национальных кадров в вузах и техникумах БАССР в 40-е гг. За пять лет (с 1942 по 1947 гг.) по этой справке Уфимский авиационный институт подготовил 263 инженеров. Из них 4 татарина и ни одного башкира. Сельскохозяйственный институт выучил 159 агрономов и ветврачей. Из них 2 башкира и 23 татарина. Из Медицинского института выпустилось 627 врачей, из которых 25 башкир и 55 татар. Всего за эти годы по всем вузам республики башкир было подготовлено 80 человек (3,2%) и 253 татарина (11%) [6].

В этой же справке приводятся данные о крайне неблагополучной подготовке преподавательских кадров в вузах из числа башкир и татар. Из 33 профессоров в 1947 г. башкир было только двое, такое же количество татар. Из 130 доцентов – кандидатов наук из башкир было только 9 человек и 21 татар. В более ранний период, в 30-е гг., ситуация с подготовкой кадров была совершенно иной. К примеру, в 1934/1935 уч. г. обучалось: в Мединституте 120 башкир, 149 татар, 416 русских, 39 чувашей, мордвы и марийцев, 43 немца, латыша и эстонца; в Сельхозинституте – соответственно – 56, 59, 189, 23, 33; и в Учительском институте соответственно – 45, 61, 31, 15, 6 человек [5, с. 375].

Таким образом, в 30-е гг. в вузах республики обучалось немало представителей нерусских народов, хотя с постановкой преподавания русского языка в национальных школах проблем было совсем не меньше, чем в 40-е гг. Следовательно, проводилась политика выравнивания в получении образования и подготовке кадров всех народов республики, особенно, экономически и социально отстающим этносам создавались условия и предоставлялись льготы для поступления в учебные заведения. Это делалось через специальные выездные приемы, подготовительные курсы, как при учебных заведениях, так и на местах в районах, создавались рабфаки. Сеть вузов была гуманитарного направления, промышленность и урбанизация только получили движение. Поэтому перечисленные меры возымели успех. А во второй половине 40-х – 50-е гг. многие школы переводят обучение ряда предметов на русский язык, т.к. их выпускникам чрезвычайно сложно было поступить в техникумы и вузы. Приемы в вузы и техникумы проводились только на русском языке, поэтому немало выпускников 7-х и 10-х классов не выдерживали вступительные экзамены.

Поскольку человек по природе прагматик, он говорит на том языке, который ему обеспечивает социальное продвижение. А в республике в это время отсутствовали техникумы и вузы с преподаванием на родных языках, а, значит, и не наблюдалось перспективы для роста человека. А 30-е гг. XX в. – это время активного создания новых отраслей промышленности и растущей урбанизации. Поэтому родители и педагогические коллективы отдавали предпочтение обучению детей на русском языке, нежели на родном.

Катастрофическая нехватка педагогов в национальных школах (к примеру, в 8–10-х классах 38% учителей преподавали русский язык без соответствующего образования, немало учителей совсем не знали родного языка учащихся, иногда вели учителя иностранных языков и других предметов), неудовлетворительное преподавание выпускниками педвузов ряда предметов, таких, как математика, химия, физика, их неспособность довести знания из-за не владения родными языками учащихся, а с другой стороны, сложности с поступлением в вузы и техникумы, прежде всего, из башкирских районов, побудили партийные органы поставить эту проблему отдельно. У секретаря обкома КПСС Х.С. Сайранова 12 августа 1957 г. состоялось совещание по вопросу обучения молодежи в школах и вузах на родном языке. Была составлена справка о переходе к преподаванию специальных предметов в педвузах и университете на родном языке. Стенограмма совещания передает всю сложность решения вопроса и отношение к нему участников. «Насколько это верно политически, насколько это реально практически», – емко выразил серьезность и сложность решения Х.С. Сайранов [7].

В своем выступлении министр просвещения БАССР Ф.Х. Мустафина констатировала сложившуюся с 1954 г. практику преподавания отдельных школьных предметов на русском языке из-за имевшегося сильного разрыва между вузом и средней школой в языке в 8 – 10-х классах. И это давало положительные результаты. Также она обратила внимание на существующую проблему оторванности башкирской интеллигенции от своего народа, поскольку выпускники башкирских школ после окончания вуза старались устраиваться работать только в русские школы, поэтому и педагоги в национальных школах были слабее. Население говорило на родном языке, а молодежь, получив высшее образование только на русском языке, не могло свободно общаться с жителями [7].

В ходе обсуждения выявились различные мнения по решению вопроса. Некоторые участники совещания (директор института языка и литературы А. Харисов, научный сотрудник института Терегулова, доцент БГУ Каримов) высказались за введение преподавания на родном языке и в вузе. Обосновывали они это тем, что, видя разрыв между школой и вузом, население задумывалось о переводе обучения детей на русский язык уже с 1-го класса. Возможности для преподавания отдельных предметов (политэкономия, история партии) на родном языке, по

мнению преподавателей, в вузах имелись. Основанием для перехода к преподаванию в вузе на родном языке, по мнению участников совещания, являлось также то, что национальная интеллигенция стала пренебрегать родным языком. Поэтому большинство ученых сходилось в необходимости «культивировать обязательное знание родного языка при приеме в вузы республики и принимать экзамены и на башкирском языке». Действительно, уменьшение часов обучения по башкирской литературе в старших классах до одного часа в неделю отразилось неблагоприятно на качестве успеваемости по родному языку. Поэтому в 1956/1957 уч. г. Минпрос БАССР увеличило до 2-х часов в неделю обучение по этому предмету. А Минпрос РСФСР приказом от 5 сентября 1956 г. ввел письменный экзамен по родному языку.

Было высказано также мнение, что преподавание на родном языке ограничит возможности выпускников, и они будут пригодны для работы только в пределах БАССР. Однако было отмечено, что вузы республики готовят кадры, прежде всего, для решения своих нужд, и обучение на родном языке предполагалось в вузе не всеобщее и обязательное для всех студентов, а для тех, кто поступал после национальных школ, и неполное владение русским языком мешало им продемонстрировать свои познания в учебных дисциплинах. Заметим, что подобная модель преподавания практиковалась в Башкирском государственном университете в 1990-е гг. и позволила не только подготовить кадры, но и поставить проблему возрождения и сохранения национального культурного достояния.

Таким образом, сам факт постановки вопроса языковой политики свидетельствует о веянии «оттепели». Изменился подход: слабый приток в вузы выпускников из национальных школ и длительная адаптация поступивших объяснялись не только плохим знанием русского языка, но и тем, что прием в вузы и подготовка педагогических кадров велся только на русском языке. Из-за чего молодые учителя не могли довести до учащихся национальных школ знания, полученные в вузе, многие боялись работать в таких школах, не могли найти полного понимания и среди родителей. А, в свою очередь, вузовская система моноязычия была связана с малочисленностью преподавателей из национальной среды.

Кроме того, власти не учитывали общепедагогических научных достижений, общественно-исторического опыта. Знание русского языка в нашей стране полезно и важно. Это государственный язык, который используется в образовании, помогает найти друзей, сориентироваться в окружающем мире. Педагогическая наука рассказывает: для освоения русского языка каждым учащимся достаточно овладение им на таком уровне, который необходим для устного и письменного языкового общения, развития речи [8, с. 15]. Известно, что язык является одним из главных этнообразующих факторов. Или, говоря современными терминами, способ этнической идентификации. Потеря языка ведет к утрате национального самосознания, в конечном счете, к исчезновению этноса. Родной язык, отражая и закрепляя картину мира, хранит общественно-исторический опыт народа. Поэтому воспитание и обучение детей также и на родном языке является непременным условием сохранения и развития того или иного народа. В итоге, в наши дни в системе образования пришли к билингвизму. Добавим еще, что советскими партийно-правительственными органами в недостаточной мере учитывались научно-педагогические достижения. Нельзя всех одинаково хорошо обучить неродному языку, как и иностранному. Педагогические азы свидетельствуют, что есть люди, способные к языкам, и есть лица, заинтересованные в знании языка. Немаловажную роль играет окружающая языковая среда. Владение языком требует систематической разговорной практики.

Поэтому усилиями преподавателей, методистов, ученых методики преподавания русского языка в национальной школе стали совершенствоваться. При изучении грамматики русского языка учителя стали значительно шире привлекать в методических целях знания учащихся по грамматике родного языка. Нерусские школы все больше и больше овладевали сравнительным анализом грамматики родного и русского языков и нередко довольно успешно использовали этот метод в своей работе.

Однако возникали определенные противоречия при преподавании русского и родного языков в школах народов Поволжья и Приуралья. Например, татарские и чувашские школы пользовались программами, составленными в Татарстане и Чувашии. А в БАССР в 1952/1953 уч. г., например, работали 1457 татарских и 150 чувашских школ [9]. Поэтому те изменения, которые вносились в программы в этих республиках, имели прямое

отношение и к БАССР. Отрицательно сказывались установление своих порядков и часов обучения в каждой республике, начало изучения русского языка. В Татарстане обучение русскому языку в начальной школе вводилось со 2-й четверти учебного года, в Чувашии – с 1-й, а в Башкортостане – с 3-й четверти 1-го класса. Нормально проводить занятия при таком разнобое в программах было чрезвычайно трудно, и это сказывалось отрицательным образом в школьной практике. Очевидна была необходимость единых программ для всех национальных школ республики. Но такая работа в 50–60-е гг. не была организована. Если еще учесть, что при этом развивалась тенденция перехода национальных школ на двух- и трехъязычное обучения. Поэтому в 60-е гг. с целью усиления знаний по предметам для поступления выпускников в вузы, в школах организуются факультативные занятия. Они явились одной из гибких форм более полного отражения в школьном образовании достижений науки, техники и культуры. Эта форма была удобна тем, что не вызывала изменения учебного плана и программ основного курса средней школы. Добровольный выбор учениками того или иного предмета соответствовал их склонностям, интересам и способностям, формировал умение пополнять свои знания по собственной инициативе. В качестве преподавателей привлекались опытные, квалифицированные учителя, где возможно – работники вузов, специалисты промышленности и сельского хозяйства [10, с. 11].

В 50–60-е гг. количество смешанных школ продолжало увеличиваться. За период с 1958/1959 по 1963/1964 уч. гг. они выросли в БАССР с 373-х до 389-ти, а количество учащихся в них – с 84505 до 123941. Характерно то, что росло количество учащихся и школ не только с двумя, но и с тремя различными языками обучения, организованные параллельными классами по этническому принципу. Так, в 1958/1959 уч.г. на трех языках обучения работали 16 школ с контингентом 2642 ученика, а в 1963/1964 уч. г. – 19 школ с контингентом 5643 учащихся. Иными словами, количество школ с тремя языками обучения за названный период выросло на 119%, а учащихся в них – на 369% [9].

В числе смешанных школ с двумя-тремя языками обучения большой удельный вес занимали именно русско-национальные школы, т.е. школы, в которых одним из языков обучения являлся русский. Приведем данные динамики таких школ и количества учащихся в них.

Таблица 1.

Динамика роста смешанных школ и их учащихся. Конец 50 – сер. 60-х гг. [5, с. 338].

Школы	1958–1959 уч.г		1963–1964 уч. г.		1958–1959 уч. г.	
	Школ	Уч-ся	Школ	Уч-ся	Школ	Уч-ся
Русско-татарско-марийские	5	1108	5	130	100	120.03
Русско-татарско-чувашские	3	996	9	3376	300	338.9
Русско-татарско-удмуртские	3	782	4	902	133.3	115.34
Русско-чувашско-мордовские	2	251	-			
Русско-башкирско-чувашские	1	124	1	235	100	189.5
Русско-марийско-удмуртские	1	23				
Русско-татарско-башкирские	-	-	6	2975		
Русско-башкирские	101	23444	108	33856	106.9	144.4
Русско-татарские	148	42725	157	59247	106.2	138.6
Русско-чувашские	30	4840	33	8117	110.0	167.6
Русско-марийские	22	2814	29	5809	131.8	206.5
Русско-мордовские	7	644	1		14.3	28.1
Русско-удмуртские	4	488	5	1170	125	261.0
Итого русско-нац. школ	327	78450	358	117198	109.5	149.4
Всего смешан. школ	373	84505	389	123941	104.3	146.6
Соот-е рус. нац. школ к смешан. школ в %	87.7	92.8	92.0	95.		

Из приведенной таблицы видно, что билингвизм, говоря современным языком, обеспечивался параллельными в национальном плане классами, т.к. школы обучали на родном языке детей всех близлежащих деревень.

Таким образом, в результате последовательного перевода всей образовательной системы РСФСР на преобладание моноязычия, национальные школы самопроизвольно преобразуются в смешанные, приобретая, главным образом, русско-национальный характер. Практика тех лет показала, что учащиеся в смешанных школах, обучаясь совместно с русскими детьми, быстрее и лучше овладевали навыками русской речи и имели возможность безболезненнее продолжить образование дальше с целью получения квалифицированной специальности. Но установленная сверху тенденция к крайнему билингвизму, т.е. приоритету одного русского языка довольно пагубно отразилась в последующем на родном языке народов республики. Они стали забывать материнский язык, а вместе с этим отрываться от своих национальных корней, произошел разрыв с национальным менталитетом, подпитывающим культурные устои человека [11, с. 42].

Одним из главных составных частей качественной организации учебного процесса в школе того времени являлась обеспеченность хорошими учебниками, наглядными пособиями и школьно-письменными принадлежностями. Если Башиздат башкирские школы учебниками на родном языке обеспечивал сравнительно хорошо, то учебники на марийском, мордовском, чувашском, татарском, удмуртском языках поступали из автономных республик и с большим не выполнением заявок, в среднем 23% от плана [12]. Учебники по предметам с переводом издавались только централизованно. Также Минпрос республики не мог самостоятельно публиковать методические рекомендации. А в прошлом, имея такое право, оно издавало значительную часть методической литературы самостоятельно и оперативно доводило ее до учителей.

Больше внимания стало уделяться качеству учебной литературы национальных школ. Для их доработки привлекали учителей-практиков, для живого обсуждения разработчики выезжали в школы. Рукописи учебников для башкирских школ стали подвергаться тщательному рецензированию и обсуждению в редакционном совете Башкнигоиздата. Стало практиковаться повышение квалификации авторов учебников через курсы в институтах Москвы, что благоприятствовало повышению качества учебников. Эти меры привели к созданию стабильных учебников по башкирскому языку. Для переработки программ башкирской литературы в старших классах была образована авторская группа из таких ученых фиолологов и языковедов как – И. Харисов, Х.Ш. Зинатуллина, Т. Зарипов, Г.З. Рамазанов [13].

В 60–начале 70-х гг. основное внимание уделялось совершенствованию программ и учебников по родному языку и литературе, преемственности и практической их направленности. Они освобождались от перегрузки второстепенного материала. Много внимания уделялось созданию методических пособий для учителей. Большая работа проводилась по созданию наглядных и учебных пособий для учителей.

Таким образом, 40–60-е гг. прошлого столетия в судьбе национальных школ стали временем испытания на факт практической и общественно-исторической необходимости. Это время, когда советский этногенез строился на основе, прежде всего, русского языка, была характерна языковая политика крайнего билингвизма, т.е. в некоторых ситуациях, прежде всего в сфере образования, русский язык занимал главенствующее положение. Поэтому на момент распада СССР большинство нерусских народов, не владея родным языком, пользовалось только русским, идентифицируя его в качестве родного языка [14].

Одновременно 40–60-е гг. в истории народного образования явились временем масштабных преобразований по охвату обучением подростков и подготовки контингента для поступления в техникумы и вузы – будущих квалифицированных кадров для промышленности урбанизирующейся республики. Был завершен семилетний всеобуч, восьмилетний всеобуч и к концу 60-х гг. – десятилетний всеобуч. В этих условиях национальные школы республики сумели не только сохраниться, но и получили развитие в форме восьмилетних и средних школ. С целью сохранения национальной школы массовое распространение получила билингвистская модель обучения и воспитания. Происходит восстановление и численное увеличение смешанных двух- и трехъязычных школ, также переход в старших классах к изучению предметов с родного на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. https://pedsovet.org (Дата обращения 23.05 2022).

2. *Макаров М.Ю.* Развитие общеобразовательной нерусской школы в послевоенный период (1945–1958 гг.). Дис. канд. пед. наук. М., 1967. 137 с.

3. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.122. Оп. 27. Д. 604. Л. 5.

4. НА РБ. Ф. 798. Оп. 9. Д. 2206. Л. 95.

5. *Сулейманова Л.Ш.* История становления и развития национальных школ народов Башкортостана в XX в. Уфа: Нефтегазовое дело, 2011. 455 с.

6. НА РБ. Ф798. Оп. 9. Д. 2183. Л. 21.

7. НА РБ. Ф 122. Оп. 33. Д. 702. Л. 1.

8. *Фоминых Х.Л.* О концепции регионального стандарта по русскому языку // Национально-региональный компонент образования в условиях его стандартизации. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Бирск: Бирский госпединститут, 1997. 125 с.

9. НА РБ. Ф. 798. Оп. 8. Д. 1059. Л. 64.

10. *Мустафина Ф.Х.* Народное образование в Башкирии за 50 лет и меры дальнейшего улучшения работы школ // Учитель Башкирии. 1968. №2.

11. *Сулейманова Л.Ш.* Из истории учительских съездов // Ватандаш. 2019. № 6.

12. НА РБ. Ф. 122. Оп. 23. Д. 392. Л. 64.

13. НА РБ. Ф. 798. О. 9. Д. 2206. Л. 97.

14. https://cyberleninka.ru (Дата обращения 21.05.2022).

REFERENCES

1. https://pedsovet.org (Accessed 23.05 2022).

2. Makarov, M.Yu. *Razvitiye obshcheobrazovatel'noy nerusskoy shkoly v poslevoyennyy period (1945–1958 gg.)* [Development of general non-russian schools in the post-war period (1945-1958)]. PhD Thesis. Moscow, 1967. 137 p. (in Russ).

3. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 122, opis 27, delo 604, list 5. (in Russ).

4. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 798, opis 9, delo 2206, list 95. (in Russ).

5. Suleymanova, L.Sh. *Istoriya stanovleniya i razvitiya natsional'nykh shkol narodov Bashkortostana v XX v.* [History of the formation and development of national schools of the peoples of Bashkortostan in the XX century]. Ufa: Oil and gas business, 2011. 455 p. (in Russ).

6. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 798, opis 9, delo 2183, list 21. (in Russ).

7. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 122, opis 33, delo 702, list 1. (in Russ).

8. Fominykh, H.L. *O kontseptsii regional'nogo standarta po russkomu yazyku* [On the concept of a regional standard in the Russian language]. In: Natsional'no-regional'nyy komponent obrazovaniya v usloviyakh yego standartizatsii. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [National-regional component of education in the context of its standardization. Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference]. Birsk, 1997. 125 p. (in Russ).

9. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 798, opis 8, delo 1059, list 64. (in Russ).

10. Mustafina, F.H. *Narodnoye obrazovaniye v Bashkirii za 50 let i mery dal'neyshego uluchsheniya raboty shkol* [Public education in Bashkiria for 50 years and measures to further improve the work of schools]. In: Uchitel' Bashkirii [Teacher of Bashkiria]. 1968. No. 2. (in Russ).

11. Suleymanova, L.Sh. *Iz istorii uchitel'skikh s'yezdov* [From the history of teachers' congresses]. In: Vatandash [A compatriot]. 2019. No. 6. (in Russ).

12. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 122, opis 23, delo 392, list 64. (in Russ).

13. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan* [National Archive of the Republic of Bashkortostan]. Fond 798, opis 9, delo 2206, list 97. (in Russ).

14. https://cyberleninka.ru (Accessed 21.05.2022). (in Russ).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-15-20
УДК 392.51

М.А. Пилипак

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА СЛАВЯН БАШКОРТОСТАНА: БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Аннотация

Полинациональность Республики Башкортостан, тесный контакт представителей тюркских, финно-угорских, славянских и других этносов на протяжении длительного исторического периода, способствовали взаимовлиянию их культур, изменению традиционного жизненного уклада, трансформации обрядов.

Статья посвящена изучению особенностей бытования белорусской и украинской свадеб в Башкортостане.

Цель публикации – выявление степени сохранения и трансформации свадебных обрядов белорусов и украинцев на современном этапе, а также сравнительный анализ их общих и отличительных черт. Для достижения поставленной цели в работе применены описательный, сравнительно-исторический и полевой методы исследования. Основой для написания публикации послужили экспедиционные записи автора, проведенные в последнее десятилетие в местах компактного проживания белорусов и украинцев.

По результатам представленного исследования отмечается сохранение традиционной структуры свадьбы, включающей предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный этапы. Под влиянием трансформационных и ассимиляционных процессов зафиксировано изменение ритуальных функций участников свадьбы и обрядовой атрибутики. Выделены общие и отличительные черты свадебного обряда белорусов и украинцев.

Ключевые слова: славяне, традиционная культура, Республика Башкортостан, свадебная обрядность, белорусы, украинцы, экспедиция, свадебная атрибутика, регионально-локальная специфика, трансформация

Maksim A. Pilipak

TRADITIONAL CULTURE OF THE SLAVS OF BASHKORTOSTAN: BELARUSIAN-UKRAINIAN PARALLELS IN WEDDING CEREMONY

Abstract

The multi-nationality of the Republic of Bashkortostan, the close contact of representatives of Turkic, Finno-Ugric, Slavic and other ethnic groups, over a long historical period, contributed to the mutual influence of their cultures, the change of the traditional way of life, the transformation of rituals.

The article is devoted to the study of the peculiarities of the existence of Belarusian and Ukrainian weddings in Bashkortostan.

The purpose of the publication is to identify the degree of preservation and transformation of wedding ceremonies of Belarusians and Ukrainians at the present stage, as well as a comparative analysis of their common and distinctive features. To achieve this goal, descriptive, comparative-historical and field research methods are used in the work. The basis for writing the publication was the author's expedition records conducted in the last decade in places of compact residence of Belarusians and Ukrainians.

According to the results of the presented research, the preservation of the traditional structure of the wedding, including the pre-wedding, the actual wedding and post-wedding stages, is noted. Under the influence of transformational and assimilation processes, a change in the ritual functions of wedding participants and ritual attributes was recorded. Common and distinctive features of the wedding ceremony of Belarusians and Ukrainians are highlighted.

Пилипак Максим Анатольевич, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научного центра социокультурного анализа ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан» АН Республики Башкортостан, e-mail: pilipakma@isi-rb.ru*

Maksim A. Pilipak, *Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Scientific Center for Socio-Cultural Analysis of the Institute of Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa), e-mail: pilipakma@isi-rb.ru*

© Пилипак М.А., 2022

Key words: slavs, traditional culture, Republic of Bashkortostan, wedding ceremony, Belarusians, Ukrainians, expedition, wedding paraphernalia, regional-local specifics, transformation

Актуальным направлением в современной исторической науке является исследование вопросов взаимовлияния традиционных культур коренных и пришлых народов, населяющих Республику Башкортостан. К последним на территории исследуемого региона относятся белорусы и украинцы, основная масса которых заселяла регион после отмены крепостничества и во время проведения столыпинской аграрной реформы. По данным всероссийской переписи населения 2010 г., число белорусов, проживающих в республике, составляло 11680 чел. [5, с. 48], а украинцев – 39875 чел. [5, с. 51].

Изучению культуры белорусского населения республики посвящены труды С.Н. Шитовой [17]. Фольклор белорусов, в том числе, и свадебный, исследовали Ф.Г. Галиева (Ахатова) [3; 6]. Изучением свадебных традиций украинцев Башкортостана занимались Л.И. Брянцева [2], В.Я. Бабенко [1], И.Е. Карпухин [4], Ф.Г. Галиева [16]. Помимо этого, некоторые аспекты свадебного обряда украинцев края представлены в публикациях автора [7; 8; 9].

Несмотря на значительный вклад в исследование свадебной обрядности белорусов и украинцев Башкортостана, изучение этой темы не теряет актуальности: сравнительный их анализ, уровень сохранения в ино- и полиэтнической среде, выявление общих и отличительных черт. Данные аспекты рассматриваются в публикации впервые. Полевые исследования, проведенные в период 2011–2022 гг., способствуют расширению знаний о традициях переселенцев и введению в научный оборот новых данных.

Типичными для белорусской и украинской свадеб является их структура, которая включает предсвадебный, собственно свадебный и послесвадебный этапы. Стоит отметить, что и сам термин свадьба на белорусском и украинском языках звучат почти идентично: вяселле (бел.) и весілля (укр.).

И у белорусов, и у украинцев свадьба начиналась со сватовства. До середины XX в. в украинских и белорусских селах Башкортостана, как и на их исторической родине, сватать девушку шло ограниченное число людей – двое-трое сватов. При этом парень на сватовстве мог и не присутствовать. Только в случае удачного сватовства он вместе с другими членами семьи приходил в дом девушки. На современном этапе исследования со стороны жениха в дом невесты, помимо сватов, отправляются почти все близкие родственники. Экспедиционные материалы показали, что белорусы и украинцы придерживались давней традиции в выборе сватов. Так, выступить в их роли приглашали обычно крестного отца, дядю или старшего брата жениха. Главными их атрибутами у обоих исследуемых этносов был и остается хлеб, завернутый в полотенце (ручнік – бел.; рушник – укр.) и бутылка самогона или водки (гарэлка – бел.; горілка – укр.), которые было принято сразу ставить на стол в доме невесты. Использование данных атрибутов у белорусов с. Балтика Иглинского района подтверждают респонденты старшего и среднего возраста: «Естественно, что-то покушать брали и спиртное брали. Хлеб – обязательно! Обязательно с хлебом! Это у нас, знаете, это наверно вот – традиция тоже не только белорусская, я думаю. У всех, наверное, славянских народов – в хату приходить с хлебом. Сам идешь, когда – хлеб надо принести, ну или там пирожки что-то и к тебе, когда тоже идут. Вот она до сих пор у нас эта традиция остается, все-равно. Также (хлеб принесенный – М.П.) выставляли на стол, естественно, и ели этот хлеб» [13]; «...тоже принесли там какие-то угощения, каравая не было, просто какие-то угощения, выпивку – там такое было» [14].

Так же, как и у белорусов, у украинцев принесенный сватами хлеб съедали, однако в некоторых селах среди потомков украинских переселенцев хлебом могли обмениваться [10], что выступало знаком согласия на брак.

Общей чертой сватовства в белорусских и украинских населенных пунктах является использование ряда фольклорных текстов, в которых сваты представляли жениха в образе охотника – сбившегося с пути или потерявшего след добычи, молодца или голубя – ищущего себе пару. Девушка часто выступала в роли куницы, телочки, голубки или потерянной овечки: «Мы знаем, что у Вас там, – почему-то на животных переводили, – или там хорошая ярочка есть, а у нас, вот, баранчик. Кто там – «девица-красавица», а у нас хлопец такой гарный...» [13]; «У вас тут, нам сказали, шо у вас тут продається тьолка, єсть продажня...» [12]. Стоит отметить, что в большинстве случаев речь сватов не была устоявшейся или шаблонной, а часто имела импровизационный характер. Таким образом, они в шуточной форме сообщали об истинной причине визита.

Сравнивая данные экспедиционных материалов, записанных в белорусских и украинских поселениях, прослеживаются и некоторые отличия в сватовстве. Так, со слов жительницы с. Балтика Иглинского района удалось узнать, что во время ее свадьбы, проходившей в 2008 г., родственники жениха приносили на сватовство мед, которым мазали веки и губы ее матери, а жених – забил в порог дома гвоздь. Сама респондентка объяснила, что мед использовали для того, чтобы будущая теща «...не видела и не говорила лишнего», а гвоздь – символизировал «...застолбленное место» [14]. Стоит отметить, что старшие опрашиваемые информаторы не подтвердили бытование данной традиции в прежние времена.

Подобное обрядное действие зафиксировано нами и у украинцев, однако делали они это в конце свадьбы и лишь в том случае, если женился или выходила замуж последний ребенок в семье. Так, в Федоровском районе гвоздь забивали в косяк входной двери, а в Стерлитамакском – деревянный кол – в порог: «Гвоздь забивали – вот у нас последняя свадьба была, у сына была – третяя, пришли – гвоздь забивали. Гвоздь забивали в дверь (косяк – М.П.), при входе в дом, это чтобы уже больше свадьбов не играли! Это чтобы одна была свадьба! Забивали, чтобы было раз и навсегда – за последней свадьбой – уже больше никто не женится. Вышла замуж – вышла! Женился – женился! Точка!» [15]; «...колок забивать – єслі в сим'ї послєдній жениця хто нібудь там, чи дочка замуж виходить, чи син послєдній. Тоді вже забивають колок, забивають на порогі – отакий беруть колок, полтора метра і, ото, б'ють – поки розіб'ють все крильце» [11]. Семантика данного обряда связана с завершением свадеб в доме.

Характерными знаками согласия девушки на свадьбу на территории Украины выступали ряд обрядных действий, а именно: обмен хлебом, перевязывание сватов полотенцами через плечо, а жениха – платком. По данным последних экспедиций, украинцы Республики Башкортостан во время сватовства платки и полотенца уже не использовали. У белорусов Башкортостана данная традиция спорадически сохранялась до начала 80-х гг. прошлого века. Об этом свидетельствуют воспоминания Н.В. Свистун (Касюк) из с. Балтика: «...нам обязательно нужно было вышить рушники свадебные на сватовство. Когда приходит сватать, чтобы вот этот рушник и, обычно, сват уже который в хату зайдет, идет мыть руки и говорит: «А че ж мне руки-то нечем утереть?». – И тут должна была невеста или мать невесты вынести этот рушник и повязать этому свату» [13]. Таким образом, родственники жениха проверяли не только хозяйственность девушки, но и ее знание обычаев.

На современном этапе в Балтике желание выйти замуж девушка подтверждает устно. Закрепляя согласие на брак, парень дарит девушке подарок. Будущая пара получала благословение родителей, и только после этого все садились за стол. Во время угощения родственники невесты и жениха обсуждали все организационные вопросы: дату свадьбы, количество гостей и пр.

Через некоторое время после сватовства невеста и жених приглашали гостей на свадьбу. Традиция личного приглашения у белорусов существовала до начала 1980-х гг., при этом сама невеста звала только близких друзей, а остальных родственников – с родителями.

Наряду с устным приглашением, в украинских населенных пунктах Башкортостана до середины 1980-х гг. невеста отправлялась приглашать гостей в сопровождении подружки – дружки. Они приглашали родных с помощью специальной обрядовой выпечки – шишек – которых, в зависимости от региона происхождения переселенцев, могли выпекать по числу приглашенных гостей или использовали только одну. Также приглашать могли и хлебом. Использование хлебобулочных изделий во время приглашения на свадьбу у белорусов нами не зафиксировано. Стоит отметить, что на сегодняшний день и белорусы, и украинцы приглашают с помощью пригласительных открыток.

Одним из важных этапов свадебного обряда обоих исследуемых этносов является выпекание каравая, который готовили в доме жениха и невесты. Однако на современном этапе его роль, как одного из главных свадебных атрибутов славян, почти утрачена. Зачастую сейчас каравай заказывают в пекарнях, а во время свадьбы им только встречают молодоженов, дают покусать для определения главенства в семье и одаривают гостей: «У нас, как-то, было принято, почему-то, вот, каравай обязательно мать невесты выносила. Выносила – встречала зятя, и вот, там откусывали каравай, так тоже, по традиции. Гостям – этот каравай свадебный, угощали гостей» [13].

В пятницу, перед свадьбой, проходил девичник – обряд прощания девушки с девичеством. В большинстве украинских поселений он зафиксирован под названием дівич-вечір, а у белорусов –

дзявочнік. В Украине и Белоруссии во время его проведения подружки невесты плели для нее венок, наряжали свадебное деревце, изготавливали украшения для обоих молодых. При этом каждое их действие сопровождалось исполнением обрядовых песен. В процессе длительного проживания за пределами материковых территорий, девичник у потомков переселенцев претерпел значительную трансформацию. Так, в белорусских населенных пунктах свадебное деревце не делали, однако получил распространение обычай изготовления невестой плетки (кнута) из тряпичных лоскутов: невеста делала перед свадьбой вот такую вот плетку из лоскутков тряпичных, желательно таких ярких, хороших [13]. Данный кнут был атрибутом дружка – главного распорядителя свадьбы.

Сама свадьба у белорусов и украинцев Башкортостана начиналась в субботу. Старшие респонденты отмечают, что раньше, вплоть до конца 1970-х гг., свадьба длилась до 7 дней, а на современном этапе – всего 2–3 дня.

Идентичными у белорусов и украинцев Республики Башкортостан являются обычаи провожания жениха к невесте. Так родители благословляли его иконой, окропляли святой водой. По пути любой желающий мог устроить жениху преграду, требуя выкуп за проезд. Далее плату просили за вход во двор, дом, саму невесту и место возле нее.

Важную роль при выкупе молодой играли ее подружки, которые всевозможными испытаниями проверяли смекалку, щедрость и терпеливость жениха и его товарища: «...здесь подружки как задействованы – они выкуп за невесту просят у жениха. Так же у нас было, у нас вот, ворота перед женихом закрываются, значит, и здесь уже начинают подружки такие самые-самые бойкие – с жениха стрясти, как можно больше. Там всякие шутки-прибаутки... – все это было!» [13]. Не менее значимой во время выкупа была функция младшего брата невесты, миссия которого заключалась в охране места возле сестры. В большинстве исследуемых украинских населенных пунктах, при этом, он мог использовать скалку.

После выкупа молодые отправлялись на роспись или венчание. Отметим, что у белорусов первый день свадьбы проходил в доме невесты, а второй – у жениха. У украинцев данная традиция обусловливалась регионом их происхождения и по материалам экспедиций зафиксированы следующие варианты:

- первый день у жениха, второй – у невесты;
- первый день у невесты, второй – у жениха;
- празднование первого дня отдельно, второй – у жениха.

Сегодня, зачастую свадьбу проводят в одном месте и вне дома – кафе, ресторане и т.д. При этом ритуальные функции главных участников свадьбы и обрядовой атрибутики сохраняются.

Вне зависимости от места проведения свадьбы, после росписи, родители встречают молодых хлебом-солью, всех гостей приглашают за стол.

Ближе к вечеру проходил обряд разрезания свадебного каравая. У белорусов это делал дружка, а в украинцев – старший сват. Каждый гость получал по кусочку обрядовой выпечки, а взамен одаривал молодых подарками. Большая роль на данном этапе у белорусов отводилась крестной маме: «Крестная мать должна была и напутствие сказать и должна была и принять вот эти дары, которыми одаривали молодых, и, даже, такое – что помочь сосчитать, там если в денежном выражении, да, и куда-то прибрать это все. Ну, вот свадьба же дальше продолжается. Вот это все прибрать, чтобы потом молодым передать. Ну, порядок должен быть» [13].

Первый день свадьбы завершался обрядом снимания венка с невесты. Экспедиционные материалы показали, что этой традиции придерживаются и на современном этапе, однако сейчас ритуальные функции данного головного убора полностью перенесены на фату. Снимая фату, и у украинцев, и у белорусов, голову девушки повязывают платком, что символизирует ее переход в статус замужней женщины.

Послесвадебный этап у белорусских и украинских переселенцев Башкортостана, как и на их исторической родине, был представлен рядом обрядов, направленных на вхождение снохи в семью мужа, почитание родителей обоих молодых и завершение свадебного семейного цикла.

Таким образом, по результатам представленного исследования можно сделать следующие выводы. Свадебная обрядность белорусов и украинцев Республики Башкортостан сохраняет свойственные обеим славянским народам традиционные черты. Не смотря на значительную трансформацию, на современном этапе сохранены основные этапы обряда и названия его главных участников. Вместе с тем зафиксировано изменение семантической и ритуальной функции обрядовой атрибутики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабенко В.Я.* Весільний обряд українських переселенців у Башкирії // Народна творчість та етнографія. 1979. № 54. С. 98–100.
2. *Брянцева Л.И.* О взаимосвязях русского и украинского свадебного фольклора современной Башкирии // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1975. С. 181–186.
3. *Галиева Ф.Г.* Белорусы. Этносы и культуры в единой семье Башкортостана. М., 2018. С. 305–318.
4. *Карпухин И.Е.* Фольклорно-этнографические взаимовлияния свадеб русских и украинцев Башкортостана (по наблюдениям и записям 1950–1990 гг.) // Украина – Башкортостан: связь времен. Уфа, 2001. С. 92–110.
5. Народы Башкортостана в переписях населения: в 2 ч. Ч. I / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Уфа: Китап, 2016. 332 с.
6. Песни белорусских переселенцев Башкортостана / сост., авт. вступ. ст., авт. записей и расшифровок Ф.Г. Ахатова. Уфа, 2001.
7. *Пилипак М.А.* Свадебная обрядность украинцев Республики Башкортостан: народная традиция в иноэтнической среде // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. М.; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 367.
8. *Пилипак М.А.* Свадебная обрядность украинцев Республики Башкортостан как элемент сохранения этнокультурной идентичности (на примере Миякинского района) // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. Выпуск 4: научный альманах / Под ред. И.Л. Поздеева; ред. кол.: В.С. Воронцов, Р.Н. Касимов, Д.А. Черниенко (отв. ред.). Ижевск: ООО «Издательство «Шелест», 2018. С. 50–53.
9. *Пилипак М.А.* Свадебный фольклор украинцев Республики Башкортостан как фактор этнической идентичности // Современные исследования социальных проблем. Т. 12. № 3. 2020. С. 132–146.
10. Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Кивы Л.Ф. 1939 г.р. и Кивы С.С. 1940 г.р., жителей с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан. Октябрь 2012.
11. Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Головань (Драцкой) В.Ф. 1943 г.р. жительницы с. Золотоношка Стерлитамакского района Республики Башкортостан. Октябрь 2012.
12. Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Голод (Мороз) В.С., 1922 г.р., жительницы с. Черниговка Давлекановского района Республики Башкортостан. Сентябрь 2020.
13. Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Свистун (Касюк) Н.В., 1960 г.р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан. Июль 2022.
14. Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Хализовой Ж.А. 1986 г.р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан. Июль 2022.
15. Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Киржаковой (Хандоги) А.М. 1960 г.р. жительницы с. Гавриловка Федоровского района Республики Башкортостан. Июль 2022.
16. Украинский фольклор в Башкортостане : фольклорный сборник / состав., автор вступ. ст. и коммент. Ф.Г. Галиева. Уфа : Башк. энцикл., 2020. 324 с.
17. *Шитова С.Н.* Белорусы // Народы Башкортостана. Ист.-этнограф. очерки. Уфа, 2002. С. 295–318.

REFERENCES

1. Babenko, V.Ja. *Vesil'nij obrjad ukrains'kih pereselenciv u Bashkirii* [Wedding ceremony of Ukrainian migrants in Bashkiria]. In: *Narodna tvorchist' ta etnografija* [Folk art and Ethnography]. 1979. No 54. pp. 98–100. (in Ukrainian).
2. Brjanceva, L.I. *O vzaimosvjazjah russkogo i ukrainskogo svadebnogo fol'klora sovremennoj Bashkirii* [About the interrelationships of Russian and Ukrainian wedding folklore of modern Bashkiria]. In: *Fol'klor narodov RSFSR* [Folklore of the peoples of the RSFSR]. 1975. pp. 181–186. (in Russ.).
3. Galieva, F.G. *Belorusy* [Belarusians]. In: *Jetnosy i kul'tury v edinoj sem'e Bashkortostana* [Ethnic groups and cultures in a single family of Bashkortostan]. Moscow, 2018. pp. 305–318. (in Russ.).
4. Karpuhin, I.E. *Fol'klorno-jetnograficheskie vzaimovlijanija svadeb russkih i ukraincev Bashkortostana (po nabljudenijam i zapisjam 1950–1990 gg.)* [Folklore and ethnographic interactions of weddings of Russians and Ukrainians of Bashkortostan (according to observations and records of 1950–1990)]. In: *Ukraina – Bashkortostan: svjaz' vremen* [Ukraine – Bashkortostan: The link of times]. Ufa, 2001. pp. 92–110. (in Russ.).
5. *Narody Bashkortostana v perepisjah naselenija* [The peoples of Bashkortostan in the population censuses]. In 2 part. P. I. In: *Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Bashkortostan* [Territorial authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Bashkortostan.]. Ufa: Kitap, 2016. 332 p. (in Russ.).
6. *Pesni belorusskih pereselencev Bashkortostana* [Songs of the Belarusian settlers of Bashkortostan]. comp., auth. introductory article, author's notes and transcripts of F.G. Akhatova. Ufa, 2001. (in Russ.).

7. Pilipak, M.A. *Svadebnaja obrjadnost' ukraincev Respubliki Bashkortostan: narodnaja tradicija v inojetnicheskoj srede* [Wedding ceremony of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan: folk tradition in a non-ethnic environment]. In: *XII Kongress antropologov i jetnologov Rossii: sb. materialov. Izhevsk, 3-6 ijulja 2017 g.* [XII Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials. Izhevsk, July 3-6, 2017]. Ed.: A.E. Zagrebin, M.Y. Martynova. Moscow; Izhevsk: IE RAS UI HLL UB RAS 2017. p. 367.

8. Pilipak, M.A. *Svadebnaja obrjadnost' ukraincev Respubliki Bashkortostan kak jelement sohranenija jetnokul'turnoj identichnosti (na primere Mijakinskogo rajona)* [Wedding ceremony of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan as an element of preservation of ethno-cultural identity (on the example of Miyakinsky district)]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ja: nauchnyj al'manah* [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region]. Issue 4: Scientific Almanac. Edited by I.L. Pozdeyev; ed. Board.: V.S. Vorontsov, R.N. Kasimov, D.A. Cherniyenko (Managing editor). Izhevsk: «Shelest» Publishing House», LLC, 2018. pp. 50–53. (in Russ.).

9. Pilipak, M.A. *Svadebnyj fol'klor ukraincev Respubliki Bashkortostan kak faktor jetnicheskoj identichnosti* [Wedding folklore of Ukrainians of the Republic of Bashkortostan as a factor of ethnic identity]. In: *Sovremennye issledovanija social'nyh problem* [Modern studies of social problems]. Vol. 12. No 3, 2020. pp. 132–146.

10. *Polevye materialy avtora. Jekspedicionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Kivy L.F. 1939 g.r. i Kivy S.S. 1940 g.r., zhitelej s. Zolotonoshka Sterlitamakskogo rajona Respubliki Bashkortostan* [Field materials of the author. Expedition records Pilipak M.A. from Kiva L.F. born in 1939 and Kiwi S.S. born in 1940, residents of Zolotonoshka village of Sterlitamak district of the Republic of Bashkortostan]. October 2012. (in Russ.).

11. *Polevye materialy avtora. Jekspedicionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Golovan' (Drackoj) V.F. 1943 g.r. zhitel'nicy s. Zolotonoshka Sterlitamakskogo rajona Respubliki Bashkortostan* [Field materials of the author. Expedition records Pilipak M.A. from Golovan (Dratskaya) V.F., born in 1943, a resident of the village of Zolotoshka, Sterlitamaksky district of the Republic of Bashkortostan]. October 2012. (in Russ.).

12. *Polevye materialy avtora. Jekspedicionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Golod (Moroz) V.S., 1922 g.r., zhitel'nicy s. Chernigovka Davlekanovskogo rajona Respubliki Bashkortostan* [Field materials of the author. Expedition records Pilipak M.A. from Golod (Moroz) V.S., born in 1922, a resident of the village of Chernihiv Davlekanovsky district of the Republic of Bashkortostan]. September 2020. (in Russ.).

13. *Polevye materialy avtora. Jekspedicionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Svistun (Kasjuk) N.V., 1960 g.r., zhitel'nicy s. Baltika Iglinskogo rajona Respubliki Bashkortostan* [Field materials of the author. Expedition records Pilipak M.A. from Whistler (Kasyuk) N.V., born in 1960, a resident of the village of Baltika in the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan]. July 2022. (in Russ.).

14. *Polevye materialy avtora. Jekspedicionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Halizovoj Zh.A. 1986 g.r., zhitel'nicy s. Baltika Iglinskogo rajona Respubliki Bashkortostan* [Field materials of the author. Expedition records Pilipak M.A. from Khalizova J.A. born in 1986, a resident of the village of Baltika in the Iglinsky district of the Republic of Bashkortostan]. July 2022. (in Russ.).

15. *Polevye materialy avtora. Jekspedicionnye zapisi Pilipaka M.A. ot Kirzhakovoj (Handogi) A.M. 1959 g.r. zhitel'nicy s. Gavrilovka Fedorovskogo rajona Respubliki Bashkortostan* [Field materials of the author. Expedition records Pilipak M.A. from Kirzhakova (Khandogiy) A.M., born in 1960, a resident of the village of Gavrilovka, Fedorovsky district of the Republic of Bashkortostan]. July 2022. (in Russ.).

16. *Ukrainskij fol'klor v Bashkortostane : fol'klornyj sbornik* [Ukrainian folklore in Bashkortostan: folklore collection]. Comp., author of the introductory article and comment. F. G. Galieva. Ufa : Bask. encycl., 2020. 324 p. (in Russ.).

17. Shitova, S.N. *Belorusy* [Belarusians]. In: *Narody Bashkortostana* [Peoples of Bashkortostan.] Historical and ethnographic essays. Ufa, 2002. pp. 295–318. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-21-28
УДК 821.512.145

Д.Ф. Загидуллина, Ф.А. Азизова

ВОСТОЧНЫЙ (МУСУЛЬМАНСКИЙ) ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КАНОН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация

Статья посвящена одной из наиболее дискуссионных проблем современного литературоведения – определению теоретических особенностей функционирования средневекового восточного (мусульманского) канона. Мы исходим из того, что канон – свод правил создания художественных произведений – зависит от религиозно-философских представлений и этико-эстетического идеала определенного сообщества. Не только содержание, но и форма художественной литературы периода средневековья подчинялась канону. Творческий процесс осуществлялся в пределах единой структуры с применением приемов устойчивой поэтической системы. Считалось, что опыт предшествующих поколений прокладывал путь к совершенству, и считалось целесообразным создавать произведения с использованием достигнутого. Совершенство же определялось степенью постижения божественного промысла. Исходя из этого, можно констатировать: художественно-эстетическая значимость канона заключается в том, что каноническая схема, закрепленная материально или существующая только в сознании авторов и читателей данного сообщества, провоцирует талантливого мастера на преодоление этой схемы с помощью художественно значимых отклонений, которые и составляют новизну художественного текста.

Ключевые слова: средневековая литература, канон, религиозно-философские представления, мотив, подражание

Daniya F. Zagidullina, Farida A. Azizova

ORIENTAL (MUSLIM) ARTISTIC CANON: THEORETICAL ASPECTS

Abstract

The article is devoted to one of the most debatable problems of modern literary criticism – the definition of theoretical features of the functioning of the medieval Eastern (Muslim) canon. We proceed from the fact that the canon – a set of rules for creating works of art – depends on the religious and philosophical ideas and the ethical and aesthetic ideal of a particular community. Not only the content, but also the form of fiction of the medieval period was subject to the canon. The creative process was carried out within a single structure using the techniques of a stable poetic system. It was believed that the experience of previous generations led to perfection, and it was about reproduction using what

Загидуллина Дания Фатиховна, *доктор филологических наук, профессор, вице-президент Академии наук Республики Татарстан (Казань), e-mail: zagik63@mail.ru*

Daniya F. Zagidullina, *Dr. Sci. (Philology), professor, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan), e-mail: zagik63@mail.ru*

Азизова Фарида Ахадовна, *доктор филологических наук, заведующий отделом средних веков азербайджанской литературы Института литературы имени Низами Гянджеви Национальной Академии наук Азербайджана (Баку), e-mail: zagik63@mail.ru*

Farida A. Azizova, *Dr. Sci. (Philology), Head of the Department of the Middle Ages of Azerbaijani Literature of the NizamiGanjavi Institute of Literature of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku), e-mail: zagik63@mail.ru*

© Загидуллина Д.Ф., Азизова Ф.А., 2022

had been achieved. Perfection was determined by the degree of comprehension of divine providence. Based on this picture, it can be stated that the artistic and aesthetic significance of the canon lies in the fact that the canonical scheme, fixed materially or existing only in the minds of the authors and readers of this community, provokes a talented master to overcome this scheme with the help of artistically significant deviations that constitute novelty. artistic text.

Key words: medieval literature, canon, religious and philosophical ideas, motif, imitation

Термин «канон» (от араб. ганун – закон, кодекс, устав, статут [1, с. 265]) в широком смысле слова относится к своду правил, действующих в определенной области, и им принято обозначать, прежде всего, правила, касающиеся вероучения, культа и т.д. В литературоведении или искусствознании термин применяется в узком смысле – как совокупность твердо установленных правил, определяющих метод и стиль художественного творчества. Один из первых теоретиков канона А.Ф. Лосев определял его так: «Канон есть количественно-структурная модель художественного произведения такого стиля, который, являясь определенным социально-историческим показателем, интерпретируется как принцип конструирования известного множества произведений. Эта модель оказывается образцом и критерием положительной оценки произведений искусства, воплощающих художественный канон» [8, с. 15].

В литературоведении термин «художественный канон» принято использовать в отношении литературы средних веков, так как именно в этот период следование образцу становится главным показателем развития художественного процесса. Тем не менее, и в средние века он не един: принято разделять восточный и западный каноны; в свою очередь, восточный канон имеет несколько крупных версий.

Касаясь этой проблемы, японовед Т.П. Григорьева отмечает, что основы и истоки восточного традиционного искусства лежат в главных установках традиционной восточной философии [4]. В монографии известного исследователя истории и философии культуры Титуса Буркхардта, посвященной этой проблеме [3], подчеркивается, что сакральное искусство любой культуры несет в себе свойственное для нее духовное видение, которое находит свое отражение в формальном языке.

Получается, что канон является носителем традиций определенного художественного мышления; в нем воплощаются этический и эстетический идеал, представления определенной эпохи, культуры, народа. Ввиду нераздельности философии и религии версиями восточного канона принято считать мусульманский (суфийский) канон; даосско-буддийский канон и т.д. Но, в отличие от религиозного канона, направленного на совершенствование внутреннего мира человека, художественный канон нацелен на совершенствование изобразительно-выразительных форм. И не только. «И все же, если эта форма отвечала притязаниям столь искушенных умов, если она не изменила своей структуры на протяжении веков, то, видимо, в ее основании лежат некие художественные и внехудожественные начала, которые и обусловливают ее устойчивость и универсальность» [5, с. 84].

Чтобы понять происходящее в средневековом мусульманском мире, важно понять среду, в которой зарождалась классическая арабо-мусульманская поэтика, проследить истоки, предтечу нормативности творчества. Всё имеет причину своего закономерного и непрерывного развития. Вышеупомянутые «некие художественные начала» возникли ещё в доисламской джахилийской поэзии, когда поэтам V–VI вв. приходилось с трудом разжимать «тиски герметического мира» арабской поэзии с её готовыми формулами, которые именовались «ма`ани» (мотивы). Традиционные методы были рассчитаны на полное растворение, подчинение поэта, который не мог выйти из плена канонических образов, старых мотивов (ма`ани) и был вынужден творить только в рамках готовых образцов, оставленных ему в наследство предыдущими поэтами. Любой выход за пределы канона считался «гарибом» (чужеродным) и воспринимался как неполноценность. Усилия автора, направленные на какие-то видоизменения старых мотивов, не оправдывали себя. Наоборот, попытки трансформаций таких мотивов, как щедрость, отвага и пр., вызывали недовольство аудитории, если наблюдался отход от заданных «ма`ани». Поэты были вынуждены работать с готовым материалом, в заранее запрограммированной «матрице», закрытой и ограниченной, но при этом ещё и состязаться с теми, кто до них уже сказал своё слово, пытаясь сказать то же самое, но гораздо лучше. Ни один поэт не имел права буквально воспроизвести предшественника, повторить сказанное точь-в-точь, не-

пременно должно было быть отличие, обязательное изменение вошедшей в традицию трактовки сказанного.

Положение дел фактически не поменялось и после принятия ислама, только на смену доисламским мотивам пришли темы, сюжеты, почерпнутые из Корана, хадисов, в которых сведущая читательская аудитория хорошо разбиралась, поскольку именно это занимало важное место в их жизни. Творческий процесс осуществлялся в пределах привычной единой матрицы. В распоряжении поэта была совокупность приёмов, создававшихся на протяжении долгих веков предшествующими поколениями. Поэт традиционного общества не пытался выражать свои мысли, идеи, образы, он просто следовал по дороге, проложенной собратьями по перу в прошлые столетия. Любое отклонение, как и во времена джахилийи, воспринималось как отсутствие вкуса, что лишало поэта аудитории, ибо и сами слушатели не уступали ему в знании устоявшегося поэтического языка.

Всё, что было дорого душе средневекового мусульманина, скрытым образом ассоциировалось с вневременным, вечным. На всём незримо присутствовал перст божий, его знамение, воля. Канон в сознании уподоблялся божественному откровению. Мировоззренческая основа средневековья накладывала отпечаток на всё и подчинялась предначертанности свыше – телеологизму, существующему «от века» и не имеющему завершения. Через Слово и Образ осуществлялась связь сакрального с реальным, космического с земным, политико-идеологического с эмоционально-суггестивным. В культуре ислама всё начиналось со Слова и возвращалось к нему. Единичное стремилось к множественности, бесконечно порождая самого себя.

Отношение к слову и, прежде всего, произнесённому слову как к чему-то священному, демиургическому, объяснялось ещё и тем, что по мусульманской космогонии мир начинался со слова «будь» («кун»). Ислам определял природу и эталонную форму развития средневековой культуры, искусства, литературы. Утверждались эстетические законы, рамки, этикеты, структуры для всего общества – впоследствии представленные как каноны. Если по мусульманским представлениям центром мироздания являлось Слово, то пространственным эквивалентом была фигура того, кто творил его. Отражатель божественных истин воспринимался как знак Создателя, а его деяния – как модель акта Творца. Поэт выступал как демиург живого и неживого миров, владелец сакрального пространства, имитатор первозданного. Подобно муэдзину, словами азана призывающему к молитве, служению, средневековый художник стремился к близости с самим Аллахом, выступая материальным образом Логосферы. Сходство состояло в форме призыва – этакое многократное «тиражирование» и попытка фиксации, закрепления путём повторений. Слово, «открывшее глаза Вселенной», имело магическую силу разрушения, возрождения и увековечивания. Это следовало из толкования «каламу-л-лах» («слово божье», «слово Аллаха»).

Шлифовка, оттачивание в итоге, как считали средневековые авторы, должны были привести к совершенству. Совершенство определялось тем, в какой мере поэт приблизился к священному, недосягаемому, то есть зависело от большей или меньшей степени его приближения. «Божественное» же находилось само по себе, вне реальности, что делало невозможным отразить в поэтическом слове «невидимое», «неслышамое», «неосязаемое». Однако перед поэтом открывались огромные перспективы – устремлённость к «недостижимому». Желание дотянуться хотя бы немного, пусть даже чуть-чуть приблизиться к «извечному», преследовало каждого.

Совершенствование не имело границ, было беспредельным, вечным. Всё новые и новые этапы, сменяя друг друга, «приближали», как казалось стремящемуся, к заветному, желаемому. Высокое почтение к Слову, носящему печать Творца, столь высокий пиетет к нему обусловили то, что на протяжении долгих веков поэты переигрывали, пересматривали, переиначивали, стремились заново создавать из уже созданного, гордо шествуя по бесконечному пространству к совершенству.

Обратившись к какому-то известному в мусульманском мире событию, сюжету, теме, авторы сплачивались в едином стремлении к соперничеству, соревнованию друг с другом. Как отмечает акад. А.Б. Куделин: «Непременным условием состязания в средневековую эпоху было твёрдое убеждение авторов-«соперников» в единственности и неизменности во времени (сколько бы продолжительным оно ни было) самой цели, к которой они стремились. Идея «абсолюта» недосягаемого жанрового или стилистического канона создавала базу для корректных сопоставлений [7, с. 109].

Первый из авторов, кто выступил с какой-либо темой и первым создал произведение, считался всего лишь тем, кто сделал первый шаг, то есть первым осуществившим «восхождение» по пути, который никак не должен быть завершён. Первенство в избранной теме вовсе не означало, что творение является оригиналом, собственностью автора, первым представившим данную тему. Скорее, это был всего лишь необходимый шаг, даже вынужденный, ведь надо же было кому-то сделать этот первый шаг, а всем остальным оставалось лишь продолжить, поскольку любая тема являлась всеобщим достоянием, всеобщей ценностью. Согласно средневековому мышлению, правильнее было бы назвать произведение этого «первопроходца» не оригиналом, а «первым образцом», поскольку в том мире, где оно возникло, ни одно, даже самое прекрасное произведение средневековыми критиками не было возведено в ранг «наилучшего», после которого кому-то другому невозможно создать совершеннее и прекраснее. Оно должно было подстёгивать последователей к созданию новых творений на заданную тему, тем самым поднимаясь вверх, к совершенству. Как подчёркивает А.Б. Куделин, «понятие состязания было одним из центральных для системы литературы средних веков. Оно зиждилось на внеисторизме (аисторизме) традиционалистского художественного сознания. (…) Аисторизм выражался в «снятии» хронологической дистанции при сопоставлениях, временной интервал в пятьсот и даже тысячу лет не смущал учёных, оценивавших результаты «состязания», также не учитывалась принадлежность сопоставлявшихся авторов не только к разным эпохам, но и разным литературам и культурам» [7, с. 109]. Это накладывало большую ответственность на тех, кто взялся за перо.

Поэтому обращения ко Всевышнему о ниспослании божественной милости, помощи в сотворении стали каноническими особенностями художественных произведений, свидетельствуя также о священном характере письма в исламе: «Первое, что сотворил Господь – калам». Восприятие процесса писания как магического действа, связанного не только с техникой, но, прежде всего, с духовно-нравственным обликом автора, – главная особенность исследуемой эпохи. «Письмо» являлось священным символом ислама, и это благоговение, пиетет к «слову» шёл из глубинных недр арабского сознания и зиждился в самих устоях классической арабо-мусульманской культуры, в фундаменте которой находилась доисламская джахилийская поэзия, где складывались истоки традиции. На одном и том же неизменном фоне создавались картины с преобладанием тех или иных мотивов (щедрости, скромности, отваги, суровости, гостеприимства), то есть всего того, что в незапамятные времена составлял кодекс рыцарской чести – «мурувву».

После принятия ислама «мурувву» заменила этика из священного Корана и хадисов. События, связанные со святынями в Мекке, Медине, Кербала, и многие другие сюжеты, известные широкому кругу в мусульманском мире, становились для авторов началом восхождения к Аллаху. Средневековый автор, ссылаясь на произведение другого автора, и при этом отобрав самое лучшее в общем наследии, пытался обогнать его в своём стремлении к Абсолюту. Его собственный текст, как правило, специально приближался к тексту избранного им же наилучшего, по его мнению, автора, снискавшего известность в средневековом мире и признанного читательской аудиторией. Устремлённый к победе в этой словесной борьбе, вступив в бой, поэт демонстрировал свой талант и сноровку, «детально и подробно побивая камнями» – «тарджума» [1, с. 289] каждую строку соперника. Как правило, в начале сочинения указывалось имя автора, с которым проводилось состязание. Эта близость к тексту автора, с которым велась эта поэтическая борьба, дала основание некоторым современным исследователям считать такого рода средневековые произведения переводами [10, с. 103–110].

Существуют также произведения, продолжившие свою жизнь в одном единственном варианте, но они называются «тарджуман». Такое название, к примеру, имеет произведение великого суфия Ибн аль-Араби (1165–1240) – «Тарджуманаль-ашваг». В русском переводе И.М. Фильштинского название звучит как «Толкователь страстей» [14, с. 349]. Произведение представляет собой собрание замечательных мистических поэм и комментарий к ним. Перед читателем собрание стихов Ибн аль-Араби или отдельные отрывки из них, разбросанные в его прозаических произведениях.

Кроме того, одно из значений слова «тарджуман» – «передать», «донести», часто употребляется со словом «vaxy» – «тарджуману-ль-ваху», («посредничество» в передаче «озарения») [12, с. 215]. Средневековый автор ощущает себя посредником между читательской аудиторией и

Всевышним, который посылает ему вдохновение (озарение), и всё ниспосланное ему свыше самими небесами он передаёт своему читателю, являясь передатчиком и переводчиком. «Посредническая» миссия авторов была естественной в обществе, где всё было подчинено религии, влияние которой распространялось на все области духовной жизни. Религиозные понятия, проникая в самые различные сферы, обусловили характер мышления, психологию средневекового человека.

В этом плане интересной представляется позиция А.Б. Куделина, который, основываясь на теоретических изысканиях Д.С. Лихачева, представленных в книге «Поэтика древнерусской литературы» (1967), рассматривает это явление как «нестилизационные подражания».

По мнению ученого, для обозначения восточных «подражаний» средневековые теоретики литературы использовали разные термины: «джаваб (букв. «ответ»), татаббу‘ (букв. «следование»), назира (букв. «подобие»), истикбал (букв. «выход для почетной встречи»), таклид («подражание»), пайрави (букв. «ступание след в след»), мукабила (букв. «выход навстречу») и др.» [7, с. 104]. Подчеркивая, что «подражания» на Ближнем и Среднем Востоке создавались на протяжении всего периода средневековья, начиная с X в. и вплоть до XX в., А.Б. Куделин пишет, что «общим элементом для тех и других является представление о «подражании» как о своего рода соперничестве, состязании (…) Удачным «подражание» считалось лишь в том случае, если его автор смог превзойти предшественника в воплощении определенных элементов содержания или формы» [7, с. 106].

Безусловно, в средние века поэзия, проза, научные трактаты – всё было проникнуто религией. Вся структура средневековой литературы жёстко регламентировалась религиозной этикой. Сам Пророк – Расулу-л-Лах (Посланник Аллаха) в глазах верующих был своего рода связующим звеном между людьми и Всевышним – Посланником, долгожданным «Посредником», Великим «Мессией» («Посыльным»), и это восприятие распространялось на всё вокруг.

Со временем всё отчётливее выявлялись черты эволюционного феномена – благодаря своеобразию и гибкости система канонов могла быть подвержена значительным трансформациям. Подвижность канона подразумевала обновление традиции, однако сам принцип нормативного искусства никак не разрушался в строгих рамках классической поэзии, поскольку всегда наблюдалось некое «константное соотношение» традиционного и творческого начал. Традиционно содержательные единицы, использовавшиеся столетиями и варьировавшиеся до бесконечности индивидуально-авторской интерпретацией, так называемый «дождь умов» (Ибн Табатаба), впоследствии вылились в поток оригинальных мыслей и идей (ма`ани) [15, с. 183].

Как подчёркивает И.М. Фильштинский, «в средние века в арабской литературной критике сложились два понятия: поэтическая тема или идея (ма`на) и способ её словесного выражения (ляфз)». Эти понятия не могут быть идентифицированы с современными представлениями о содержании и форме, ибо «содержание» средневековой поэзии было строго обусловлено жанром того или иного поэтического произведения, который сам по себе уже предполагал комбинацию» из более или менее постоянного набора тем. Под словесным же выражением (ляфз) нормативной темы подразумевалась лишь разработка каждой такой традиционной темы» [14, с. 366]. Запреты на возникновение новых поэтических тем порождали многочисленные вариации, в традиционные темы внедрялись оригинальные, всё далее отдаляющие новые произведения от первичных, первозданных творений древних поэтов, новые формы всё больше и больше отличались своим изяществом. Поэты в своём стремлении обойти эстетизированную, отягощённую литературными ассоциациями символику, волей-неволей отходили от опыта действительности, сбрасывая связывающие их путы привычного, тянулись к таящему неожиданности новому, запретному.

В своей статье ««Китабу-ль-бади» Ибн аль-Мутазза» (861–908) И.Ю. Крачковский выдвигает перевод «бади» как «новый стиль» [6, с. 179], что совершенно точно отражает специфику данного термина. Этот труд Ибн аль-Мутазза достаточно освещён и даже переведён на русский язык, отметим только, что трактат положил начало научному изучению средневековой арабо-мусульманской поэзии, в первую очередь, её стилистики на основе присущих этой поэзии внутренних закономерностей. Книга аль-Мутазза – одна из первых, посвящённых классификации канонизированных образных средств, в которой легализованы нововведения, предпринята попытка обобщения характеристики тропов художественной речи и систематизации основных фигур. Система выразительных средств, как и

система ма`ани, оценивалась как последовательные, бесконечные ступени, ведущие к постижению извечного. Усилия поэтов в сфере образных средств рассматривались в полном соответствии с мусульманским мировоззрением о тайнах божественного откровения, представляемого как путь, не имеющий конца. Поэт лишь приближался к совершенствованию использования средств выразительности, воспринимая этот процесс как нескончаемое движение, зато при этом всё более и более оттачивалась поэтическая техника.

Не только содержание, но и жанровая форма художественной литературы периода средневековья подчинялась канону, выпадение из схемы жанров, закреплённых непререкаемым каноном, было воспрещено, особенно это касалось традиционных жанров («мадх», «хиджа», «васф»), в частности, «мадха» (хвалебные стихи) с его высокопарными образами нормативной поэтики. Нарушение условности описаний строго каралось, в большей мере в жанре «мадх» – наиболее ограниченном с точки зрения количества допустимых образов. Построение жанра «мадх» требовало использование лишь «высокой» лексики. Для «васфа» и «газели» же достаточно было средней. Жанру «васф» был близок «хамриййат» (жанр застольной лирики, воспевание вина) и «тардиййат» (воспевание охоты). «Хиджа» вмещала в себя низкую лексику, но не всегда, поскольку существовали некоторые различия в авторско-индивидуальных подходах, порою наблюдалось смешение жанров, сочетание высокой и низкой лексики, к примеру, в том же «хиджа» (хула, сатира), такое же сочетание высокого и низкого стилей было возможно в жанре «зухдиййат» (от слова «захада» – воздерживаться).

Как известно, арабо-мусульманская традиция требовала обращения к арузу – квантитативной системе стихосложения, в которой использовались как традиционные, так и нетрадиционные размеры. Метрика, развитая в арабской поэзии, подчинила себе чуждые лингвистические проявления творчества других народов, которые были на первых порах зачарованы совершенством арабской поэзии. На время была забыта собственная силлабическая система, от силлабики произошёл переход к квантитативному метру. Однако даже в тот период не наблюдалось полное растворение, исчезновение поэтического мышления. Так, аруз неарабских поэтов отличался от аруза чисто арабского, когда на смену доисламскому «тавилю» приходят совсем другие песенные размеры, к примеру, «хазадж» (от арабского глагола «хазаджа», что означает «напевать» и представляет собой дубейты – двустишия), в арузе неарабов из всех возможных метрических формул употреблялись преимущественно те, в которых число слогов оставалось постоянным. Принцип квантитативности был сохранён, но в то же время метры – преимущественно «мутакариб» или «хазадж» (нетрадиционные размеры) – имели строгое константное число слогов. Под метр «хазадж» обычно подводились рубаи (четверостишия). По поводу попыток подвести рубаи под метр «хазадж» Е.Э. Бертельс писал: «Перед нами результат попыток уложить силлабическую конструкцию на прокрустово ложе квантитативного метра» [2, с. 107]. «Тортлюк» же, часто встречающийся в фольклоре тюркских народов Средней и Центральной Азии, принял форму, называемую арабским термином «мурабба».

Кроме того, было общеизвестно, что «Если «подражание» пишется на лирическое произведение, то в нем обязательно должны быть повторены метр, рифма, редиф (если он имеется), чаще всего тема и какой-либо художественный прием. При сочинении «подражания» повествовательного характера необходимо повторить поэтический размер, главные элементы фабулы, количество глав и т. п.» [7, с. 105].

Итак, исходя из вышесказанного, повторим известное определение: «Канон – система устойчивых норм и правил создания художественных произведений определенного стиля, обусловленного мировоззрением и идеологией эпохи. Художественный канон является образцом и критерием положительной оценки всех произведений, созданных по его правилам» [11, с. 336]. Таким образом, можно констатировать, что канон является и «образцом», и теоретической схемой, указывающей на правила достижения данного совершенства. В данной схеме, опирающейся на структуру канона, можно выделить три элемента: «1. Мировоззренческая основа канона; 2. Модель-образец как вещественное проявление канона; 3. Технология достижения образца» [12, с. 11].

«Каноническое искусство играет огромную роль в общей истории художественного опыта человечества. Вряд ли имеет смысл рассматривать его как некоторую низшую или уже пройденную стадию. И тем более существенно поставить вопрос о необходимости изучать не только его внутреннюю синтагматическую структуру,

но и скрытые в нем источники информативности, позволяющие тексту, в котором всё, казалось бы, заранее известно, становиться мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры» [9, с. 22]. Это очень точное определение Ю.М. Лотмана напоминает о необходимости изучения динамики канона на материале конкретных произведений, в контексте ментальности и мировоззрения конкретного этноса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов Х.К.* Арабо-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 943 с.

2. *Бертельс Е.Э.* История персидско-таджикской литературы. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1960. 556 с.

3. *Буркхардт Т.* Сакральное искусство Востока и Запада: принципы и методы: монография. М.: Алетейя, 1999. 216 с.

4. *Григорьева Т.П.* И еще раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 1975. № 7. С. 241–257.

5. *Исмайлов Х., Султанова Р.* Канон – инвариант восточного литературного процесса. Проблемы методологии ориенталистики // Теория литературы. Т. 4: Литературный процесс. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. С. 82–95.

6. *Крачковский И.Ю.* Китаб ал-бади // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. 6. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 739 с.

7. *Куделин А.Б.* Нестилизационные подражания как явления мировой литературы средних веков // Вестник славянских культур. 2018. Т. 48. С. 101–112.

8. *Лосев А.Ф.* О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. статей / Отв. ред. И.Ф. Муриан. М.: Наука, 1973. С. 6–15.

9. *Лотман Ю.М.* Каноническое искусство и информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. статей / Отв. ред. И.Ф. Муриан. М.: Наука, 1973. С. 16–22.

10. *Мирзоев А.* Является ли «Хадигатус-суада» Физули переводом? // История азербайджанского художественного перевода и Физули. Баку: Авропа, 2009. С. 103–110.(на азерб. яз.).

11. *Пак Н.И.* Канон // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 336.

12. *Попов А.И.* Восточный эстетический канон в гуманитарной культуре современности (на примере художественного творчества): автореф. дисс. канд. филос. наук. Тамбов, 2007. 21 с.

13. Словарь арабских и персидских слов, употребляемых в классической азербайджанской литературе. Баку: Маариф, 1981. 521 с. (на азерб. яз.).

14. *Фильштинский И.М.* История арабской литературы. V – начало X в. М.: Гл. ред. Вост. лит-ры. 1991. 531 с.

15. *Шидфар Б.Я.* Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). М.: Наука, 1974. 253 с.

REFERENCES

1. Baranov, Kh.K. *Arabo-russkij slovar'* [Arabic-Russian Dictionary]. Moscow: Russian language, 1977. 943 p. (in Russ.).

2. Bertels, E.E. *Istoriya persidsko-tadzhikskoj literatury* [History of Persian-Tajik literature]. Moscow: Publishing House of Eastern Literature, 1960. 556 p. (in Russ.).

3. Burkhardt, T. *Sakral'noe iskusstvo Vostoka i Zapada: principy i metody* [Sacred art of the East and West: principles and methods]. Moscow: Aleteya, 1999. 216 p. (in Russ.).

4. Grigorieva, T.P. *I eshche raz o Vostoke i Zapade* [And once again about the Eastand the West]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature]. 1975. No. 7. P. 241–257. (in Russ.).

5. Ismailov, H., Sultanova, R. *Kanon – invariant vostochnogo literaturnogo processa. Problemy metodologii orientalistiki* [The canon is an invariant of the Eastern literary process. Problems of the methodology of orientalism]. In: *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Vol. 4: Literary process. Moscow: IMLI RAS, «Heritage», 2001. P. 82–95. (in Russ.).

6. Krachkovsky, I.Yu. Kitab al-badi. In: Krachkovsky I.Yu. *Izbrannyye sochineniya* [Selected writings]. Vol. 6. Moscow-Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences, 1960. 739 p. (in Russ.).

7. Kudelin, A.B. *Nestilizatsionnyye podrazhaniya kak yavleniya mirovoy literatury srednikh vekov* [Non-stylistic imitations as an eventin world literature of the Middle Ages]. In: *Vestnik Slavianskikh kultur* [Herald of Slavic Cultures]. 2018. Vol. 48. P. 101–112. (in Russ.).

8. Losev, A.F. *O ponyatii khudozhestvennogo kanona* [On the concept of the artistic canon]. In: *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* [The problem of the canon in ancient and medieval art of Asia and Africa: Collection of articles]. Ed. by I.F. Murian. Moscow: Nauka, 1973. P. 6–15. (in Russ.).

9. Lotman, Y.M. *Kanonicheskoye iskusstvo i informatsionnyy paradoks* [Canonical art and information paradox]. In: *Problema kanona v drevnem i srednevekovom iskusstve Azii i Afriki* [The problem of the canon in ancient and medieval art of Asia and Africa: Collection of articles]. Ed. by I.F. Murian. Moscow: Nauka, 1973. P. 16–22. (in Russ.).

10. Mirzoev, A.Is *Yavlyayetsya li «Khadigatus-suada» Fizuli perevodom?* [«Khadigatus-suada» by Fizuli a translation?]. In: I*storiya azerbaydzhanskogo khudozhestvennogo perevoda i Fizuli* [History of Azerbaijani Literary Translation and Fizuli]. Baku: Avropa, 2009. P. 103–110. (in Azerbaijani).

11. Pak, N.I. Canon. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of terms and concepts]. Moscow: NPK «Intelvak», 2001. P. 336. (in Russ.).

12. Popov, A.I. *Vostochnyy esteticheskiy kanon v gumanitarnoy kul'ture sovremennosti (na primere khudozhestvennogo tvorchestva)* [The Eastern aesthetic canon in the humanitarian culture of modernity (on the example of artistic creativity)]. PhD Thesis. Tambov, 2007. 21 p. (in Russ.).

13. *Slovar' arabskikh i persidskikh slov, upotreblyayemykh v klassicheskoy azerbaydzhanskoy literature* [Dictionary of Arabic and Persian words used in classical Azerbaijani literature]. Baku: Maarif, 1981. 521 p. (in Azerbaijani).

14. Filshtinsky, I.M. I*storiya arabskoy literatury. V – nachalo X v.* [History of Arabic Literature. V – the beginning of the X century]. Moscow: Main edition of Eastern literature, 1991. 531 p. (in Russ.).

15. Shidfar, B.Ya. Obraznaya sistema arabskoy klassicheskoy literatury (VI–XII vv.) [Arabic classical literature system (VI–XII centuries)]. Moscow: Nauka, 1974. 253 p. (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-28-34
УДК 821.512.141.09

Г.С. Кунафин

XX БЫУАТ БАШЫ БАШҠОРТ ӘҘӘБИ ЙЫР ШИҒРИӘТЕНЕҢ ҮҘЕШ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ (ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ БАШКИРСКОЙ ПЕСЕННОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Аннотация

В башкирской письменной литературе досоветской эпохи одним из ведущих жанрово-стилевых направлений является песенная лирика, которая утвердилась в ней в XIX веке как своеобразная форма поэтического фольклоризма – сознательного подражания конкретным образцам народной песенной лирики и в стилизации, а подчас – и в имитации ее поэтики и получила широкое развитие в начале XX столетия. В это время гибридный жанр “башкирская песня”, сочетающий в себе традиции устно-поэтического творчества с традициями письменной поэзии, постепенно уходит на второй план, песенная поэзия выходит на магистральный путь своего развития, обогащаясь и в идейно-тематическом, и жанрово-стилевом плане. В статье подробно освещается этот процесс, показывается, что по мере широкого проникновения просветительских идей в мир литературного творчества и усиления в нем реалистических принципов в литературной песенной поэзии наряду с усилением тенденций афористичности и философичности, воспевания красоты и утверждения жизни усилились тенденции осуждения и отрицания плохого, скверного, нечеловечного. Большое внимание уделяется раскрытию природы проблематики, идейно-тематического содержания, жанровой системы песенной поэзии этого периода, показу роли поэтов-песенников в развитии поэзии не только сугубо лирического, но и гражданского направления, проникнутого мотивами социально-политического, критического, патриотического, исторического характера.

Кунафин Гиниятулла Сафиуллович, *доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент АН РБ (Уфа), e-mail: kbl2000@mail.ru*

Giniyatulla S. Kunafin, *Dr.Sci. (Philology), Prof. Associate Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan (Ufa), e-mail: kbl2000@mail.ru*

© Кунафин Г.С., 2022

Ключевые слова: литературная песенная поэзия начала XX века, просветительские идеи, проблематика, идейно-тематические, жанровые особенности, критические, гражданские мотивы

Ginijatulla S. Kunafin

FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE BASHKIR SONG POETRY IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract

In the Bashkir written literature of the pre-Soviet era, one of the leading genre and style trends is song lyrics, which established itself in it in the 19th century as a kind of poetic folklore - a conscious imitation of specific samples of folk song lyrics and in stylization, and sometimes in imitation of its poetics and was widely developed at the beginning of the 20th century. At this time, the hybrid genre "Bashkir song", which combines the traditions of oral poetry with the traditions of written poetry, gradually fades into the background, song poetry enters the main path of its development, enriching itself both in ideological and thematic and genre and style terms. . The article highlights this process in detail, shows that with the widespread penetration of educational ideas into the world of literary creativity and the strengthening of realistic principles in it in literary song poetry, along with the strengthening of tendencies of aphorism and philosophy, the glorification of beauty and the affirmation of life, the tendencies of condemnation and denial of the bad intensified, bad, inhuman. Much attention is paid to revealing the nature of the problems, the ideological and thematic content, the genre system of song poetry of this period, showing the role of songwriters in the development of poetry not only of a purely lyrical, but also of a civil direction, imbued with motives of a socio-political, critical, patriotic, historical nature.

Key words: literary song poetry of the beginning of the 20th century, educational ideas, problems, ideological and thematic, genre features, critical, civic motives

XIX быуатта, шағирлыҡ һәләттәрен ысын тойоп, ҙур яуаплылыҡ тойғоһо менән ижад иткән һүҙ оҫталары, айырыуса "китап ене ҡағылған" һәүәҫкәр шағирҙар тарафынан башлыса халыҡтың йыр фольклорына ориентация тотоу, уның конкрет өлгөләренә аңлы рәүештә эйәреү, оҡшатыу, ә ҡайһы берҙә поэтикаһын имитациялау ерлегендә башҡорт поэтик фольклоризмының үҙенсәлекле бер формаһы рәүешендә формалаша башлаған, нигеҙҙә мөхәббәт, ғаилә, тормош-көнкүреш темаларын яҡтыртҡан башҡорт әҙәби йыр шиғриәте [3, 214–226-сы б.; 6, 43–50-се б.; 7, 151–189-сы б.] ошо осорҙоң 50–70-се йылдарында ук ысын мәғәнәһендә мәғрифәтселек идеялары менән һуғарыла башланы. Был күренеш йыр жанрында афористиклыҡ һәм фәлсәфәүилек, матурҙы хуплау, тормошто раҫлау менән бер рәттән насарҙы тәнҡитләү, кире ҡағыу тенденциялары, гражданлыҡ мотивтары көсәйеүенең бер сәбәпсеһе булды. Бына миҫалға, ритмик быуындары менән бер-береһенән айырылыбыраҡ торған ҡыҫҡа йыр үлсәмендәге ике дүрт юллыҡ:

Намыҫ ҡылмаҡ,/ фиҙа булмаҡ –
Ир кешенең / юлдашылыр.
Ғаҡыл, фәһем,/ миһырбанлыҡ –
Ир-егеттең юл / башылыр.

(ритмик быуындары схемаһы: 4 + 4; 4 + 4; 4 + 4: 4 + 4).

Хаҡ хөкөмөнә / барә
Бер наҙанға / бирмештәр,
Һәр емештең / аҫылын
Эттәр еймеш / тимештәр [7, 180–181-се б.].

(ритмик быуындары схемаһы: 5(?- 4) + 2(?-3); 4 + 3; 4 + 3: 4 +3).

Башҡортостанда мәғрифәтселек хәрәкәте әүҙемләшә, әҙәбиәт уның идеяларын сағылдырыусы төп сығанаҡҡа әүерелә барған һайын башҡорт шағирҙары һәм ғалим-энтузиастары араһында йыр жанры менән ҡыҙыҡһыныу көсәйә. Был процесс XIX быуат аҙағы – XX быуат башында, әҙәбиәттә реализм һәм прогрессив романизм принциптарының ныҡлы урын алыуы осоронда, айырыуса әүҙем төҫ ала. Тап ошо вакытта З. Өммәти, Ф. Туйкин, М. Солтанов тарафынан йыйып төҙөлгән халык йырҙары һәм бәйеттәре йыйынтыҡтары донъя күрә [8; 9; 11]. С. Яҡшығолов, Ш. Әминев-Тамъяни, Ғ. Иҫәнбирҙин, Х. Ғәбитов, М. Ғафури, С. Ҡудаш, К. Кәрипов, Д. Юлтый, Ш. Бабич һәм башҡа йәш шағирҙар йырҙар ижад итә. Ижад әһелдәренең йырғаҡаратабындайҡыҙыҡһыныусанмөнәсәбәте, бер яҡтан, һәр һынылышлы дәүерҙә фольклорҙа ла, ауыҙ-тел һәм яҙма әҙәбиәттәрҙә лә ғәҙәттә яңы әҫәрҙәр, темалар һәм жанрҙар барлыҡҡа килеп тороуы, икенсе яҡтан, халыҡтың үткән быуаттарҙан һаҡланып ҡалған төрлө әҫәрҙәрҙә сағылыш тапҡан үҙенең тарихи үткәнен ҡайтанан

күҙал-ларға, һығымталар яһарға, яңы фекерҙәр тупларға ынтылыуы менән бәйле [4, 78-се б.]. Бит яҙма әҙәбиәт, бигерәк тә фольклор һәм ауыҙ-тел әҙәбиәте һәр осорҙоң фекер, зауыҡ "генераторы", үҙенсәлекле бай традициялары сығанағы булыуы менән айырылып тора. Уларҙа халыҡтың күп быуатлы тормош тәжрибәһе тупланған. Донъяға реалистик ҡараш ташлаған шағирҙар быуаттар буйына йәшәгән һәм үҫкән йыр жанрында халык тормошоноң һәм сәнғәтенең мөһим факторҙарын күрҙеләр ҙә инде.

XX быуат башында башҡорт йыр лирикаһында, шиғриәттең башҡа төрҙәрендәге кеүек үк, етди үҙгәрештәр күҙәтелә. Был үҙгәрештәр уның идея йөкмәткеһенә лә, жанрҙар нисбәтенә лә, стиль тәбиғәтенә лә, поэтик һүрәтләү сараларына ла ҡағыла. Әкренләп вокаль поэзияһының замандың йәнле идея-эстетик талаптарына яуап бирергә ынтылған тематик офоҡтары киңәйә. Мөхәббәт, ғаилә һәм тормош-көнкүреш темаларына ҡағылышлы традицион йырҙар менән бер рәттән тыуған ерҙе, уның тәбиғәтен, халыктың тарихи үткәнен, матди һәм рухи мәҙәниәтен, ғөрөф-ғәҙәттәрен, йолаларын, уй-кисерештәрен, өмөт-хыялдарын сағылдырған лирик, нарратив-эпик һәм лиро-эпик характерҙағы әҫәрҙәр ҙә барлыҡҡа килә. Уларҙың кайһы берҙәре монолог-мөрәжәғәт йәки монолог-хикәйә формаһындағы традицион композицияға ҡорола, икенселәре ниндәй ҙә булһа факттар һәм ваҡиғалар хаҡында бәйән итеү, өсөнсөләре тәбиғәт күренештәрен һүрәтләү һәм лирик "мин"дең уларға ҡарата булған тойғоһон белдереү формаһында төҙөлә [5, 39-сы б.]. Мәҫәлән, халыҡ йырҙары менән етди ҡыҙыҡһынған, уларҙың "гәүһәр вә яҡут"тай идея-художество тәбиғәтенән рухланған С. Яҡшығоловтың ҡыҫҡа йә оҙон халыҡ йыры үлсәме менән яҙған лирик һәм лиро-эпик (нарратив) йырҙарының үҙәгендә тәбиғәт темаһы тора. Улар тап тәбиғәт күренештәрен һүрәтләү һәм лирик "мин"дең уларға ҡарата мөнәсәбәтен белдереү формаһында ижад ителгән. Уның өсөн тәбиғәт матди йәшәү генә түгел, бер үк ваҡытта рухланыу ҙа, бошоноу ҙа, борсоулы уйланыу ҙа сығанағы булып тора. Йырҙарының берәүҙәрендә ул тыуған еренең матурлығына һоҡлана, тәбиғәт күренештәре менән кеше тормошо, хистойғолары араһында йәнәшәлек үткәрә.

Сулпан ҡалҡа, таң да ата,
Таң сулпанды юғалта.
Таңда иҫкән еләҫ елдәр
Күп хистәрҙе ҡуҙғата [2, 113-сө б.], –

тип башлана уның ҡыҫҡа йыр үлсәме (8 – 7 – 8 – 7) менән классик робағи ҡалыбында (а – а – б – а) яҙылған "Ҡитға" әҫәре. Жанр йәһәтенән уны тәбиғәттең таң мәлендәге иҫ киткес матурлығын йырлаған йыр-мәдхиә тип атарға булыр ине. Әҫәр кешеләргә кинәйәле мөрәжәғәт менән тамамлана. Автор уларҙы таң менән "һәр бер әшйә"һе (нәмәһе) хәрәкәткә килгән, "үҙ хәленә мәгнәүи күҙен һалған" тәбиғәттән үрнәк алырға, иртәнге сафлыҡ кеүек таҙалыҡҡа, паклыҡҡа ынтылырға, яҡтыға бағырға, киләсәккә ынтылырға саҡыра. Бында һоҡланыуҙар, яҡтылыҡҡа, яҡшылыҡҡа һәм матурлыҡҡа ынтылыуҙар еңелсә романтик хисләнеү төҫөн алып китә. Сөнки улар шағирҙың һалҡын аҡылына нигеҙләнеүгә ҡарағанда, рухи тормошоноң эмоциональ тәрәнлегенән һәм нескәлегенән килеп сыға. Ә бына уның ҡыҫҡа халыҡ йыры үлсәме менән яҙылған "Күҙ йәше", оҙон башҡорт йырының традицион формаһында ижад ителгән "Көҙ көнө" йырҙары бөтөнләй ҡапма-ҡаршы хис-кәйеф менән һуғарылған. Улар алда ҡарап үтелгән әҫәрҙән үҙҙәренең уйсан, элегик тондары менән айырылып тора. Мәҫәлән, икенсе әҫәрҙә лирик геройҙың "ғүмер көҙҙәре" етеүе айҡанлы тыуған тәрән кисерештәре һәм ғазапланыуҙары уны күңел төшөнкөлөгөнә һәм өмөтһөҙлөккә алып килә. Ошо драматизм был әҫәр пафосының нигеҙен тәшкил итә лә инде. Уға хас бөтә художестволы үҙенсәлектәрҙе иҫәпкә алып, уның жанрын романс-элегия тип билдәләү урынлы булыр ине:

Йәмле йәйҙәр үтеп, көҙҙәр етһә,
Донъяла моң, хәсрәт тойола.
Һарғайышып, өҙөлөп ағастарҙан
Елбер-елбер япраҡ ҡойола...

Елдәр иҫеп, япраҡтар түгелеп,
Тып-тын ҡалһа бөтөн ер йөҙө,
Йөрәгем яна, аға күҙемдән йәш
Иҫкә төшөп ғүмерем көҙҙәре [2, 143-сө б.].

С. Яҡшығолов үҙ әҫәрҙәрендә халыҡ йырҙарындағы традицион алымды – кеше образын, уның күңел торошон төрлө тәбиғәт күренештәре менән йәнәш ҡуйып, сағыштырып һүрәтләү алымын уңышлы ҡуллана. Фольклорға ул ижади килә. Уның халыҡ йырҙарына тартым әҫәрҙәре уларға өҫтән-мөҫтән генә эйәреп яҙылған ижад емештәре, бигерәк тә инде уларҙың стилизацияһы түгел. С. Яҡшығоловта образды, уның күңел донъяһын, XIX быуаттағы әҙәби "башҡорт йыры"ндағыса, йыр жанры мөмкинлектәре сиктәрендә, мөмкин ҡәҙәре тулы, деталләштереп һүрәтләү алымы, икенсе төрлө әйткәндә, пикту-

раль алым (латин телендә pictura – һүрәт яһау, һынландырыу) поэтиканың сюжет-конструкция системаһы менән тығыҙ аралашып килә. Йырсы-шағир үҙ әҫәрҙәрендә геройҙарын һүрәтләп кенә ҡалмайынса, билдәле бер тормош конфликтына килтереп ҡуя, йәғни образдарын тышҡы һыҙат-ҡиәфәттәрендә генә һүрәтләп ҡалмайынса, эш-хәрәкәттәре, теләк-ынтылыштары, уй-хыялдары, хис-кисерештәре аша ла яҡтыртырға ынтыла. Быныҡ өсөн ул йыш ҡына тәбиғәт күренештәренә мөрәжәғәт итә, уларға символик мәғәнә бирергә тырыша, поэтик йәнәшәлек, киңәйтелгән сағыштырыу алымдарын киң ҡуллана. Шул рәүешле, уның романс-элегияһында, йырҙарында лирик тема драмалаша, лирик ағым тасуирлап биреү һәм бәйәнләү күренештәре, йәғни нарратив элементтар менән аралаша. Быларҙың бөтәһе лә шағир әҫәрҙәренең идея-художество офоҡтарын киңәйтә, образлы структураһын байыта, уҡыусының зиһен-күңел донъяһына тәьсир итеү ҡеүәһен көсәйтә.

С. Яҡшығоловтың йырҙарында, шәхсән, романс-элегияһында күҙәтелгән шиғри поэтиканы башҡа шағирҙар ҙа киң ҡулланған. Мәҫәлән, Ф. Туйкиндың “Һабансы ҡарт” йыры композицион яҡтан ҡарт кешенең бөгөнгө көндә үҙен тәрән уйҙарға бирелергә мәжбүр иткән моңһоҙоҡ уҙғарған ғүмере, вайымһыҙ йәшлеге өсөн кисергән күңел ғазаптары тураһындағы монолог-бәйәне формаһында бирелә. Лирик герой былар хаҡында оҙон көйгә “һуҙып – һуҙып”, моңһоуланып йырларға мәжбүр:

Йырлайым әле, һуҙып-һуҙып,
Моңло көйҙәр берлән өҙөп.
Һай ғүмерем китте уҙып,
Йәш сағымда уйламайса...

Йәш саҡтарҙа белмәйбеҙ ҙә,
Юҡ, белерһеҙ әле һеҙ ҙә.
Донъя баҫһа теҙегеҙгә,
Тора алмаҫһыҙ йырламайса...[10, 47-се б.].

Был элегик йырҙың поэтик төҙөлөшө традицион. Ул үҙенең юл башын “Йософ вә Зөләйха” (“Ҡисса-и Йософ”) кеүек дастандарҙан уҡ ала. Әҫәр робағи ҡалыбында ижад ителгән. Шуның өҫтәүенә ундағы һәр строфаның дүртенсе юлындағы һуңғы һүҙҙәр рифмалашып, строфаларҙы үҙ-ара бәйләп, поэтик бөтөнлөккә берләштереп килә һәм үҙенсәлекле үтәнән-үтә рифма барлыкка килтерә: а-а-а-б, в-в-в-б, г-г-г-б... Йырҙың лексикаһы фольклорҙыҡына ҡарағанда, яҙма шиғриәттекенә якыныраҡ тора. Унда беҙ халыҡ йырҙарына хас традицион эпитеттарҙы, иркәләү һәм кесерәйтеү формаһындағы ялғауҙар һәм киҫәксәләр менән бирелгән һүҙҙәрҙе, сағыштырыуҙарҙы һәм йәнәшәлектәрҙе осратмайбыҙ тиерлек. Шағир ритмик маҡсаттарға, шиғри аһәңлеккә, яңғырауыҡлыҡҡа хеҙмәт итеүсе мәғәнә асылын юғалтҡан һүҙҙәргә, ымлыҡтарға (трәл-лә-лә, лүли-лүли, һай-һай, вай кем һ.б.) бөтөнләй тиерлек мөрәжәғәт итмәй. Ул йыр фольклорында айырыуса киң таралған монолог формаһын бик оҫта, ижади ҡуллана. Әгәр ҙә күпселек халыҡ йырҙарында персонаждар үҙҙәре тураһында хронологик, йәғни эҙмә-эҙлекле тәртиптә хикәйәләһәләр, Туйкиндыҡында бәйәнләү хәҙерге замандан тыныс ҡына, хатта ниндәйҙер кимәлдә шаян, күңелле тонда башлана, ә артабан кинәт йәштәргә өгөт-нәсихәт менән мөрәжәғәт итеү һәм һуңынан инде үткән замандарҙы моңһоу хәтерләү, ғазаплы уйланыу формаһына күсә. Ә быныдай күсештәр ғәҙәттә фольклор әҫәрҙәренә ҡарағанда, әҙәби әҫәрҙәр өсөн характерлыраҡ.

Ғөмүмән, XX быуат башында башҡорт шағирҙарының йыр тибындағы әҫәрҙәрендә, халыҡ йырҙарынан һәм уларҙың XIX быуаттағы «башҡорт йырҙары» тип аталған әҙәби имитацияларынан айырмалы рәүештә, кәйеф-тойғоларҙың кинәт алмашыныуы, күңелле, шаян тондың һағышлыға күсеүе, романтик, драматик һәм сатирик пафостарҙың, хикәйәләү формаһы менән монолог һәм диалог формаларының аралашып, сиратлашып килеүе күҙәтелә. Хәҙер әҙәби йырҙың идея йөкмәткеһе, поэтикаһы ярайһы үҙгәреш кисерә, ҡатмарлана һәм төрлөләнә төшә. Мәҫәлән, Ш. Әминев-Тамъяниҙың башҡарылышы “Ҡуңыр буға юлы” көйөнә” тип күрһәтелгән “Килендәргә” йырында үткән замандарҙа башҡорттарҙың үҙҙәре ”илән тулы булған Уралда... мал көтөп,.. иген сәсеп,.. тирмә ҡороп, бейә бәйләп,.. ҡымыҙ эсеп”, ҡатындары “ҡашмау,.. көмөш-мәрйен кейеп,.. еп иләп,.. киндер һуғып” хөр йәшәүен һүрәтләгән, тарихи факт-күренештәргә нигеҙләнгән мәдех стилендәге күңелле юлдар юмористик, урыны менән саркастик, ә һуңғараҡ асыу, күҙ йәше аша көлөү ҡатыш һағышлы-элегик тон менән алмашына:

...Мал көтөү, иген сәсеү, бесән сабыу,
Бейә бәйләү – башҡорттарҙың ҡулы булған...

Ҡатындарҙың кейгәне ҡашмау булған,
Көмөш-мәрйен уларға дәхи оҡшау булған.
Сәй эсеп, ул ваҡытта кипмәгәндәр,
Аҡ йөҙлө, әҙәпле, һан-һау булған...

Хәзерге эш белмәгән йәш килендәр
Бешмәгән икмәк кеүек көлө юктан.
Еп иләмәй, киндер һуҡмай, тик яталар,..
Өйөнә бер ошаҡсы ҡатын килһә,
Сәй эсеп, өс самауыр бушаталар...
Ай, килендәр, килендәр, ни эшләнегеҙ?..
Ижтиһадһыҙ үткәрмәгеҙ көндәрегеҙ,
Шунда һеҙҙе хөрмәт итер ирҙәрегеҙ [1, 20-се б.].

Икенсе бер миҫал – Ф. Туйкиндың, ул үҙе күрһәткәнсә, “Ишан” көйөнә” башҡарылырға тейешле “Урал тауына” йыры. Ул да башҡорттарҙың үткәндәге тормош-көнкүрешен, тарихи ерлекле факт-күренештәрҙе бәйәнләүгә ҡоролған. Тик ундағы тарих-этнографик мотивтар, Ш. Әминев-Тамъяниҙың әҫәрендәге һымаҡ, юмористик-сатирик пландағы уй-тойғолар менән түгел, ә башҡорт ерҙәренең таланыуына Урал тауының үҙенә үпкә белдергән, нәфрәтләнгән формала кинәйәләп протест белдереү ауаздары, драматик пафос элементтары менән алмашына. “Йәйен йәйләүҙәргә күсеп, сағыл ерҙә урман киҫеп, умарта һәм ҡуй үрсетеп, ҡымыҙ һауып, бал әсетеп, моңло көйгә ҡурай уйнап, ҡунаҡ килһә, алҡын иттеп, туй, тамашаны ҙурлап” “ҡарлуғастай ҡыуанышып” йәшәп ятҡан бер заманда ошондай идиллик тормошҡа “көнләшкән ситтәр”, Уралға килеп, “ян-яғына ерләшәләр” ҙә “бына сыға тимер, алтын, көмөш, аҡ алтын, тип, ҡыуанышып “һикерә-һикерә” “тауын-ташын емерә” башлайҙар. Был юлдарҙы яҙғанда, йөрәге янған автор кинәйәләп кенә батша хөкүмәтенең бөйөк державасылыҡ, колонизаторлыҡ сәйәсәтенә ишара яһай, шул уҡ ваҡытта туған халҡын вайымһыҙлығы өсөн тәнҡитләй, ғәмһеҙлек йоҡоһонан уятырға, намыҫландырырға теләй; бындай драматик ситуацияның килеп сығыуы өсөн йәнәһе лә “серен” ситтәргә асҡан Урал ғәйепле тигән булып, аҡыллыға ишара тигәндәй, йәнләндереү алымы ярҙамында үпкә һүҙҙәрен, нәфрәтен тауға адреслаған була:

Инде һине емерһендәр,
Ҡаның эсеп һимерһендәр.
Беҙҙән йәшерен сереңде астың,
Тейеш язаңды бирһендәр [10, 36–37-се б.].

Килтерелгән миҫалдарҙан күренеүенсә, был әҫәрҙәрҙә хикәйәләү өсөнсө заттан алып барыла, ниндәй ҙә булһа персонаждың йәки күренештең тышҡы ҡиәфәтен һүрәтләү бөтөнләй юк. Улар күп кенә халыҡ йырҙарына характерлы булган символдарҙан да азат. Уларҙа беҙ тормошто сағылдырыуҙа авторҙарҙың мөмкин ҡәҙәре дөрөҫлөккә йүнәлеш тотоуын күрәбеҙ. Тикмәгә генә Ш. Әминев-Тамъяни үҙ йырында: “Боронғо килеп киткән бабайҙарҙың / Тәржемәи хәлен яҙҙым ярым-ярты”, – тип асыҡтан-асыҡ белдермәгән. Туған халҡының “тәржемәи хәлен” – “биографияһын” һүрәтләп, авторҙар уның бөгөнгө ауыр тормошоноң сәбәптәрен асыҡларға, бәхетһеҙлектәренең ғәйеплеләрен табырға ынтыла. Әгәр ҙә Ш. Әминев-Тамъяни был мәсьәләгә мәғрифәтселек идеялары позицияһынан килһә, Ф. Туйкин иһә дөйөм демократик, милли азатлыҡ идеялары күҙлегенән сығып эш итә. Уларҙың беренсеһе үҙенең ҡан-ҡәрҙәштәренең ауыр тормошта йәшәүе сәбәбен бөтәһенән дә элек уларҙың ялҡаулыҡтарына, ғәмһеҙлектәренә һәм томаналыҡтарына ҡайтарып ҡалдырһа, икенсеһе батша самодержавиеһының милли-колониаль сәйәсәтенән, башҡорт ерҙәренең аяуһыҙ таланыуынан күрә, кинәйә алымы менән булһа ла, шуны белдерергә тырыша [5, 45-се б.]. Был инде тарихи йәһәттән уның йырының социаль, ижтимағи-сәйәси әһәмиәтен күтәрә.

Бер һүҙ менән әйткәндә, XX быуат башында башкорт әҙәби йыр лирикаһы нигеҙҙә фольклор стилизацияһы тамамланыу этабын кисерә. Әҙәби йыр жанры әкренләп әҙәби “башкорт йыры”н айырып күрһәтергә мөмкинлек биргән билдәле бер формаль-стиль билдәләренән, шаблондарҙан ҡотола. Унда шағирҙарҙың ижади индивидуаллеге күпкә иркенерәк һәм төрлөрәк сағылыш таба башлай. Тап шуның өсөн дә йыр романтизм методы менән бер рәттән реализмдың үҫеүе өсөн күпкә уңайлыраҡ мөмкинлектәр тыуҙырыуға булышлыҡ итә. Реализмдың сәскә атыуы, демократлаштырыу процесының көсәйеүе һәм әҙәбиәттә халыксанлыктың тәрәнәйеүе, шағирҙарҙың фольклор традицияларын төптәнерәк өйрәнеүҙәре һәм уларға күпкә ижадийыраҡ, үҙ аллыраҡ һәм иркенерәк мөрәжәғәт итеүҙәре, индивидуаль стиль өҫтөндә әүҙем эҙләнеүҙәре һөҙөмтәһендә вокаль шиғриәттә мөхәббәт, ғаилә һәм көнкүреш темаларына арналған, поэтиканың пиктураль принцибына нигеҙләнгән әҙәби «башкорт йыры»на алмашка поэтиканың сюжетлы-конструктив системаһына нигеҙләнгән, гражданлыҡ һәм социаль мотивтар менән һуғарылған “ирекле” йыр килә. Хәҙер инде шағирйырсылар традицион темаларға бәйле генә түгел,

айырым тарихи шәхестәрҙең ҡылған эштәренең, тарихи ваҡиғаларҙың, факт-күренештәрҙең туған халҡы яҙмышына яһаған йоғонтоһо, ыңғай һәм кире яҡтары хаҡында ла һүҙ алып баралар, фекер йөрөтәләр. Был традиция Ш. Бабич, Д. Юлтый, М. Ғафури һәм башҡа шағирҙар ижадында ныҡлы ерлеккә ҡуйыла, яңы мотивтар һәм идеялар менән байытыла һәм үҫтерелә.

Был шағирҙарҙың күп йыр-шиғырҙары структур-композицион йәһәттән контрасҡа, халыҡтың үткән тормошон бөгөнгөгә ҡаршы ҡуйыуға ҡоролған. Шуның менән бергә күпселек әҫәрҙәрҙә фольклорҙыҡына яҡын торған монолог һәм мөрәжәғәт кеүек композицион алымдар уңышлы һәм ижади файҙаланыла. Бер осраҡта улар бөтә йырҙың композиция нигеҙен тәшкил итһә, икенсе осракта авторҙың үҙ уй-кисерештәре, геройҙарының эш-хәрәкәттәре, йәмғиәүи, тарихи һәм тәбиғи күренештәр һәм факттар хаҡындағы хикәйәләүе менән аралашып килә. Был структур-композицион төрҙөң икеһенә лә хикәйәлелек хас. Ләкин беренсе осрактағы йырҙарҙа сюжет-хикәйәләү һыҙығы самалыраҡ. Миҫал өсөн Д. Юлтыйҙың йырҙарынан ике өҙөк килтереп үтәйек:

Елдәр иҫә, көн-төн тауҙар кисә,
Белмәйем шул ҡайҙа барғанын.
Йәш йөрәгем яна һис туҡтауһыҙ,
Белмәйем шул ниңә янғанын...
(“Елдәр иҫкәндә”).

Туғайҙарҙа үҫеп, гөлдәр ҡосоп,
Сәскәләргә күсеп һандуғас,
Ҡанаттарын ҡағып, бәгер киҫеп,
Һайрай өҙөп, йәйге кис тыуғас.
Һандуғаскай, телең белһә инем,
Алыр инем һинең йырыңды,
Йырлар инем бөгөн, көйләр инем
Зар иңрәгән тыуған ҡырымды...

Һандуғасым, бирсе ҡанатыңды
Бейек, бейектәргә осайым,
Бейектәргә осоп, түбән төшөп,
Зарлы илдең ғәмен эсәйем [12, 32, 43–44-се б.].
(«Һандуғасҡа»).

Был йырҙарҙа барынан да элек декаденттар поэзияһына хас булған тормоштан риза булмау, фани донъянан ҡотолоу уйҙары менән һуғарылған төшөнкө мотивтар шағирҙың яҡты киләсәк тураһындағы оптимисик уй-тойғолары һәм хыял-өмөттәре менән йәнәш килә. Уның “зар иңрәгән” йыр-моңо халыҡ массаларының нәфрәт уятырлыҡ яуыз, мәрхәмәтһеҙ йәмғиәт тәртиптәренә ҡаршы үҙенсәлекле протест ауазы булып яңғырай. Шағирҙың был һәм башҡа йырҙарында лирик геройҙың күңел кисерештәре һәм киләсәккә ынтылыштары һәр ваҡыт халыҡ яҙмышы хаҡындағы уй-фекерҙәргә айырылғыһыҙ килеп ялғана. Уларҙы биреү өсөн автор төрлө алымдарға мөрәжәғәт итә. Мәҫәлән, “Елдәр иҫкәндә”, “Урал егетенә” әҫәрҙәрендә ул бары монолог һәм мөрәжәғәт кеүек традицион фольклор формаларын ғына ҡуллана. Ә бына «Һандуғасҡа» йырының төҙөлөшө был йырҙарҙыҡына ҡарағанда ҡатмарлыраҡ. Унда инде поэтиканың фольклор башланғысы менән индивидуаль ижади башланғыс, пиктураль менән сюжетлы-конструктив системалар тәбиғиерәк берләшә. Халыҡ йырҙарынан айырмалы рәүештә был әҫәрҙә, алда килтерелгән өҙөктәренән үк күренеүенсә, өсөнсө заттан бәйәнләү формаһынан лирик геройҙың монолог-уйланыуҙарын, теләк-ынтылыштарын сағылдырыу, ә артабан уның һүрәтләү объектына мөрәжәғәт итеүе формаһына табан кинәт күсеүҙәр күҙәтелә.

Композиция төҙөлөшөндәге һәм идея-тематик йөкмәткеләге бындай күп төрлөлөк һәм үҙенсәлек М. Ғафури, Ш. Бабич, С. Кудаш, С. Рәхмәтуллин, Ғ. Иҫәнбирҙин һәм башҡа шағирҙарҙың йырҙары өсөн дә характерлы күренеш. Был шағирҙар, Д. Юлтый кеүек үк, йыр шиғриәтенең демократик юҫыҡта үҫеүе юлын уңышлы дауам итте һәм әҫәрҙәрендә йәмғиәүи-социаль ысынбарлыҡты быҫаса булмағанса киң яҡтыртыуға, уларҙың революцион-демократик рухта яңғырауына өлгәште. Тап улар башҡорт шиғриәтендә беренселәрҙән булып элегик һәм панегирик характерҙағы йырҙар менән бер рәттән патриотизм, хеҙмәтсән халыҡтың азатлығы өсөн революцион көрәш идеялары менән һуғарылған гимник, марш һәм агитацион-публицистик типтарҙағы йырҙар ижад итте. Ш. Бабичтың “Салауат батыр”, “Башҡортостан”, “Йәшәһен эшселәр!”, Ғ. Иҫәнбирҙиндың “Рәхимһеҙ һуғыш” (Кольцовтан), С. Рәхмәтуллиндың “Башҡортларым, ҡузғалайыҡ!”, М. Ғафуриҙың “Ҡыҙыл байраҡ”, С. Кудаштың “Эшселәргә” һәм башҡа әҫәрҙәр – шуның асыҡ миҫалы. Әҙәби йыр шиғриәтенең ҙур ҡатламын тәшкил иткән бындай “ирекле” йырҙар айырым бер һүҙ алып барыуҙы талап итә.

ӘҘӘБИӘТ

1. *Әминев-Тамъни Ш.* Әйтер һүҙем бар. Өфө, 2018. 79 б. (*Аминев-Тамъяни Ш.* Есть у меня что сказать. Уфа, 2018. 79 с.).

2. Башҡорт әҙәбиәте. XX быуат башы. Беренсе китап. Поэзия. Өфө, 1983. 399 б. (Башкирская литература начала XX века. Книга первая. Поэзия. Уфа, 1983. 399 с.).

3. *Игнатьев Р.Г.* Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургской губернии // Записки Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. Выпуск 3. 1875. С. 184–236.

4. *Кунафин Г.С.* Башкирская поэзия XIX–начала XX веков. Уфа, 2011. 480 с.

5. *Кунафин Г.С.* И песней, и сатирой. Развитие жанровой системы башкирской литературной песенной и сатирической поэзии XIX–начала XX века. Уфа, 1999. 255 с.

6. *Ҡунафин Ғ.С.* “Әҙәби башҡорт йыры” жанрының формалашыуы һәм үҫеше, идея-художество үҙенсәлектәре (*Кунафин Г.С.* Формирование и развитие, идейно-художественные особенности жанра литературной “башкирской песни”) // Проблемы востоковедения. 2022. № 1. С. 43–50.

7. *Покровский И.П.* Сборник башкирских и татарских песен // Записки Оренбургского отдела императорского Русского географического общества. Казань, 1870. С. 151–229.

8. *Султанов М.* Башкирские и татарские мотивы. Вып.1. Саратов, 1906. 7 с.

9. *Туйкин Ф.* Жырлар әхтирәсе (*Туйкин Ф.* Созвездие песен). Уфа, 1915.

10. *Туйкин Ф.* Ватан ҡаһармандары (*Туйкин Ф.* Герои отчизны) / Составитель, автор предисловия Надергулов М.Х. Уфа, 2007.

11. *Өммәти З.* Башкорт, типтәрләрнең жыр, бәйетләре (*Уммати З.* Песни, баиты башкир, тептярей). Уфа, 1909.

12. *Юлтый Д.* Шиғырҙар, поэмалар. Өфө, 1982. 287 б. (*Юлтый Д.* Стихотворения, поэмы). Уфа, 1982. 287 с.

REFERENCES

1. Aminev-Tamiani, SH. *Est’ u menia chto skazat’* [I have something to say]. Ufa, 2018. 79 p. (in Bashkir).

2. *Bashkirskaia literatura nachala XX veka* [Bashkir literature of the early twentieth century. Book one. Poetry]. Ufa, 1983. (in Bashkir).

3. Ignat’ev, R.G. *Skazaniia, skazki i pesni, sokhranivshiesia v rukopisiakh tatarskoi pis’mennosti i ustnykh pereskazakh u inorodtsev-magometan Orenburgskoi gubernii* [Legends, fairy tales and songs preserved in the manuscripts of the Tatar writing and oral retellings among foreign Mohammedans of the Orenburg province]. In: *Zapiski Orenburgskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Issue 3. 1875. P. 184–236. (in Russ.).

4. Kunafin, G.S. *Bashkirskaia poeziia XIX – nachala XX vekov* [Bashkir poetry of the 19th – early 20th centuries]. Ufa, 2011. 480 p. (in Russ.).

5. Kunafin, G.S. *I pesnei, i satiroi. Razvitie zhanrovoi sistemy bashkirskoi literaturnoi pesennoi i satiricheskoi poezii XIX – nachala XX veka* [Both song and satire. The development of the genre system of the Bashkir literary song and satirical poetry of the 19th – early 20th centuries]. Ufa, 1999. 255 p. (in Russ.).

6. Kunafin, G.S. *Formirovanie i razvitie, ideino-khudozhestvennye osobennosti zhanra literaturnoi “bashkirskoi pesni”* [Formation and development, ideological and artistic features of the genre of the literary “Bashkir song”)]. In: *Problemy vostokovedeniya* [The Problems of Oriental Studies]. 2022. No. 1. P. 43–50. (in Bashkir).

7. Pokrovskii, I.P. *Sbornik bashkirskikh i tatarskikh pesen* [Collection of Bashkir and Tatar songs]. In: *Zapiski Orenburgskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Orenburg Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Kazan’, 1870. P. 151–229. (in Russ.).

8. Sultanov, M. *Bashkirskie i tatarskie motivy* [Bashkir and Tatar motifs]. Release 1. Saratov, 1906. (in Russ.).

9. Tuikin, F. *Sozvezdie pesen* [Constellation of songs]. Ufa, 1915. (in Old Turkic).

10. Tuikin, F. *Geroi otchizny* [Heroes of the Fatherland]. Ufa, 2007. (in Old Turkic).

11. Ummati, Z. *Pesni, baity bashkir, teptiarei* [Songs, baits of the Bashkirs, Teptyars]. Ufa, 1909. (in Old Turkic).

12. Yultyy, D. *Stikhotvoreniia, poemy* [Poetry, poems]. Ufa, 1982. (in Bashkir).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-35-39
УДК 821.512.19 (076)

А.А. Джемилева

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ У. ЭДЕМОВОЙ «ЮРЕК АТЕШИ» («ПЛАМЯ ДУШИ»)

Аннотация

Несмотря на жанровое многообразие творчества и значительный вклад в крымскотатарскую литературу, проза У. Эдемовой не была объектом специального научного исследования. В статье рассматриваются особенности духовно-нравственных исканий героев повести У. Эдемовой «Юрек атеши» («Пламя души») Нусрета Османова, Надире, Аскарали Амановича, Хатидже Кямилевой. Произведение посвящено жизни работников торговой сферы, взаимоотношениям в коллективе, любви, дружбе, семейному счастью.

В результате анализа повести выявлена нравственная основа произведения. В поле рассматриваемых писательницей тем проблема любви и ненависти, человек и закон, радости и переживания молодой семьи. Установлено, что писательская индивидуальность У. Эдемовой обнаруживается в психологической характеристике персонажей. Автора не просто занимает проблема нравственной деградации. Писательница на конкретных образах показывает бездуховность во всех ее разветвлениях: корыстолюбие, стремление к безграничной власти над людьми.

Ключевые слова: Урие Эдемова, крымскотатарская литература, повесть, герой, женщина

Aishe A. Dzhemileva

SPIRITUAL AND MORAL SEARCH OF THE HEROES OF U. EDEMOVA'S STORY «YUREK ATESHI» («THE FLAME OF THE SOUL»)

Abstract

Despite the variety of genres of creativity and a significant contribution to the Crimean Tatar literature, the prose of U. Edemova was not the object of a special scientific study. The article discusses the features of the spiritual and moral quest of the heroes of the story «Yurek atesh» («Flame of the Soul») by U. Edemova Nusret Osmanov, Nadira, Askarali Amanovich, Khatija Kyamileva. The work is dedicated to the life of trade workers, relationships in the team, love, friendship, family happiness.

As a result of the analysis of the story, the moral basis of the work was revealed. In the field of topics considered by the writer, the problem of love and hate, man and law, the joys and experiences of a young family. It has been established that the writer's individuality of U. Edemova is found in the psychological characteristics of the characters. The author is not simply occupied with the problem of moral degradation. The writer on specific images shows lack of spirituality in all its ramifications: self-interest, the desire for unlimited power over people.

Key words: Urie Edemova, Crimean Tatar literature, story, hero, woman

Введение. Литературная деятельность Урие Эдемовой (род. в 1938 г.) приходится на начало 1960-х гг. В 1963 г. в газете «Ленин байрагъы» был напечатан первый рассказ «Къырмызы гуль» – «Красная роза», который понравился читателям. Затем были написаны рассказы «Мектюп» – «Письмо», «Къара козьлер» – «Чёрные глаза», «Элем козьяшлары» – «Слёзы обиды», «Башымнынъ уджундасынъ, анайым» – «Ты у изголовья, мама», «Тарла севдасы» – «Влюблённая в поле» и др. В 1970 г. увидела свет первая книга рассказов «Къырмызы гуль» [1, с. 70].

Джемилева Айше Аблямитовна, *кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (Симферополь), e-mail: Ayshe66-2008@mail.ru*

Aishe A. Dzhemileva, *Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology, «Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky» (Simferopol), e-mail: Ayshe66-2008@mail.ru*

© Джемилева А.А., 2022

Актуальность исследования. Несмотря на жанровое многообразие и значительный вклад в крымскотатарскую литературу, проза У. Эдемовой не была объектом специального научного изучения.

Основной **целью** этой статьи является изучение особенностей духовно-нравственных исканий героев повести У. Эдемовой «Юрек атеши» («Пламя души»).

Статьи в сборниках «Деятели крымскотатарской культуры», «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» («История крымскотатарской литературы»), журнальные и газетные статьи З. Куртнезира, Ф. Сеферовой, А. Джемилевой, Э. Меметовой, Г. Усеиновой, статья в википедии являются ее основной научной базой.

Методы исследования: библиографический, историко-литературный.

Основная часть. Родилась писательница 23 апреля 1938 г. в с. Байдары Балаклавского района Крыма. Окончив школу, поступила в Ташкентское медицинское училище. Увлечение литературой привело её на факультет журналистики Ташкентского государственного университета. С 1965 г. работала журналисткой в газете «Ленин байрагъы» («Ленинское знамя»), с 1971 г. – редактором отдела крымскотатарской литературы в государственном издательстве им. Г. Гуляма. В 1975 г. писательница вступила в Союз писателей СССР. Вернувшись в 1992 г. в Крым, инициировала в Симферополе в издательстве «Таврия» открытие редакции крымскотатарской художественной литературы. В 2017 г. У. Эдемова возглавила Союз крымскотатарских писателей Крыма.

В 1977 г. в Ташкенте издаётся повесть «Омюрлик янымдасынъ» («Всегда со мною»). Произведение о жизни работников торговой сферы, взаимоотношениях в коллективе, любви, дружбе, семейном счастье. Позже У. Эдемова внесла изменения, и в 1985 г. повесть получила новую жизнь под названием «Юрек атеши» («Пламя души») в одноименной книге. В сборник вошла и повесть «Баш язысы» («Судьба»).

Повесть «Юрек атеши» – первый образец производственной повести в крымскотатарской литературе послевоенного периода. В дальнейшем производственную тему развивали в романах и повестях писатели Шамиль Алядин, Черкез-Али, Сейтумер Эмин и др.

В произведении У. Эдемовой повествование ведётся в традиционной манере от третьего лица, от автора. Однако события показаны с точки зрения (фокализации) главного героя Нусрета. Автором использована «внутренняя фокализация – точка зрения «фокального персонажа», воспринимающего субъекта, находящегося «внутри истории»; восприятие того, на что или на кого направлен взгляд повествователя» [2, с. 318].

Молодой специалист Нусрет Османов приезжает в город Чёльабад и останавливается в гостинице. Здесь он знакомится с Асан ага, который рассказывает историю из своей молодости. У. Эдемова использует приём ретроспекции, погружая читателя в воспоминания героя. Автор вводит в повествование описание народной борьбы – куреш.

С самого начала У. Эдемова представляет читателю атмосферу Крыма, используя великолепные этнографические зарисовки, воспоминания, которые дают прочувствовать духовную связь народа с Родиной. Автор повествует о празднике урожая – дервиза, который проходил в селе Байдар у подножия Сапун горы. Известный на весь Крым борец Асан побеждает соперника Рамазана и получает ценный приз – быка. Асан ага рассказывает о том, что в молодости его называли «Бугъакотерен» – «Поднимающий быка».

Здесь наблюдаем интертекстуальную перекличку с рассказом известного писателя и деятеля крымскотатарской культуры 1930-х гг. Умера Ипчи «Куреш» («Борьба»). Аллюзии У. Эдемовой к известному произведению, несомненно, удачный ход. Такой своего рода ментальный образный код служит писательнице для выражения нравственных и исторических исканий, что позволяет не утратить современному читателю духовной связи с народом, с его культурой. Также как и герой рассказа У. Ипчи, герой повести У. Эдемовой участвует в народной борьбе – куреш. За победу ему обещают быка. У героев одинаковые прозвища «Бугъакотерен».

Сравним эпизоды. У автора: «Бу вакъыт бизим янымызда пейда олгъан къарт «Бу тутушувда гъалип чыкъкъангъа учь яшындаки бир бугъа бериледжек. Бу баш куреш сайыла» – деп къычырды. (В это время к нам подошёл старик, который выкрикнул: «Кто победит в этой борьбе, тому приз – трёхгодовалый бычок. Это будет главная борьба») (перевод этот и далее наш – А.Д.) [5, с. 10].

У У. Ипчи: «Известный в прошлом борец Джеппар акай, встав в центре борцовской площадки, ударил о землю древком знамени дервизы. Начинается большой куреш! – объявил он зычно. – С обеих сторон по двенадцать борцов. Победителю достанутся это знамя и бык-четырехлеток!» [7].

У. Эдемова отсылает читателя и к известному рассказу писателя-классика Юсуфа Болата «Къоюнсыз чобан» («Пастух без овец»). Героя рассказа Зийнеддина эфенди за недюжинную силу называли «Бугъакотерен»: «Ильк баарьде отькериле тургъан дервизаларда о балабан бир бугъаны сыртына юкленип, джеми джемаатны тааджипте къалдыра эди. Шунынъ ичюн де халкъ арасында онынъ лагъабы «Бугъакотерен» олып къалгъан эди. (На празднике дервиза, который проводился ранней весной, он, закинув на спину громадного быка, вызывал всеобщее восхищение и удивление. Поэтому в народе его прозвали «Бугъакотерен») [3, с. 23].

Так как в художественной литературе, по известному выражению Ю. Тынянова, нет неговорящих имен, прозвище «Бугъакотерен» в произведениях Ю. Болата, У. Ипчи и У. Эдемовой соотносится с крымскотатарской культурой и является маркером народной борьбы – куреш, символизирует силу, здоровье и смелость мужчин. Здесь чувствуется стремление автора переключить образ, освященный народной традицией, в план социально-психологического анализа, иной эстетической системы. Следовательно, мы можем признать, что проза У. Эдемовой глубоко народная. Как отмечает К. Султанов, «у подлинного художника народность заложена в самой природе миропонимания. Он не повторяет бездумно фольклорных форм и приемов, а идет вглубь, к познанию самого духа народного творчества, его эстетики и этики, самих принципов художественного мышления народа» [4, с. 7].

События происходят в конце 50–начале 60-х гг. в Средней Азии. Главного героя принимают на работу старшим товароведом. Нусрет попадает в среду, где работают одни женщины и ему стоило больших усилий наладить отношения в коллективе. Вокруг героя У. Эдемова образует любовный треугольник. Для понимания идеи повести существенны взаимоотношения героев – Нусрета и Велядие. Однажды, когда Нусрет приглашает её и Сабохат в кино, она признаётся, что он ей симпатичен.

Герою нравится и Надире, она работает продавцом в универсаме. Несмотря на то, что девушка обручена с другим, при встрече с Нусретом она краснеет и волнуется. «Базы вакъытларда исе оны корьгенде яш бала киби къувана. Чокъ лакъырды этмеге тырыша, куле. Умумен онынъ табиаты да кузь авасы киби тез-тез денъишип тура» («Иногда, увидев его, радуется как ребёнок. Становится разговорчивой, смеётся. Вообще, характер у неё переменчивый, как осень») [5, с. 42].

Состояние и переживания героя автор показывает в следующем абзаце: «Бу къыз мени корьсе: де севине, де эеджанлана. Бунынъ себеби неден ибарет экен»? – деп тюшюнди. Озюнджесине бир тюрлю нетидже чыкъарып оламады. Манъа не олды, шу къыз геджекуньдюз меним хаялымны, барлыгъымны бенд этип алды, – деди» («Эта девушка, увидев меня, то радуется, то волнуется. Что бы это значило? – подумал он. Но ничего не смог придумать. Что со мной происходит, девушка заняла мои мысли, мою жизнь день и ночь ») [5, с. 53].

В повести автор раскрывает несколько производственных конфликтных точек. Первая коллизия – отношения Нусрета и Аскарали Амановича. На протяжении всего произведения их отношения обостряются, происходящие между ними конфликты и противоречия становятся более зримыми. Заведующий отделом обвиняет Нусрета в том, что он нарушает установившийся на протяжении многих лет порядок. Его недовольство У. Эдемова показывает в следующем эпизоде: «Сонъ, сырасыны тюшюрип, Нусретни янына чагъырды, кулюмсиреди, сёзюни незакетнен башлады. – Нусрет, сиз къардашым, яхшы ишлер япмайсынъыз. Къач йыллардан берли догъру, яваш-яваш кетеяткъан арабамызнынъ копчегине таякъ тыкъасынъыз. Оны чаналатасынъыз. Адамларны шашмалатасынъыз» («Затем, найдя подходящий случай, вызвал к себе Нусрета и с улыбкой вежливо сказал: – Вы, друг мой, Нусрет, делаете нехорошие дела. Вставляете палки в колёса нашей телеги, которая на протяжении нескольких лет потихоньку, но медленно едет по верному пути. Вы тормозите. Вводите людей в заблуждение») [5, с. 32].

Однажды Аскарали обвиняет Нусрета в том, что в его отсутствие тот неправильно распределил товар между магазинами. Молодой человек говорит, что всё сделано согласно плану и он готов ответить за свои действия. Таким образом, взаимоотношения Аскарали Амановича и Нусрета составляют один из стержневых сюжетных узлов повести.

У. Эдемова наряду с поднимаемыми общечеловеческими проблемами подробно описывает производственный процесс в торговой сфере, особенности обеспечения населения товарами лёгкой промышленности. Дело в том, что в магазинах города зимой продавались летние вещи и наоборот. Естественно, магазины не могли

их реализовать не по сезону и не выполняли план. Как обычно, актуальным для периода 70–80-х гг. является проблема выполнения производственного плана, которая получила в произведении яркое отражение.

Вторая сюжетная линия – взаимоотношения главных героев Нусрета и Надире. На новогоднем празднике он признаётся девушке в любви. «О бирден къызгъа: «Надире, сен меним ичюн дюньяда энъ дюльбер, энъ незакетли къызсынъ... Сени джаным-тенимнен севем, сен меним бахтым, аятым, бутюн барлыгъымсынъ” деп, багъыраджагъы кельди. Эм истегини япты. Къызгъа озюнинъ атешли севгисини бильдирди. Лякин бу сёзлерни айтып багъырмады. Оларнынъ эписини бир сёзнен анълатты. Эгилип къызнынъ къулагъына: “Надире, мен сени севем!”, деп фысылдады» («Внезапно ему захотелось закричать: “Надире, ты для меня самая красивая, самая нежная девушка... Я очень люблю тебя, ты моё счастье, моя жизнь, моё всё”. Всё это он выразил в нескольких словах. Наклонился и прошептал ей на ухо: «Надире, я люблю тебя! ») [5, с. 100].

Надире не могла поверить, что все её бессонные ночи и мысли о любви к Нусрету так легко разрешились. Это была для неё самая счастливая ночь на свете. Спустя некоторое время они поженились. Молодые живут хорошо, ждут первенца. Однажды Нусрет заметил беспокойство и печаль жены. Когда он спросил, что случилось, она ничего не ответила, а в глазах были слёзы. Нусрет решил, что все беременные женщины так ведут себя. В образе Надире чувствуется характер крымскотатарской девушки: она умна, покорна, не перечит мужу. Однако её несмелость, нежелание откровенно рассказать всё мужу приводят к тому, что она уходит из дома.

Наряду с Велядие и Надире, центральным женским персонажем повести является Хатидже Кямилева. На новогоднем банкете автор впервые даёт ей слово. Кямилева является воплощением производственного конфликта. Внешность женщины излучает искренность и правдолюбие, однако она выступает в повести “Юрек атеши” воплощением зла и преступности. Все улики против неё, но её вину невозможно доказать. У. Эдемова создаёт образ нравственно ущербной женщины, живущей мыслью присвоить чужое имущество. Хатидже – ненасытный человек, олицетворение скупости, она стремится разорить семью Нусрета и Надире.

Хатидже объявляет продавцам Надире и Свете о том, что в магазине недостача товара и этот факт представляет для них опасность. Женщина категорически запрещает говорить кому-либо об этом. Надире хочет рассказать мужу, но Кямилева не разрешает. По её словам, это только ухудшит их положение, их могут даже посадить в тюрьму. Пообещав, что ещё раз всё проверит, она успокоила женщин. Через некоторое время она говорит, что недостающую сумму денег она поделила на три части. Большую часть она взяла на себя, оставшуюся часть должны выплатить Светлана и Надире. Кямилева торопит девушек с выплатой, пугает ревизией. Женщина находит необходимую сумму, но заведующая отделом не оставляет её в покое, каждый раз увеличивая сумму.

Света и Надире подозревают, что дело нечисто, но у них нет доказательств. Хатидже хорошо одевается, дом как музей, муж – простой водитель. Откуда же берутся деньги на всю роскошь! Девушки говорят, что они ничего плохого не делали. Однако женщина обвиняет продавцов, что они не умеют работать и сожалеет, что в своё время она не сообщила об этом начальству. Героини понимают, что Кямилева неправа, но у них не хватает опыта и смелости отстоять свои права. Надире долго мучается, страдает, оказавшись между двух огней. С одной стороны, она не хочет расстраивать любимого мужа плохой новостью, с другой стороны Кямилева всё время требует денег. Все эти мучения приводят к тому, что у Надире начинаются преждевременные схватки. Женщину везут в больницу. У Нусрета рождается сын.

Однажды Нусрет встречает у себя в подъезде Кямилеву и удивляется. Вскоре он замечает, что женщина странно ведёт себя, избегает его на работе, увидев, теряется. Наблюдательный герой замечает, что как только он видит Кямилеву, в тот же день происходят изменения.

Разобраться в ситуации герою помог случай. Нусрет встречает друга Ферата, который говорит ему, что он кроме работы ничего не видит и может потерять жену. Мама Светланы рассказывает ему о том, что дочь очень переживает и просит помочь. Нусрет встречается с Кямилевой и всё выясняет. Как не пыталась женщина свалить всю вину на девушек, у неё не получилось. Нусрет принимает решение устроить в магазине проверку, чего и опасалась Кямилева. Внезапно Нусрета вызывают домой, заболел отец. В это время Кямилева пытается поджечь свой магазин, но её задерживают. Теперь она под

следствием. Надире вернулась к мужу. Таким образом, зло было наказано, а справедливость восторжествовала.

В финале У. Эдемова использует кольцевую композицию. На конференции работников народного хозяйства Нусрет уже в должности заместителя директора, вновь встречается со стариком Асаном и его сыном.

В результате исследования установлено, что писательская индивидуальность У. Эдемовой выражается в психологической характеристике персонажей. Героиня Хатидже Кямилева играет жизнью людей (Надире и Светланы), манипулирует их сознанием, одержима страстью к деньгам. Только деньги и нажива приносят ей моральное и физическое удовлетворение. Низости, лживости и аморальности женщины нет предела, а лихорадочное рвение к деньгам стало образом жизни. У. Эдемову не просто занимает проблема нравственной деградации. Писательница на конкретных образах показывает бездуховность во всех ее разветвлениях: корыстолюбие, стремление к безграничной власти над людьми. Героиня Кямилева, исчерпавшая в себе всё положительное, лишена моральных установок, основу её существования составляют жажда наживы, тяга к материальным ценностям. В её лице автор показывает утрату истинных моральных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джемилева А.А.* Поэтика повествования в крымскотатарском рассказе 70–80 годов XX века. Монография. Саратов: Амирит, 2022. 168 с.

2. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, INTRADA, 2001. 384 с.

3. Мермер басамакълар. Икяелер. Тертип эткен Сейтумер Эмин. Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве саньат нешрияты, 1971. 120 с. (Мраморные ступени. Рассказы. Ташкент, 1971. 120 с.).

4. *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 352 с.

5. *Эдемова У.* Юрек атеши: повестьлер. Ташкент: Эдебият ве санъат нешрияты, 1985. 336 б. (*Эдемова У.* Пламя души: повести. Ташкент, 1985. 336 с.).

6. *Юнусова Л.С.* Крымскотатарская литература: Сборник произведений фольклора и литературы VIII–XX вв. Симферополь: Доля, 2002. 344 с.

7. [Электронный ресурс] URL: http://kartamirakrym.blogspot.com/2013/10/blog-post_16.html (дата обращения: 29.10.22).

8. URL: https://www.culture.ru/events/296096/podium-lichnosti-pisatelnica-priruchivshaya-slovo (дата обращения: 25.09.22).

9. URL:https://simferopol.bezformata.com/listnews/krimskotatarskoj-biblioteke-im-i/77814586/ (дата обращения: 25.09.22).

10. URL:http://goloskrimanew.ru/urie-edemova-literatura-ostro-peredayushhaya-myisli-chuvstva-i-duh-vremeni-vostrebovana-vsegda.html (дата обращения: 17.11.22).

REFERENCES

1. Djemıleva, A.A. *Poetika povestvovaniya v krımskotatarskom rasskaze 70–80 godov XX veka* [Narrative Poetics in the Crimean Tatar Story of the 70s–80s of the 20th Century]. Monografiya. Saratov: Amirit, 2022. 168 p. (in Russ.).

2. Il´ın, I.P. *Postmodernızm. Slovar termınov* [Postmodernism. Glossary of terms]. Moscow: INION RAN, INTRADA, 2001. 384 p. (in Russ.).

3. *Mramornye stýpenı. Rasskazy* [Marble steps. Stories]. Tashkent, 1971. 120 p. (in Uzbek).

4. Sultanov, K.K. *Ugol prelomlenıa. Lıteratýra ı ıdentıchnost: kommýnıkatıvnyı aspekt* [Refraction angle. Literature and identity: a communicative aspect]. Moscow: IMLI RAN, 2019. 352 p. (in Russ.).

5. Edemova, U. *Plamıa dýshı: Povesti* [Soul Flame: Tales]. Tashkent, 1985. 336 p. (in Uzbek).

6. Yunusova, L.S. *Krymskotatarskaıa lıteratýra: Sbornık proızvedenıı folklora ı lıteratýry VIII–XX vv.* [Crimean Tatar Literature: A Collection of Folklore and Literature of the 8th-20th Centuries]. Sımferopol: Dolıa, 2002. 344 p. (in Russ.).

7. URL:http://kartamirakrym.blogspot.com/2013/10/blog-post_16.html (date of access: 29.10.22). (in Russ.).

8. URL: https://www.culture.ru/events/296096/podium-lichnosti-pisatelnica-priruchivshaya-slovo (date of access: 25.09.22). (in Russ.).

9. URL:https://simferopol.bezformata.com/listnews/krimskotatarskoj-biblioteke-im-i/77814586/ (date of access: 25.09.22). (in Russ.).

10. URL:http://goloskrimanew.ru/urie-edemova-literatura-ostro-peredayushhaya-myisli-chuvstva-i-duh-vremeni-vostrebovana-vsegda.html (date of access: 17.11.22). (in Russ.).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-40-46
УДК 81367

Л.Х. Самситова, И.Ж. Сагынбек

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

В данной статье представлены результаты анализа истории изучения и развития сложноподчиненных предложений в башкирском языке. Рассмотрены основные труды ученых, посвященные вопросам сложноподчиненного предложения в башкирском языке. Авторами отмечено, что в становлении башкирской синтаксической науки большую роль играют труды профессора Г.Г. Саитбатталова. В результате проведенного исследования была обоснована необходимость рассмотрения сложноподчиненного предложения как структурно-семантического единства, которое учитывает не только семантику и форму сложноподчиненного предложения, но и особенности сочетания предикативных частей между собой.

Ключевые слова: тюркология, грамматика, синтаксис, сложноподчиненное предложение, башкирский язык.

Luiza Kh. Samsitova, Ilyas Zh. Sagynbek

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF A COMPLEX SENTENCE IN THE BASHKIR LANGUAGE

Abstract

This article presents the results of the analysis of the history of the study and development of complex sentences in the Bashkir language. The main works of scientists devoted to the issues of complex sentences in the Bashkir language are considered. The authors noted that the works of Professor G.G. Saitbattalov play an important role in the formation of Bashkir syntactic science. As a result of the conducted research, the necessity of considering a complex sentence as a structural and semantic unity was substantiated, which takes into account not only the semantics and form of a complex sentence, but also the peculiarities of the combination of predicative parts with each other.

Key words: turkology, grammar, syntax, complex sentence, the Bashkir language

Сложное предложение является одной из наиболее дискуссионных тем не только в башкирском языке, но и в тюркологии в целом. Впервые в тюркологии в книге А. Троянского «Краткая грамматика татарского языка» было дано общее понятие о сложном предложении [20, с. 22].

Самситова Луиза Хамзиновна, *доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан (Уфа), e-mail: luiza_sam@mail.ru*

Luiza Kh. Samsitova, *Dr. Sci. (Philology), Chief Researcher at the Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa), e-mail: luiza_sam@mail.ru*

Сагынбек Ильяс Жаркынбекулы, *аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа), e-mail: ilias_97_s@mail.ru*

Ilyas Zh. Sagynbek*, postgraduate student of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa), e-mail: ilias_97_s@mail.ru*

© Самситова Л.Х., Сагынбек И.Ж., 2022

А. Троянский не употреблял в своих исследованиях термин «сложное предложение», а пользовался выражением «сочетание предложений» и анализировал функции некоторых союзов, деепричастий и причастий, связующих предложения [21, с. 87].

Понятие о сложном предложении позднее мы встречаем в работе М.А. Казембека «Общая грамматика турецко-татарского языка». Он не подразделял также сложные предложения на сложносочинённые и сложноподчинённые [7, с. 312]. Ученый, рассматривая функции причастий, деепричастий и отглагольных имён, называл последние «сокращёнными придаточными предложениями» [7, с. 439–441].

В «Грамматике алтайского языка» дана классификация сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, но нет критериев разграничения данных предложений. Если в предложении даны два глагола, и один из них деепричастие, то такие предложения рассматривались как переходные между простыми и сложными предложениями [4, с. 171].

П.М. Мелиоранский, говоря о функциях причастий и деепричастий, отмечает, что они активно употребляются при образовании придаточных предложений при обязательном наличии при них самостоятельных подлежащих. Он считал, что причастия могут быть сказуемыми определительных придаточных предложений [10, с. 35, 45]. Этой точки зрения в своих работах придерживаются известные тюркологи Н.Ф. Катанов, Н.И. Ашмарин, А.Н. Самойлович, В.А. Гордлевский, Н.Т. Сауранбаев.

Некоторые ученые, например, Н.А. Баскаков, А.Н. Баскаков, И.А. Батманов, Н.П. Дыренкова, М.Ш. Ширалиев, А.З. Абдуллаев, С.А. Джафаров, С.А. Аманжолов, К.К. Сартбаев и др. считают, что основным, определяющим критерием придаточного предложения в тюркских языках является не только отдельно выраженный субъект (подлежащее), но и предикат (сказуемое), выраженный только личной формой глагола. Следовательно, придаточные предложения, сказуемые которых выражаются причастиями или деепричастиями, относятся к развернутым (обособленным) членам предложения.

А.Н. Кононов, обороты, образованные на основе отглагольных имён, причастий, деепричастий, рассматриваемые во многих работах как придаточные предложения, относит к развёрнутым членам предложения. Исходя из грамматического строя изучаемого языка, А.Н. Кононов доказывает, что в данном случае говорить о придаточном предложении никаких оснований нет [9, с. 437–488].

По мнению М.Ш. Ширалиева: 1) придаточные предложения должны выражать относительно законченную мысль; 2) сказуемые придаточных предложений обязательно должны употребляться в личной форме; 3) связь придаточного предложения с главным должна осуществляться с помощью союзов, союзных слов и условной формой глагола [22, с. 96].

Теория о том, что сказуемое придаточных предложений должно быть выражено личной формой глагола встречается в исследованиях А.З. Абдуллаева (Баку, 1963), И.Х. Ахматова (Нальчик, 1988), А.З. Абдуллаевой (Махачкала, 2014) и др.

При изучении структуры сложноподчинённых предложений в тюркских языках профессор Н.К. Дмитриев считал, что для придаточного предложения необходимы: выражение относительно самостоятельной мысли, а также собственные подлежащее и сказуемое, выраженные в предикативной форме [5, с. 244, 245].

Группа лингвистов – А.Н. Кононов, Н.К. Дмитриев, М.А. Аскарова, А.П. Поцелуевский, Дж.Г. Киекбаев, Е.И. Убрятова, М.З. Закиев, К.З. Ахмеров, Г.Г. Саитбатталов и др. к вопросу о синтаксических функциях причастий и деепричастий подходят дифференцированно: если глаголы неличной (часдарной) формы или причастия и деепричастия в синтаксической конструкции выступают в качестве сказуемых, то мы имеем дело с придаточными предложениями, а если они выполняют функцию второстепенных членов предложения и перед ними отсутствует отдельно выраженное подлежащее, то это – простое предложение с развернутыми членами или причастным или деепричастным оборотами [15, с. 369]. Мы разделяем точку зрения этой группы тюркологов.

Такой позиции отождествления собственно придаточных предложений с причастными, деепричастными и отглагольно-именными оборотами придерживается и большинство зарубежных тюркологов [13, с. 94].

Башкирское языкознание имеет длительную историю изучения сложноподчиненных предложений. В книге М.С. Уметбаева даны первые сведения о синтаксисе башкирского языка (1901), но там нет разделения сложных предложений на сложносочиненные и сложноподчиненные.

В 1926 г. Г.Я. Давлетшин в соавторстве с Х. Габитовым, Г. Вильдановым издали «Синтаксис башкирского языка», где описаны виды простых, сложносочиненных предложений, также 8 видов сложноподчиненного предложения, дан порядок слов в предложении.

В первой половине прошлого века сложноподчиненные предложения начали изучаться в школьных учебниках С. Галиева (1939) и К. Ахмера (1948), а во второй половине встречается в первой грамматике башкирского языка Н.К. Димтриева (1950), далее в монографических работах К. Ахмера (1960), Г.Г. Саитбатталова (1961, 2002), А.А. Юлдашева (1977, 1981), Азнабаева А.М. (2007), Д.С. Тикеева (2008) и др.

В первых учебниках грамматики ученые дают определение сложным предложениям и делят их на сложносочиненные и сложноподчиненные, также вводят классификацию придаточных предложений.

С. Галиев (1939) в своем труде «Грамматика» подразделяет сложные предложения на сложносочиненные (теҙмә ҡушма һөйләм) (ССП) и сложноподчиненные (эйәртеүле ҡушма һөйләм) предложения (СПП) [24, с. 38]. Автор дает понятие о СПП и приводит некоторые примеры: «Сказуемое придаточного предложения в составе СПП может быть выражено условным наклонением, деепричастием, причастием и падежными окончаниями или послелогом и др. Например: *Ҡояш күтәрелгән һайын, ҡыҙыулыҡ арта.* В данном примере сказуемое придаточного предложения выражено причастием прошедшего времени и послелогом *һайын*» [24, с. 39].

С. Галиев выделил виды СПП по их средствам связи между главным и придаточным частями и по выполняющим функциям в предложении. Далее автор делит придаточные предложения на 8 смысловых групп и приводит разные примеры по формам:

1. Сәбәп һөйләм (придаточное предложение причины). Например: *Һауа бик якшы булғанға, бөгөн көн буйы яланда булдыҡ.*

2. Маҡсат һөйләм (придаточное предложение цели). Например: *План артығы менән үтәлһен өсөн, бригада эшкә тағы ла ҡыҙыуыраҡ тотондо.*

3. Ваҡыт һөйләм (придаточное предложение времени). Например: *Бакланов менән начхоз килгәндә, Левинсон үҙенең һәм ҡул аҫтындағы кешеләрҙең ни эшләйәсәктәрен белә ине.*

4. Шарт һөйләм (придаточное предложение условия). Например: *Иртәгә көн якшы булһа, беҙ совхозға экскурсияға барабыҙ.*

5. Оҡшатыу һөйләм (придаточное предложение уподобления). Например: *Советтар политик ойошманың социалистик формаһы булып торған кеүек үк, колхоз да – хужалыҡ ойошмаларының социалистик формаһы ул.*

6. Тултырыусы һөйләм (дополнительное придаточное предложение). Например: *Ошо съезда һөйләнгәндәрҙең бөтәһе лә раҫлай, Советтар Союзы халыҡтарының бөйөк дуҫлығын нығытыуға был Конституция менән яңы аҙым яһайбыҙ.*

7. Кире һөйләм (придаточное предложение уступки). Например: *Ямғыр һирәк яуһа ла, ашлыҡ бик уңғайны.*

8. Билдәләү-аныҡлау һөйләм (определительное придаточное предложение). Пример: *Кем эшләй, шул ашай* [24, с. 39–43]. Здесь мы не можем согласиться с автором, данное предложение является придаточным предложением подлежащим. Придаточное предложение поясняет местоимение шул, которое в главном предложении является подлежащим.

Далее К. Ахмер в учебнике для 6 и 7 классов семилетней и средней школы «Башҡорт теле грамматикаһы. II киҫәк. Синтаксис» (1948) дает следующее определение сложноподчиненному предложению: «Сложноподчиненным называется предложение, в котором есть подчинительная связь, которое обуславливается зависимостью одной части от другой, то есть главная часть предполагает обязательное продолжение мысли. Сложноподчиненное предложение состоит из главной и придаточной частей. Предложение, означающее главную мысль, называется *главным* предложением *(баш һөйләм)*. Предложения, которые уточняют и подчинены главному предложению, называются *придаточными (эйәрсән һөйләмдәр)*. Например: *Ҡыҙ балалар мәктәптән ҡайтҡанда, Сәғиҙә китергә әҙерләнеп бөткәйне инде* (Ғ. Ғүмәр)» [23, с. 120, 121].

Придаточное предложение присоединяется к главному предложению при помощи следующих средств связи:

1. Сказуемое придаточного предложения может выражаться деепричастием II формы *(Беҙ ул ҡайтҡас киттек)*, причастием прошедшего времени *(Кәрим уҡыған китапты мин дә уҡыным)* и условным наклонением глагола *(Ил төкөрһә, күл булыр)*.

2. При помощи падежных окончаний. Например: *Бөтә ҡош-ҡорт йоҡлаған булғанға, урман тын икән* (Ғ. Туҡай).

3. При помощи послелогов. Например: *План вақытында үтәлһен өсөн, беҙ бөтә сараларҙы күрҙек.*

4. При помощи падежных окончаний и послелогов. Например: *Көн бик матур булғанға күрә, тыштан инге лә килмәй.*

5. При помощи союзов. Например: "*Ленин Октябрҙә" картинаһын мин ике тапқыр ҡараным, сөнки ул миңә бик оҡшаны.*

6. При помощи интонации. Например: *Эшем бик күп: мин бөгөн һеҙгә бара алмайым* [23, с. 134, 135].

К.З. Ахмеров, исходя из смысла предложения и средств связи между предложениями, выделяет 10 видов сложноподчиненных предложений: придаточные предложения подлежащие, определительные придаточные предложения, дополнительные придаточные предложения, придаточное предложение времени, места, причины, цели, образа действия, условия и уступки. Обычно придаточные предложения отвечают на вопросы, на которые отвечают обособленные члены в предложении. Например: *ҡайҙа, ҡасан, нисек, ни кеүек, ни рәүешле, ни өсөн, ни сәбәпле, ниндәй мақсат менән, ниндәй шарттарҙа и т.д.* [23, с. 137].

К.З. Ахмеров, в отличии от классификации С. Галиева, выделил 3 вида придаточных предложений: подлежащее *(эйә һөйләм)*, места *(урын һөйләм)*, образа-действия *(рәүеш һөйләм)*. Автор не выделяет придаточное предложение уподобления *(оҡшатыу һөйләм*), которое имеется в учебнике С. Галиева.

В развитие синтаксиса и стилистики огромный вклад внес д. филол. н., проф., член-корр. АН РБ Г.Г. Саитбатталов. Его кандидатская, докторская диссертации, монографии, посвященные синтаксису простого и сложного предложений башкирского языка, автора играют большую роль в становлении башкирской синтаксической науки, ученый всю свою жизнь посвятил исследованию синтаксиса башкирского языка.

В трудах ученого представлены разные комбинации сложных синтаксических конструкций, выделены сложносочиненные и сложноподчиненные предложения по их формам, рассмотрены периоды, вопросы пунктуации [15, с. 432].

Г.Г. Саитбатталов проводит функционально-семантическую классификацию, принятую в общем языкознании, и делит сложноподчиненные предложения на 14 видов [14, с. 38–168; 15, с. 68–358].

Как верно отмечает проф. Г.Г. Саитбатталов, некоторые сложные предложения формируются из двух предложений, имеющих тесную смысловую связь. Предложения, которые состоят из двух предложений, имеющие тесную грамматико-смысловую связь, называют сложноподчиненными предложениями (эйәртеүле ҡушма һөйләм). Часть сложноподчиненного предложения, подчиняющая себе придаточную, называется главным предложением. Часть сложноподчиненного предложения, синтаксически зависимая от другой, называется придаточным предложением. В придаточных предложениях имеются постоянные сказуемые, в роли которых могут выступать разные наклонения глаголов (ҡылым һөйкәлештәре), причастие (сифат ҡылым), деепричастие (хәл ҡылым), имя действия (исем ҡылым) и другие части речи. В придаточных предложениях могут отсутствовать специальные подлежащие. Придаточные предложения связываются с главными предложениями при помощи союзов (теркәүестәр) и послелогов (бәйләүестәр). Придаточные предложения могут определять основную мысль главного предложения или некоторой его части и могут встречаться и в начале, и в середине, и в конце предложения. Некоторые виды придаточных предложений не разделяются знаками препинания от главного предложения. Между главным и придаточными предложениями ставятся запятая, тире, двоеточие [8, с. 263].

Части сложноподчиненного предложения находятся в подчинительных отношениях и соединяются между собой подчинительной связью. Подчинительная связь в башкирском языке, как мы уже отметили, выражается определенными грамматическими средствами (формы глагола, послелоги, союзы, падежные аффиксы, вспомогательные слова и т.д.), которые находятся в придаточной части. Придаточное предложение непременно содержит в себе предикативность. Сказуемое придаточного предложения может быть как глагольным, так и именным. Компоненты сложноподчиненного предложения по составу могут быть и односоставными, и двусоставными, распространенными и нераспространенными. В башкирском языке между компонентами сложноподчиненного предложения ставятся запятая, тире, двоеточие, но некоторые виды придаточной части в предложениях синтетического типа не отделяются от главной части запятой.

Исходя из структурно-семантического принципа, сложноподчиненные предложения в башкирском языке принято делить на следующие виды: 1. Эйә эйәрсән һөйләм (придаточное

предложение подлежащее). 2. Хәбәр эйәрсән һөйләм (придаточное предложение сказуемое). 3. Аныҡлаусы эйәрсән һөйләм (определительное придаточное предложение). 4. Тултырыусы эйәрсән һөйләм (дополнительное придаточное предложение). 5. Ваҡыт эйәрсән һөйләм (придаточное предложение времени). 6. Урын эйәрсән һөйләм (придаточное предложение места). 7. Сәбәп эйәрсән һөйләм (придаточное предложение причины). 8. Һөҙөмтә эйәрсән һөйләм (придаточное предложение следствия). 9. Маҡсат эйәрсән һөйләм (придаточное предложение цели). 10. Рәүеш эйәрсән һөйләм (придаточное предложение образа действия). 11. Дәрәжә-күләм эйәрсән һөйләм (придаточное предложение меры и степени). 12. Сағыштырыу эйәрсән һөйләм (придаточное предложение сравнения). 13. Шарт эйәрсән һөйләм (придаточное предложение условия). 14. Кире эйәрсән һөйләм (придаточное предложение уступки) [15, с. 371, 372].

Изучению синтаксиса башкирского языка свою научно-методическую деятельность посвятил д. филол. н., проф. Д.С. Тикеев. В учебном пособии «Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисын өйрәнеү» (Стерлитамак, 1991) автор делит сложные предложения на сложносочиненные и сложноподчиненные. Ученый не выделяет смысловые виды сложноподчиненных предложений, но описывает их различие от сложносочиненных и подчеркивает, что изучение сложноподчиненных предложений является одним из сложных для студентов. В работе описана методика преподавания СПП в вузах [19, с. 15].

В 2003 г. издано учебное пособие Л.Л. Самигуллиной «Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы», где автор описывает историю изучения сложных предложений. В труде есть разделы, посвященные ССП и СПП. В формировании классификации СПП автор сначала выделяет два типа СПП по средствам связи: синтетические средства связи (синтетические СПП) и аналитические средства связи (аналитические СПП), также ученый выделяет 12 смысловых (функциональных) видов СПП. Л.Л. Самигуллина, в отличии от классификации Г.Г. Саитбатталова, не выделяет придаточное предложение следствия (һөҙөмтә һөйләм) и объединяет придаточные предложения образа действия и сравнения (рәүеш-сағыштырыу һөйләм) [16, с. 13–45].

В 2007 г. издается учебное пособие А.М. Азнабева «Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы» для студентов, изучающих башкирский язык как родной, где автор дает краткое описание истории изучения сложных предложений в тюркском языкознаии и также делит сложные предложения на ССП и СПП. В учебном пособии есть раздел об основных признаках сложноподчиненных предложений и их видов, в котором автор задается вопросом: «сколько же придаточных предложений в башкирском языке?» и приводит в пример классификацию проф. Г.Г. Саитбатталова. Автор анализирует виды придаточных предложений и выделяет придаточное предложение следствия (һөҙөмтә һөйләм), существование которого ставит под сомнение. Ученый обосновывает свое мнение примерами и смысловыми сравнениями данный вид придаточного предложения с придаточными предложениями причины (сәбәп һөйләм) [2, с. 33–85].

В 2009 г. Ф.Ф. Абдуллиной и С.Б Акьюловой издан учебник для 8-го класса башкирских общеобразовательных школ. Авторы сочли нужным изучение 12 видов сложноподчиненных предложений, вне внимания остались придаточное предложение сравнения, придаточное предложение следствия [1, с. 64–130].

В 2016 г. издается учебник «Башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы» для 8-го класса общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения, написанный в соавторстве ученых Л.Х. Самситовой, С.А. Тагировой, Э.Ф. Рахимовой, Т.М. Исламовой (2016, 2017, 2020, 2022). Авторы подробно рассматривают виды сложносочиненных, сложноподчиненных предложений и сложных синтаксических конструкций, также описаны способы правильного определения видов сложных предложений с одинаковыми формами и схожей структурой. Учебник разработан в соответствии с Федеральными государственными стандартами [18, с. 48–137].

Таким образом, в современной науке синтаксический строй башкирского языка в классическом плане достаточно полно изучен: имеются специальные монографии, пособия, учебники, посвященные исследованию синтаксиса простого и сложного предложений, сложных синтаксических конструкций. Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более подробном изучении сложноподчиненных предложений в структурно-семантическом аспекте, который учитывает не только семантику и форму сложноподчиненного предложения, но и особенности сочетания предикативных частей между

собой. Анализ сложноподчиненного предложения в структурном, семантическом и функциональном уровнях обеспечит раскрытие специфики изучаемого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллина Ф.Ф., Акъюлова С.Б.* Башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы: Дөйөм белем биреү учреждениеларының 8-се класы өсөн дәреслек. Өфө: Китап, 2009. 191 б. (*Абдуллина Ф.Ф., Акьюлова С.Б.* Башкирский язык. Синтаксис сложного предложения: Учебник для 8 класса общеобразовательных учреждений). Уфа: Китап, 2009. 191 с.).

2. *Аҙнабаев Ә.М.* Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы. Өфө: Ғилем, 2007. 144 б. (*Азнабаев А.М.* Синтаксис сложного предложения в башкирском языке). Уфа: Гилем, 2007. 144 с.).

3. *Дәүләтшин Ғ.Й., Ғәбитов Х., Вилдано*в *Ғ.* Башҡорт теленең нәхүе. Өфө, 1926. 90 б. (*Давлетшин Г.Я., Габитов Х., Вильданов Г.* Синтаксис башкирского языка). Уфа, 1926. 90 с.)

4. Грамматика алтайского языка. Казань, 1869. 298 с.

5. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948. 275 с.

6. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть III. Синтаксис. М., 1961. 230 с.

7. *Казембек М.А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846. 457 с.

8. *Кейекбаев Ж.Ғ., Сәйетбатталов Ғ.Ғ., Ишбирҙин Э.Ф., Аҙнабаев Ә.М., Фәритов Х.С., Хәбибуллина Ф.Й.* Башҡорт теле: Педагогия колледждары һәм училищелары өсөн дәреслек. Өфө: Китап, 2004. 352 б. (*Киекбаев Дж.Г., Саитбатталов Г.Г., Ишбердин Э.Ф., Азнабаев А.М., Фаритов Х.С., Хабибуллина Ф.Я.* Башкирский язык: Учебник для педагогических колледжей и училищ. Уфа: Китап, 2004. 352 с.).

9. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.–Л., 1956. 569 с.

10. *Мелиоранский П.М.* Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. 1. Фонетика и этимология. Ч. 2. Синтаксис. СПб., 1894–1897. 78 с.; 92 с.

11. *Саитбатталов Г.Г.* Виды придаточных предложений в башкирском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 1954. 20 с.

12. *Саитбатталов Г.Г.* Синтаксис сложного предложения башкирского языка: Автореф. дисс. докт. филол. наук. Баку, 1963. 58 с.

13. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.

14. *Сәйетбатталов Ғ.Ғ.* Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы. Өфө: БДУ нәшриәте, 1961. 350 б. (*Саитбатталов Г.Г.* Синтаксис сложного предложения в башкирском языке). Уфа: Изд-во БГУ, 1961. 350 с.).

15. *Сәйетбатталов Ғ.Ғ.* Башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы. 2-се том. Өфө: Башҡортостан «Китап» нәшриәте, 2002. 432 б. (*Саитбатталов Г.Г.* Башкирский язык. Синтаксис сложного предложения. Т. 2. Уфа: Китап, 2002. 432 с.).

16. *Сәмиғуллина Л.Л.* Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисы: Уҡыу ҡулланмаһы. Стәрлетамаҡ: Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институты, 2003. 65 б. (*Самигуллина Л.Л.* Синтаксис сложного предложения в башкирском языке: Учебное пособие. Стерлитамак: СГПИ, 2002. 65 с.).

17. *Сәмситова Л.Х.* Хәҙерге башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы: Курс программаһы. Өфө: Вагант, 2005. 32 б. (*Самситова Л.Х.* Современный башкирский язык. Синтаксис сложного предложения: Программа курса. Уфа: Вагант, 2005. 32 с.).

18. *Сәмситова Л.Х., Таһирова С.А., Рәхимова Э.Ф., Исламова Т.М.* Башҡорт теле. Ҡушма һөйләм синтаксисы: Уҡытыу туған (башҡорт) телендә алып барылған дөйөм белем биреү ойошмаларының 8-се класы өсөн дәреслек. Өфө: Китап, 2020. 208 б. (*Самситова Л.Х., Тагирова С.А., Рахимова Э.Ф., Исламова Т.М.* Башкирский язык. Синтаксис сложного предложения: Учебник для 8 класса общеобразовательных организаций с родным (башкирским) языком обучения. Уфа: Китап, 2020. 208 с.).

19. *Тикеев Д.С.* Башҡорт теленең ҡушма һөйләм синтаксисын өйрәнеү: Уҡыу әсбабы. Стәрлетамаҡ: Стәрлетамаҡ дәүләт педагогия институты, 1991. 80 б. (*Тикеев Д.С.* Изучение синтаксиса сложного предложения в башкирском языке: Учебное пособие. Стерлитамак: СГПИ, 1991. 80 с.).

20. *Троянский А.* Краткая грамматика татарского языка. Петербург, 1814. 199 с.

21. *Троянский А.* Краткая грамматика татарского языка. Казань, 1860. 195 с.

22. *Ширалиев М.Ш.* Проблема сложноподчиненного предложения // Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958. С. 79–90.

23. *Әхмәр Ҡ.З.* Башҡорт теле грамматикаһы. II киҫәк. Синтаксис. Өфө: Башгосиздат, 1948. 203 б. (*Ахмер К.З.* Грамматика башкирского языка. II часть. Синтаксис. Уфа: Башгосиздат, 1948. 203 с.).

24. *Fəlıev S.* Grammatıka. II kıƀək (sıntaksıs): Urta məktəpteṇ 6–7 klasstarь өsөn başqort tele

dəreslege. Өfə: Başgosızdat: Dəreslektər həm oılmı əđəbıət sektoгь, 1939. 118 б. (*Галеев С.* Грамматика. II часть (синтаксис): учебник для 6–7 классов средних школ. Уфа: Башгосиздат: Сектор учебников и научной литературы, 1939. 118 б.

REFERENCES

1. Abdullina F.F., Ak'julova S.B. *Bashkirskij jazyk. Sintaksis slozhnogo predlozhenija* [Bashkir language. The syntax of a complex sentence: A textbook for the 8th grade of general education institutions]. Ufa: Kitap, 2009.191 p. (in Bashkir).

2. Aznabaev A.M. *Sintaksis slozhnogo predlozhenija v bashkirskom jazyke* [The syntax of a complex sentence in the Bashkir language]. Ufa: Gilem, 2007. 144 p. (in Bashkir).

3. Davletshin G.Ja., Gabitov H., Vil'danov G. *Sintaksis bashkirskogo jazyka* [The syntax of the Bashkir language]. Ufa, 1926. 90 p. (in Arabic).

4. Grammatika altajskogo jazyka [Grammar of the Altai language]. Kazan, 1869. 298 p. (in Russ.).

5. Dmitriev N.K. *Grammatika bashkirskogo jazyka* [Grammar of the Bashkir language]. M. – L., 1948. 275 p. (in Russ.).

6. *Issledovanija po sravnitel'noj grammatike tjurkskih jazykov. Chast' III. Sintaksis* [Research on the comparative grammar of the Turkic languages. Part III. Syntax]. M., 1961. 230 p. (in Russ.).

7. Kazembek M.A. *Obshhaja grammatika turecko-tatarskogo jazyka* [General grammar of the Turkish-Tatar language]. Kazan, 1846. 457 p. (in Russ.).

8. Kiekbaev Dzh.G., Saitbattalov G.G., Ishberdin Je.F., Aznabaev A.M., Faritov H.S., Habibullina F.Ja. *Bashkirskij jazyk* [Bashkir language: Textbook for pedagogical colleges and colleges]. Ufa: Kitap, 2004. 352 p. (in Bashkir).

9. Kononov A.N. *Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo jazyka* [Grammar of the modern Turkish literary language]. M. – L., 1956. 569 p. (in Russ.).

10. Melioranskij P.M. *Kratkaja grammatika kazak-kirgizskogo jazyka. Ch. 1. Fonetika i jetimologija. Ch. 2. Sintaksis* [Brief grammar of the Kazakh-Kyrgyz language]. Saint Petersburg: type. Imp. Academy of Sciences, 1894–1897. 78 p.; 92 p. (in Russ.).

11. Saitbattalov G.G. *Vidy pridatochnyh predlozhenij v bashkirskom jazyke* [Types of subordinate clauses in the Bashkir language]. M., 1954. 20 p. (in Russ.).

12. Saitbattalov G.G. *Sintaksis slozhnogo predlozhenija bashkirskogo jazyka* [The syntax of a complex sentence of the Bashkir language]. Baku, 1963. 58 p. (in Russ.).

13. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Morfologija* [Comparative historical grammar of the Turkic languages. Morphology]. M.: Nauka, 1988. 560 p. (in Russ.).

14. Saitbattalov G.G. *Sintaksis slozhnogo predlozhenija v bashkirskom jazyke* [The syntax of a complex sentence in the Bashkir language (in Bashkir. language)]. Ufa: Publishing House of BSU, 1961. 350 p. (in Bashkir).

15. Saitbattalov G.G. *Bashkirskij jazyk. Sintaksis slozhnogo predlozhenija* [Bashkir language. The syntax of a complex sentence]. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (in Bashkir).

16. Samigullina L.L. *Sintaksis slozhnogo predlozhenija v bashkirskom jazyke* [Syntax of a complex sentence in the Bashkir language]. Sterlitamak: SGPI, 2002. 65 p. (in Russ.).

17. Samsitova L.H. *Sovremennyj bashkirskij jazyk. Sintaksis slozhnogo predlozhenija* [Modern Bashkir language. The syntax of a complex sentence]. Ufa: Vagant, 2005. (in Bashkir).

18. Samsitova L.H., Tagirova S.A., Rahimova Je.F., Islamova T.M. *Bashkirskij jazyk. Sintaksis slozhnogo predlozhenija* [Bashkir language. The syntax of a complex sentence]. Ufa: Kitap, 2020. 208 p.). (in Bashkir).

19. Tikeev D.S. *Izuchenie sintaksisa slozhnogo predlozhenija v bashkirskom jazyke* [Studying the syntax of a complex sentence in the Bashkir language]. Sterlitamak: SGPI, 1991. 80 p. (in Bashkir).

20. Trojanskij A. *Kratkaja grammatika tatarskogo jazyka* [A brief grammar of the Tatar language]. Petersburg, 1814. 199 p. (in Russ.).

21. Trojanskij A. *Kratkaja grammatika tatarskogo jazyka* [A brief grammar of the Tatar language]. Kazan, 1860. 195 p. (in Russ.).

22. Shiraliev M.Sh. *Problema slozhnopodchinennogo predlozhenija* [The problem of a complex sentence // Questions of grammar of the Turkic languages]. Alma-Ata, 1958. P. 79–90. (in Russ.).

23. Ahmer K.Z. *Grammatika bashkirskogo jazyka* [Grammar of the Bashkir language. Part II. Syntax (in bask. language)]. Ufa: Bashkosizdat, 1948. 203 p. (in Bashkir).

24. Galeev S. *Grammatika. II chast' (sintaksis)* [Grammar. Part II (syntax): textbook for grades 6-7 of secondary schools (in Bashkir. language)]. Ufa: Bashkosizdat: Sector of textbooks and scientific literature, 1939. 118 p. (in Bashkir).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-47-54
УДК 811.512.141

Г.А. Исянгулова, М.Ф. Акилова, Р. С. Абзелилова

XXI БЫУАТ НЕОЛОГИЗМДАРЫ (БАШҠОРТ ТЕЛЕ МАТЕРИАЛЫНДА) (НЕОЛОГИЗМЫ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация

Словарный состав современного башкирского языка в настоящее время активно заимствует терминологическую лексику, отражающую происходящие изменения в обществе. Процесс заимствования башкирским языком лексических средств относится к проблематике языковых контактов – одному из важнейших факторов его исторического развития. С этой точки зрения изучение процессов заимствования приобретает особый теоретический интерес. Актуальность исследования также обуславливается недостаточной разработанностью данной проблемы. В башкирской лингвистике мало работ, специально посвященных новым заимствованным словам. Изучение заимствований относится к числу современных проблем теории и практики языкознания.

Ключевые слова: неологизм, новое слово, заимствование, окказиональное слово

Gulnaz A. Isyangulova, Munira F.Akilova, Radina S. Abzelilova

NEOLOGISMS OF THE XXI CENTURY (BASED ON THE BASHKIR LANGUAGE)

Abstract

The vocabulary of the modern Bashkir language is currently actively borrowing terminological vocabulary reflecting the ongoing changes in society. The process of borrowing lexical means by the Bashkir language relates to the problems of language contacts – one of the most important factors of its historical development. The study of borrowing processes acquires a special theoretical interest from this point of view. The relevance of the study is also due to the insufficient development of this problem. There are few works in Bashkir linguistics specifically devoted to new borrowed words. The study of borrowings is one of the modern problems of the theory and practice of linguistics.

Key words: neologism, new word, borrowing, occasional word

Исянгулова Гульназ Абдулхаковна, *доктор филологических наук, доцент Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: igulnaz75@yandex.ru*

Gulnaz A. Isyangulova, *Dr. Sci. (Philology), Associate Professor of Bashkir State University (Ufa), e-mail: igulnaz75@yandex.ru*

Акилова Мунира Фатиховна, *кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: akilova_m@mail.ru*

Munira F. Akilova, *Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Bashkir State University (Ufa), e-mail: akilova_m@mail.ru*

Абзелилова Радина Салимовна, *студентка Башкирского государственного университета (Уфа), e-mail: abzelilovar@yandex.ru*

Radina S. Abzelilova, *student of Bashkir State University (Ufa), e-mail: abzelilovar@yandex.ru*

© Исянгулова Г.А., Акилова М.Ф., Абзелилова Р. С., 2022

Ижтимағи-сәйәси һәм социаль-экономик мөнәсәбәттәрҙең үҙгәреүе, фән, техника һәм мәҙәниәт үҫеше арҡаһында, бер яҡтан, телдә яңы төшөнсәләр, яңы атамалар (һүҙҙәр) барлыҡҡа килеп, телдең лексикаһы яңы һүҙҙәр менән байыҡһа, икенсе яҡтан, телдәге бик күп һүҙҙәр юғала, ҡулланыуҙан сыға, сөнки ул һүҙҙәрҙе ҡулланыуҙың кәрәге ҡалмай [9].

Хәҙерге неологияла (тел ғилеменең өр-яңы һүҙҙәрҙе өйрәнеүсе тармағы) «яңы һүҙҙәр» һәм «неологизмдар» тигән терминдарҙы бер үк мәғәнәлә ҡулланмайынса, уларҙың һуңғыһын беҙҙең көндәрҙә тыуған, яңылығы күҙгә бәрелеп торған иң яңы һүҙҙәрҙе атау өсөн ҡулланалар. Тимәк, неологизм булып һүҙ оҙаҡ йәшәмәй, «яңы һүҙҙәр» тигән күренеш тарихи-хронологик йәһәттән шартлы була. Яңы һүҙҙәр (һәм һүҙбәйләнештәр) ижтимағи йәшәйештең, фән һәм техниканың, сәнәғәт һәм мәҙәниәттең һ.б.-ларҙың үҫеш һөҙөмтәһе булараҡ барлыҡҡа килгән яңы нәмәләрҙе һәм күренештәрҙе атау ихтыяжынан хасил була. Әйтәйек, фәнни асыштарҙың 90% самаһы XX быуатта яһалған, беҙҙе уратып алған предметтарҙың ундан туғыҙ өлөшө ошо үк быуатта уйлап табылған. Ә һәр бер асыш, яңы нәмә, ғәҙәттә, яңы исем (һүҙ) менән ғәмәлләшә [1; 2; 3; 4; 7; 8; 10; 11; 12].

Хәҙерге заман башҡорт телен ҡайһы берәүҙәр һандыҡ төбөндәге файҙаланылмаған хазина менән сағыштыралар. Ә бит ижтимағи тормошта киң ҡулланылыу тапмаған тел үҫешә, шымара, камиллаша алмай, киреһенсә, ярлылана, уның ҡулланылыу даирәһе тарая. Тел – үҙенең ҡулланылыу осоронда бик ҙур юғалтыуҙар кисерә, шуға күрә тел даими һәм мотлаҡ рәүештә тулылана, байый тип фараз итеү бик үк дөрөҫ булмаҫ ине. Ғ.Ғ.Ҡаһарманов фекеренсә, «һүҙҙәр даирәһенең сикләнеүе, һүҙлек запасының бөтөнләй ярлыланып, ҡороп бөтөп барыуы хаҡлы рәүештә тел экологияһын, тәбиғәт һәм тел берҙәмлеге мәсьәләһен көн тәртибенә ҡуя» [6, 109-сы бит].

Эш шунда: бөгөнгө башҡорт теле, илдең иҡтисади һәм дәүләт ҡоролошо кеүек үк, ҙур үҙгәрештәр кисерә. Телгә яңы терминдар, һүҙҙәр, һүҙбәйләнештәр килеп инә. Был тәбиғи хәл: ил менән, тормош менән бергә тел дә үҙгәреш кисерергә, яңы һүҙҙәр иҫәбенә тулыланырға, байырға тейеш [13; 14; 15].

Башҡорт телендәге неологизмдарҙың күбеһе – рус теле һәм башҡа милли әҙәби телдәр менән уртаҡ булған яңы һүҙҙәр. Уларҙы ғәҙәттә *лексик неологизмдар* тип атайҙар. Мәҫәлән, *аудиотехника, боевик, видеосюжет, видеокамера, домофон, массовка, микроавтобус, мобильник, оперативка, программист, ссуда, прививка, вакцина, плато, инфекция, коронавирус* һ.б. Бындай яңы һүҙҙәр халыҡтарҙың тормошо үҙгәреү сәбәпле, яңы төшөнсәләрҙе, яңы әйберҙәрҙе һәм күренештәрҙе атау кәрәклеге арҡаһында барлыҡҡа килгән. Бындай неологизмдар һаны әлеге ваҡытта ла арта бара. Миҫалдар: Шулай үк яңыртылған *шлагбаумдар, вандалдарға* ҡаршы эскәмйәләр ҡуйыу ҙа күҙаллана («Йәшлек» газетаһынан). Был ғалимдар күҙаллаған *платомы*, юҡмы – быныһы әлегә билдәһеҙ, алдағы көндәрҙә статистикаға ҡарап, белгестәр үҙ һүҙен әйтер («Башҡортостан» газетаһынан).

Шулай үк мәғариф өлкәһенә һуңғы йылдарҙа бик күп яңы һүҙҙәр килеп инде. Мәҫәлән:

Аккредитация – берәй объекттың, мәҫәлән, юғары уҡыу йортоноң, билдәле бер стандартҡа, талаптарға яуап биреүен рәсми рәүештә дәлилләү. Миҫал: 2019 йылда Башҡорт дәүләт университеты *аккредитация* үтте.

Бакалавриат – тиҙләтелгән программа буйынса юғары белем алыу йүнәлеше. Миҫал: Эйе, уҡыу йортонда *бакалавриат*, магистратура программалары буйынса абитуриенттар ҡабул ителә («Башҡортостан» газетаһынан).

Бакалавр – тиҙләтелгән программа буйынса юғары белем алған кеше. Миҫалдар: Рәсәйҙә *бакалаврҙар* 1996 йылдың 22 августынан башлап әҙерләнә, әммә 2010 йылдың 31 декабренән һуң Федераль дәүләт белем биреү стандарттарына ярашлы, *бакалавр* һәм магистр дәрәжәһе Рәсәйҙең юғары уҡыу йорттарын тамамлаусылар өсөн төп квалификация булып тора (Википедиянан). Ике университетта ла яҡшы уҡыған студент-*бакалаврҙар* икеләтә диплом алыу мөмкинлегенә эйә (Яңылыҡтарҙан).

Магистратура – юғары белем алыуҙың икенсе кимәле. Миҫал: Унда бакалавриат, специалитет, *магистратура* һәм аспирантура программалары буйынса уҡыған студенттар ҡатнаша ала («Башҡортостан» газетаһынан).

Магистр – магистратура программаһы буйынса белем алған белгес. Миҫалдар: Республика мәғариф министрлығынан хәбәр итеүҙәренсә, бакалавр әҙерләү программаһы буйынса 6233, белгестәргә 1518, *магистрҙарға* 2652 урын бирелгән («Башҡортостан» газетаһынан). Уҡыу йортона йыл да йәмғеһе мең ярым тирәһе студент бакалавр һәм *магистр* йүнәлештәре буйынса

бушлай, йәнә 800 кеше түләүле уҡыу төркөмдәренә ҡабул ителә («Йәшлек» газетаһынан).

Һуңғы йылдарҙа башҡорт теленә килеп ингән һәм актив ҡулланылған һүҙҙәрҙә түбәндәге миҫалдарҙы индерергә мөмкин:

Бонус – комиссион хеҙмәт өсөн түләү.

Бра́узер – махсус компьютер программаһы.

Веб-дизайн – дизайндың бер тармағы, сайттар өсөн веб-интерфейстар һәм веб-ҡушымталар эшләү, сайттарҙы биҙәү менән шөғөлләнә.

Винтаж – ретро стилендәге кейем, автомобиль йәки башҡа кәрәк-яраҡ.

Волонтёр – башҡортса ҡайһы бер саҡ «ирекмән» тип тә әйтәләр. Буш ваҡытында башҡаларға ярҙам иткән кеше.

Дедлайн – эш тамамланырға тейеш иң һуңғы срок.

Дресс-код – ҡайһы бер сараларға, ойошмаларға барғанда кейергә тейешле кейем формаһы.

Event-менеджер – был белгес һорау буйынса шәхси һәм кешеләр төркөмө өсөн төрлө байрам, корпоративтар ойоштора. Бының өсөн һәр кем менән еңел аралаша, һөйләшеүҙәр алып бара белеү кәрәк. Саралар өсөн үткәреү урындары табыу, кешеләр эҙләү, һәр күңел асыу кисәһенә мауыҡтырғыс программалар төҙөү ҙә уның иңенә төшә.

Мерчендайзер – сауҙа компанияһы вәкиле.

Клинер – ябай ғына итеп әйткәндә, йыйыштырыусы.

Клининг – йыйыштырыу, таҙалау.

Клининг компанияһы – төрлө биналарҙы йыйыштырыу буйынса хеҙмәт күрһәткән фирма.

Копирайтер – ул төрлө текстарҙы – реклама, сценарий – бөтәһен дә һорау буйынса яҙыусы. Бындай эш түҙемлелек, ижади хыялыңдың бай булыуын, күп мәғлүмәттән кәрәклеһен һайлап ала белеүҙе талап итә.

Кэшбек – тотонолған аҡсаның күпмелер өлөшөн кире ҡайтарыу.

Ноу-хау – яңы уйлап сығарылған нәмә йәки берәй уникаль күренеш.

Стартап – инновацияларға нигеҙләнгән, яңы ғына эшләй башлаған компания.

Супервайзер – 1) күҙәтеүсе, инспектор; 2) етәксе.

Тренд – ниндәй ҙә булһа берәй йүнәлеш, тенденция.

Фэйк – ялған, дөрөҫлөккә тап килмәгән.

Хедлайнер – ниндәй ҙә булһа берәй сараның төп ҡунағы йәки сығыш яһаусыһы.

Миҫалдар: Башҡортостанда һәм тотош Рәсәйҙә 31 марттан балалар ялы өсөн *кешбэк* программаһы тергеҙелә (Яңылыҡтарҙан). 5 декабрь – Халыҡ-ара *волонтерҙар* көнө (Яңылыҡтарҙан). Сараның *хедлайнеры* – Рәсәйҙең популяр йырсыһы Валерий Меладзе, тип яҙа бик күп иғландар («Башҡортостан» газетаһынан). Рәсәй Федерацияһында бындай 18 төбәк бар һәм уларҙың барыһы ла *бонусҡа* дәғүә итә (Яңылыҡтарҙан). Магазинға һәр төрлө профессиялы хеҙмәткәрҙәр – һатыусылар, кассирҙар, визуаль *мерчендайзерҙар, декораторҙар,* ашнаҡсылар талап ителә (Иғландан). Муниципалитеттарҙа һорау алыусылар эшенең схемаһын *супервайзерҙар* әҙерләй (Яңылыҡтарҙан). Атап әйткәндә, TikTok яңы *видеоконтент* таратыуҙа һәм тура эфир алып барыуҙа сикләнә (Яңылыҡтарҙан). Һанлы технологиялар заманында мәғлүмәт йәшен тиҙлеге менән тарала, ошондай уҡ хәл *фейк* (алдаҡ) яҙмаларға ла хас. Хатта ҡайһы бер саҡта, рәсми яңылыҡтарға ҡарағанда, *фейктар* яҡшыраҡ таралалыр, сөнки уның эстәлеге бик матур жанрҙа һәм ябай кеше теле менән яҙылған («Ашҡаҙар» газетаһынан). Веб-биттәрҙе күбеһенсә веб-*браузер* ярҙамында ҡарап була, мәҫәлән, Internet Explorer (Википедиянан).

Бөгөн шулай уҡ *трейдер, риэлтер, андеррайтер, PR менеджер, бэк-офис белгесе, промоутер, декларант, SEO-белгес* кеүек һөнәрҙәр ҙә киң талап ителә.

Бөйөк Британия тикшереүселәре алдағы көндәрҙә барлыҡҡа килеүсе белгестәр исемлеген дә әҙерләп ҡуйған. Иҫәпләүҙәр буйынса, 2030 йылда климат үҙгәреүен тикшереүсе, альтернатив транспортты эшкәртеүсе, мәғлүмәтте утилләштереүсе, карантин буйынса белгестәр, ген технологияларын ҡулланыусы фермерҙар, йыһан архитекторҙары һәм осоусылары, хәтерҙе киңәйтеү буйынса махсуслашҡан хирург, ваҡыт банкы брокерҙары тигән һөнәрҙәр ҙә буласаҡ.

Һуңғы 2-3 йылда башҡорт теленә яңы коронавирус инфекцияһы менән бәйле бик күп яңы һүҙҙәр килеп инде. Мәҫәлән:

Антиваксер – вакцина яһатыуға ҡырҡа ҡаршы кеше. Миҫал: *Антиваксерҙар* фекерен ыңғай яҡҡа үҙгәртә, шуныһы ҡыуаныслы (Яңылыҡтарҙан).

Антисептик – дезинфекциялау өсөн ҡулланылған спиртлы шыйыҡса. Миҫал: Тән температураһын тикшереп, ҡулды *антисептик* менән таҙартҡандан һуң ғына мәктәпкә юл асыҡ (Яңылыҡтарҙан).

Антитела – *антиматдә* – йоғошло сир кисергән кешенең организмында барлыҡҡа килгән үҙенсәлекле аҡһым. Миҫал: Йәғни коронавирустан *антиматдәләр* кимәле ниндәй булыуға ҡарамаҫтан, вакцинацияланырға кәрәк («Киске Өфө» газетаһынан).

Вакцина – биологик медицина препараты, төрлө ауырыуҙарға ҡаршы антиген барлыҡҡа килтерә. Миҫал: Һаулыҡ һаҡлау министрлығынан хәбәр итеүҙәренсә, май байрамдарында ла *вакцина* эшләтеүселәр һаны күп булған («Башҡортостан» газетаһынан).

Карантин – ауырыу таралмаһын өсөн ойоштороған профилактик саралар системаһы. Миҫал: Сит региондарҙан кешеләр килһә, больницаға, ауыл хакимиәтенә еткерегеҙ: улар 2 аҙна *карантинда* булырға тейеш («Йәшлек» газетаһынан).

Коронавирус – ҡайһы саҡта «тажзәхмәт» тип тәржемә итәләр. Миҫалдар: Яңы *коронавирус* инфекцияһы менән ауырыусылар һаны Башҡортостанда 284 725 кешегә етте. *Коронавирус* менән ауырыусылар әле һаман бар әле («Йәшлек» газетаһынан). *Тажзәхмәт-тажзәхмәт*, тип саң ҡағыуыбыҙға йыл да булып килә (А. Ғарифуллина).

Ковидарий – коронавирус менән ауырыусыларҙы дауалау өсөн асылған махсус дауахана. Мәҫәлән: Коронавирус менән ауырыусыларҙы дауалау өсөн рекордлы сроктарҙа Өфө эргәһендә инфекция үҙәге – *ковидарий* төҙөлдө («Ашҡаҙар» газетаһынан).

Ковидиот – «ковид» һәм «идиот» тигән һүҙҙәрҙән яһалған неологизм. 2 мәғәнәгә эйә: 1) ковидтың ҡурҡынысын аңламаған, үҙен вайымһыҙ тотҡан кеше; 2) киреһенсә, паникаға бирелеп, магазиндан аҙыҡ-түлекте һәм башҡа кәрәк-яраҡты күпләп һатып алған кеше. Миҫал: *Ковидиот* булма!

Красная зона – *ҡыҙыл зона* – ҡурҡыныс инфекцион сир менән сирләгән кешеләрҙе дауалаған зона. Миҫал: Республика Хәрби дан музейында «*Ҡыҙыл зона* геройҙары» тип исемләнгән күргәҙмә асылды («Йәшлек» газетаһынан).

Иммунизация – төрлө ауырыуҙарҙы профилактикалау алымы. Миҫал: *Иммунизация* кампанияһы әүҙем дауам итә. *Иммунизацияны* тулыһынса үткәндәргә сертификат бирелә («Башҡортостан» газетаһынан).

Обсервация – эпидемия таралып китмәһен өсөн күрелгән профилактик саралар комплексы. Миҫал: Тәүҙә ике аҙна изоляцияла, шунан тағы ике аҙна *обсервацияла* («Йәшлек» газетаһынан).

Пандемия – инфекцион ауырыуҙар эпидемияһы. Миҫал: Табип коронавирус *пандемияһы* осоронда ниндәй дарыуҙар әҙерләп ҡуйырға кәрәклеген әйтте (Яңылыҡтарҙан).

Плато – эпидемияның пигынан һуңғы осор. Миҫал: Был ғалимдар күҙаллаған *платомы*, юҡмы – быныһы әлегә билдәһеҙ, алдағы көндәрҙә статистикаға ҡарап, белгестәр үҙ һүҙен әйтер («Башҡортостан» газетаһынан).

Пульсоксиметр – ҡан сатурацияһын үлсәй торған прибор. Миҫал: *Пульсоксиметрҙың* тышҡы йөҙөн фотола күрәһегеҙ («Башҡортостан» газетаһынан).

Ревакцинация – бер тапҡыр вакцина эшләгәндән һуң иммунитетты һаҡлауға йүнәлтелгән сара. Миҫал: *Ревакцинация* һәм прививканың тәүге компонентын эшләтеүселәр ҙә күбәйә («Башҡортостан» газетаһынан).

Самоизоляция – *үҙ ҡурсаланыу* – эпидемияны туҡтатыу маҡсатында үҙ-үҙеңде изоляциялау. Миҫал: Мәжбүри *ҡурсаланыу* (үҙ-үҙеңде изоляциялау) ваҡыты кешеләрҙең үҙ-ара мөнәсәбәттәренә лә ҙур һынау килтерҙе («Шоңҡар» журналынан).

Санитайзер – антисептиктарҙың хәҙерге атамаһы, ҡулдарҙы, предметтарҙы дезинфекциялау өсөн ҡулланылған спиртлы шыйыҡса. Миҫал: Документ ҡабул итеү-тапшырыу нөктәләрендә өҫтәл-ултырғыстар ике сәғәт һайын йыуып, *санитайзерҙар* менән эшкәртелеп тора (Яңылыҡтарҙан).

Сатурация – ҡанда кислород кимәле күрһәткесе. Миҫал: Covid-19 менән ауырығанда *сатурацияны* үлсәү ниңә кәрәк? («Башҡортостан» газетаһынан).

Социальная дистанция – *социаль ара* – кешеләр араһындағы рөхсәт ителгән арауыҡ. Миҫал: Магазиндарҙа, сауҙа үҙәктәрендә һатып алыусылар һәм һатыусылар 1,5 метрҙан да кәм булмаған *социаль ара* һаҡларға, шәхси һаҡланыу саралары – битлек, бирсәткә һәм санитайзерҙар ҡулланырға тейеш («Башҡортостан» газетаһынан).

Штамм – коронавирустың төрө. Миҫал: Короновирустың яңы *штаммы* – Омикрон әлегә Рәсәйҙә теркәлмәгән, шулай ҙа табиптар һаҡ булырға саҡыра («Башҡортостан» газетаһынан).

Коронавирус инфекцияһына бәйле неологизмдарға тағы ла түбәндәге һүҙҙәрҙе индерергә мөмкин.

Интернет-коуч – ул онлайн режимда консультация биреү, кешеләрҙе уҡытыу менән шөғөлләнә. Быны өсөн ниндәйҙер бер өлкәлә

белгес булыу кәрәк. Мәҫәлән, юрист үҙ эшеңде асыу буйынса һорауҙарға яуап бирә ала. Оҫталыҡ дәрестәре лә алып барыу мөмкинлеге бар.

Онлайн – реаль ваҡыт режимында интернетҡа тоташыу. Миҫалдар: Ошо көндәрҙә Хәйбулла районында «Эшҡыуарлыҡ сәғәте» *онлайн* форматта үтте («Башҡортостан» газетаһынан). Барлығы 1368 мәҙәниәт-ял итеү учреждениелары тура эфирҙар, *онлайн*-концерттар, экскурсиялар, акциялар һәм флешмобтар үткәрҙе (Яңылыҡтарҙан).

Офлайн – «онлайн» һүҙенең антонимы, компьютер селтәренә тоташмаған ваҡыт. Миҫал: 23 апрелдә онлайн һәм *офлайн* форматта «Башҡорт теленән халыҡ-ара диктант-2022» акцияһы уҙғарыла (Яңылыҡтарҙан).

Дистант – төрлө электрон технологиялар ҡулланып ойошторолған сара, процесс. Миҫал: Башҡорт дәүләт педагогия университеты 23 февралгә тиклем *дистантҡа* күсте (Яңылыҡтарҙан).

Зум – видеоконференциялар үткәреү өсөн тәғәйенләнгән платформа. Миҫал: Дәрестәр *зумда* була.

Флешмоб – алдан планлаштырылған акция. Миҫал: Быйыл 4 ноябрҙәге Халыҡтар берҙәмлеге көнөнә арналған саралар онлайн режимда үтәсәк. Был ғәмәл, ил халҡына быҙаса булмағанса интернет-челендждарҙа һәм *флешмобтарҙа* берләшеү мөмкинлеген бирәсәк («Башҡортостан» газетаһынан).

Аббревиация – киң таралған тел күренеше. Аббревиатуралар башҡорт теле өсөн характерлы түгел, шуға күрә улар рус теленән башлыса тәржемә ителмәйенсә ҡабул ителәләр. Беренсе сиратта һүҙ баш хәрефтәрҙән торған политик партия, төрлө ойошма, учреждение исемдәре тураһында бара. Мәҫәлән, КПРФ, ФСБ, ЛДПР, ООН, ЮНЕСКО, БДУ һ.б. Миҫалдар: 28 сентябрҙә Өфөләге Конгресс-холда парламентарийҙар менән осрашыу булды. Һөйләшеүҙә «Берҙәм Рәсәй», *КПРФ, ЛДПР*, «Ғәҙел Рәсәй» һәм «Гражданлыҡ платформаһы» партияларынан депутаттар ҡатнашты, тип хәбәр итә Башҡортостан Башлығы сайты (Интернеттан). Беларусь Республикаһында *ЮНЕСКО* Бөтә донъя мираҫының исемлегенә 4 объект инә (Википедиянан).

Тәүге һүҙҙең баш ижегенән һәм башҡа һүҙҙәрҙең баш хәрефтәренән торған аббревиатуралар ҙа йыш осрай: КамАЗ, НефАЗ һ.б. Мәҫәлән: *«КамАЗ»* Татарстанда иң егәрле сәнәғәт берләшмәһе булып һанала (Газетанан). «Башавтотранс» предприятиеһы пассажирҙар ташыу өсөн *«Нефаз»*дың яңыртылған төрөн һатып ала («Йәшлек» газетаһынан).

Һуңғы йылдарҙа был аббревиатураларҙы башҡорт теленә тәржемә итергә тырышыу тенденцияһы күренә башланы. Миҫалдар: ГИБДД – ЮХХДИ (Юл хәүефһеҙлеге хәрәкәте дәүләт инспекцияһы), УГАТУ – ӨДАТУ (Өфө дәүләт авиация техник университеты), ООН – БМО (Берләшкән милләттәр ойошмаһы), ФСБ – Федераль хәүефһеҙлек хеҙмәте һ.б. Миҫалдар: *ЮХХДИ* хеҙмәткәрҙәре көсәйтелгән режимда беҙҙең баш ҡала урамдарында ла, шулай уҡ федераль һәм республика автомобиль юлдарында ла хеҙмәт итә («Йәшлек» газетаһынан). БМО – донъяла тыныслыҡ һәм именлекте һаҡлауҙы, дәүләттәр араһында күп яҡлы бәйләнештәрҙе үҫтереүҙе үҙ эшмәкәрлегенең маҡсаты итеп ҡуйған халыҡ-ара ойошма (Википедиянан). Группировканың бөтә ағзалары ла *Федераль хәүефһеҙлек хеҙмәте* хеҙмәткәрҙәре тарафынан март айында ҡулға алынған («Киске Өфө» газетаһынан).

Һуңғы йылдарҙа рус теленән үҙләштерелгән һүҙҙәр базаһында яһалған ҡыҫҡартмалар түбәндәге ысул менән яһала: тәүге һүҙҙең беренсе ижеге һәм икенсе һүҙ тотош алына. Мәҫәлән: автосервис (автомобильный сервис), агрофирма (агропромышленная фирма), евроремонт (ремонт европейского уровня), иномарка (машина иностранной марки) һ.б. Бындай юл менән яһалған һүҙҙәр медицина, транспорт, телевидение, ауыл хужалығы һ.б. өлкәләренә ҡарай. Миҫалдар: Квартира, коттеджтарҙа *евроремонт* эшләйбеҙ (Иҡландан). Беҙ донъяның иң яҡшы *агрофирмалары* менән дәҡүәләшә алырға тейешбеҙ («Йәшлек» газетаһынан). Мәктәпте көс-хәлгә тамамлап, *автосервис* асып ебәрҙе («Киске Өфө» газетаһынан).

Ләкин башҡорт телендә ҡулланылған йәки ҡулланыуға тәҡдим ителгән бөтә неологизмдар ҙа ерләшеп китә алмай. Мәҫәлән, 1930 йылдарҙа русса самолет йәки аэроплан мәғәнәһендә *осҡос* һүҙе, ауыл хужалығы машиналары өсөн *сәскес, ургыс, елгәргес* һүҙҙәре ҡулланылған. Русса *велосипед* һүҙе өсөн типкарба, движение (хәрәкәт) һүҙе өсөн *ҡыймыл* (*ҡыймылда* һүҙенән) тигән неологизмдар тәҡдим ителә. Ләкин был һүҙҙәр башҡорт әҙәби телендә ҡулланылмай тиерлек. Шулай уҡ русса *автомашина* урынына тәҡдим ителгән *утарба* һүҙе лә төшөп ҡала [5].

Н. Таһирҙың «Башҡортса эш йөрөтөү өсөн ҡулланма һәм үрнәктәр» (1924 йыл баҫылған китабынан) тормошҡа ашмаған неологизмдарға бер нисә миҫал килтерәбеҙ: *аныҡлыҡ* – документ, *эҙбаһар* – кандидат, *яҙышма* – договор, *димләү* – агитация, *димләүсе* – агитатор, *ертаныр* – агроном, *боронғолоҡ* – архив, *боронғосо* – архивариус һ.б. Башҡорт әҙәби теленең лексикаһында ҡулланыу өсөн тәҡдим ителгән был яһалма неологизмдәр йәнле һөйләү телендә һәм практикала ҡабул ителмәгән [16; 17].

Реаль йәшәйеше булған неологизмдарҙан контекстуаль яһалышҡа эйә булған окказиональ һүҙҙәрҙе айырырға кәрәк. Һуңғылары телдең ысын мәғәнәһендә үҙ байлығы түгел һәм билдәле бер контекста номинатив берәмек булараҡ йәшәйҙәр ҙә яңынан ҡулланылмайҙар. Улар мәғәнә яғынан аңлайышлы ла була, ләкин беҙ уларҙы киң күләмдә ҡуллана алмайбыҙ. Теге йәки был эффект, һүҙ уйнатыу өсөн генә ҡулланылған бындай һүҙҙәр тел системаһынан ситтә ҡалалар. Миҫалдар:

Күкрәндем, тетрәндем,
Мин һине, мин һине һөйөүҙән,
Алыҫ та, яҡын да булғанға,
Яныуҙан, көйөүҙән (Р. Шәкүр, «Күңелдә бөгөн дә»).

Ауыҙлыҡлап йыһан атын,
Йыһанавт булыр инем! (М. Хамматов).

Шулай итеп, неологизмдар тел фактҙары булһа, окказиональ лексиканы һөйләм факты тип ҡарарға кәрәк.

Яһалыш яғынан окказиональ һүҙҙәрҙе лексик-морфологик, лексик-синтаксик һәм лексик-фонетик төрҙәргә бүлергә мөмкин.

Морфологик юл менән яһалған окказиональ һүҙҙәр телдең үҙ ялғауҙарын да, үҙләштерелгән ялғауҙарҙы ла ҡабул итәләр: *нурҙаш, моңстан, бәхетстан, әкәмәтство* һ.б. Миҫалдар: Вот *әкәмәтство,* үҙ ялғаныңа үҙең ышанып ҡуйыуың бар (Т. Миңнуллин).

Хатта ҡая йөҙөндәге ҡояш
Нурҙаш булып баҫа ҡаршыңа (Р. Фәтҡуллина).

Шулай уҡ миҫалға Р. Монасипованың «Башҡортостан» шиғырын килтерергә мөмкин:

Башҡортостан – *йомартстан,*
Халҡым һине төйәк иткән.
Батыр улдарын үҫтереп,
Ата-бабам ғүмер иткән.
Башҡортостан – *гүзәлстан,*
Сәскә-гөлдәр, тауҙар иле.
Ҡурай моңон, йылға йырын,
Халҡым иткән әсә теле.
Башҡортостан – *дуҫлыҡстан,*
Һиндә йәшәй күпме милләт.
Улар түрҙә – *ҡунаҡсылһың,*
Күрһәтәһең ҡәҙер-хөрмәт.
Башҡортостан – *бәхетстан,*
Һинең тупраҡ, һинең ҡан мин.
Мин башҡортмон – ғорурланам,
Башҡорт булыр тыуыр балам.

Ике тамыр ҡушылып һүҙ яһалыу ҙа морфологик төргә инә: *эшеуңмаҫ, һөтлөбикә* һ.б. Миҫал: Беҙҙең күптән *«һөтлөбикә»* алғыбыҙ килде, тик һатып алырға аҡса самалы ине – ул хәҙер бик ҡиммәт тора, – тип һөйләне хужабикә Алена Александровна («Бәләбәй хәбәрҙәре» газетаһынан).

Рус теленең үҙләштерелгән *макро, мини, анти*, микро кеүек префикстар ярҙамында ла окказиональ лексика барлыҡҡа килә: *миниһуғыш, микродонъя, антиваксер* һ.б. Миҫалдар: Тәбиғәт һәм ундағы макро-, микродонъя беҙҙән башҡа ла бик рәхәтләнеп, үҙ ыңғайына йәшәй алыр ине («Башҡортостан» газетаһынан). Роспотребнадзорҙың республика идаралығы етәксеһе Анна Казак БСТ каналына биргән интервьюһында антиваксерҙар – прививка яһатыуға ҡаршы кешеләргә ҡарата үҙ фекерен белдерҙе («Башҡортостан» газетаһынан).

Лексик-синтаксик окказиональ һүҙҙәргә билдәле бер контекста ғына йәшәй торған осраҡлы килеп ҡушылған һүҙтеҙмәләрҙе керетәләр: Ҡыш иле, Әкиәт иле, шиғриәт президенты һ.б. Миҫалдар: *Баласаҡ иле* ниндәй тылсымлы, яҡты, мауыҡтырғыс һәм ҡыҙыҡлы булһа, *Әкиәт иле* лә иҫ китмәле матур ер, ти («Йәшлек» газетаһынан). Башҡортостан – шатлыҡ иле, Башҡортостан – сафлыҡ иле («Киске Өфө» газетаһынан).

Лексик-фонетик окказиональ һүҙҙәр ғәҙәти һүҙҙәргә автор тарафынан фонетик үҙгәрештәр керетелеп барлыҡҡа киләләр: Рәбинйән Крузо, һарыҡмастерская һ.б.

Миҫалдарҙан күренеүенсә, бындай лексика поэтик әҫәрҙәрҙә күп ҡулланыла. Тағы ла бер нимәгә иғтибар итергә мөмкин: окказиональ һүҙҙәр барлыҡҡа килеүҙә һәм яһалыуҙа рус-башҡорт ике теллелегенең роле ҙур.

Яңы һүҙҙәр барлыҡҡа килеү йә автор атарға теләгән төшөнсәләрҙең әҙәби телдә ҡабул ителгән исеме булмауы, йә авторҙың яңы һүҙ ҡулланып, ниндәйҙер мәғәнә төҫмөрҙәрен айырып, баҫым

яһап күрһәтергә теләүе менән бәйле. Улар торабара телдә киң таралыш алырға ла, яһаусының шәхси һүҙе генә лә булып ҡалырға мөмкин.

Был мәҡәләләр һуңғы 2–3 йылда телебеҙгә килеп ингән неологизмдар тикшерелде, башлыса, улар коронавирус инфекцияһы һәм уға бәйле хәлваҡиғалар менән бәйле. Миҫалдарҙан күренеүенсә, һөйләмдәр газета-журналдарҙан, яңылыҡтарҙан алынды, сөнки ваҡытлы матбуғаттың, радиотелевидениеның стиле телмәр мәҙәниәте, әҙәби тел нормалары күҙлегенән үҙенә күрә бер ориентир булып тора. Яңы һүҙҙәр, неологизмдар, тәү башлап тап матбуғат сараларында, радиотелевидениела ҡулланылыу сәбәпле, улар телде яңы терминдар менән байытыуға тос өлөш индерә.

Йомғаҡлап әйткәндә, әҙәби телдә бындай неологизмдарҙың барлыҡҡа килеүе, үҙләшеп китеүе, һис шикһеҙ, яҙыусыларҙың, журналистарҙың тел оҫталығына һәм тел һиҙемлелегенә бәйләнгән.

ӘҘӘБИӘТ

1. *Ахунзянов Э.М.* Русские заимствования в татарском языке. Казань, 1968. 367 с.

2. Башҡорт теленең академик һүҙлеге. Т. 1–10 / Ф.Ғ. Хисамитдинова ред. Өфө: Китап, 2011–2018. (Академический словарь башкирского языка. Т. 1–10. / под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011–2018).

3. *Зырянова А.В.* Функционирование неологизмов-лексем в современном русском языке в семантико-коммуникативном и прагматическом аспектах: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 203 с.

4. *Кипарисов Г.О.* Семантические неологизмы: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 24 с.

5. *Кейекбаев Ж.Ғ.* Хәҙерге башҡорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө: БДУ, 2002. 264 б. (*Кшикбаев Ж.Г.* Лексика и фразеология современного башкирского языка. Уфа: БГУ, 2002. 264 с.).

6. *Ҡаһарманов Ғ.Ғ.* Башҡорт теленең лексикаһы һәм терминологияһы. Стәрлетамаҡ, 2002. 242 б. (*Кагарманов Г.Г.* Лексика и терминология башкирского языка. Стерлитамак, 2002. 242 с.).

7. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Просвещение, 2010. 346 с.

8. *Избицкая М.В.* Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика: дисс. канд. ... филол. наук. Иваново, 2020. 241 с.

9. *Ишбердин Э.Ф.* Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986. 152 с.

10. *Сабирова Г.С.* Новые слова и новые значения в современном татарском языке: дисс. канд. ... филол. наук. Казань, 1998. 303 с.

11. *Сенько Е.В.* Неологизация в современном русском языке конца XX века: Межуровневый аспект: дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 430 с.

12. *Рец И.В.* Лингвокультурологические и эколингвистические аспекты неономинации: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 201 с.

13. *Фатхуллина Ф.Р.* Вхождение новых слов в лексику башкирского языка // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 586–589.

14. *Фатхуллина Ф.Р.* Новые слова и новые значения в составе башкирского языка (на материале заимствований из русского языка) // Проблемы востоковедения. 2009. № 2 (44). С. 145–150.

15. *Фатхуллина Ф.Р.* Новые слова в современном башкирском языке (конец XX – начало XXI вв.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2009. 25 с.

16. *Әхтәмов М.Х.* Хәҙерге башҡорт теле. Лексикология. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1986. 136 бит. (*Ахтямов М.Х.* Современный башкирский язык. Лексикология. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. 136 с.).

17. *Әхтәмов М.Х.* Хәҙерге башҡорт теле. Лексикология, фразеология, лексикография. Өфө: БДУ, 2002. 208 бит (*Ахтямов М.Х.* Современный башкирский язык. Лексикология, фразеология, лексикография Уфа: БГУ, 2002. 208 с.).

REFERENCES

1. Ahunzyanov, E.M. *Russkie zaimstvovaniya v tatarskom yazyke* [Russian borrowings in the Tatar language]. Kazan', 1968. 367 p. (in Russ.).

2. *Akademicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Academic dictionary of the Bashkir language]. Ufa: Kitap, 2011–2018. (in Bashkir).

3. Zyryanova, A.V. *Funkcionirovanie neologizmov-leksem v sovremennom russkom yazyke v semantiko-kommunikativnom i pragmaticheskom aspektah* [The functioning of neologisms-lexemes in the modern Russian language in the semantic-communicative and pragmatic aspects]. PhD Thesis. Chelyabinsk, 2006. 203 p. (in Russ.).

4. Kiparisov, G.O. *Semanticheskie neologizmy* [Semantic neologisms]. PhD Thesis. Tambov, 2011. 24 p. (in Russ.).

5. Kiikbayev, Zh.G. *Leksika i frazeologiya sovremennogo bashkirskogo yazyka* [Vocabulary and phraseology of the modern Bashkir language]. Ufa, 2002. 264 p. (in Bashkir).

6. Kagarmanov, G.G. *Leksika i terminologiya bashkirskogo yazy`ka* [Vocabulary and terminology of the Bashkir language]. Sterlitamak, 2002. 242 p. (in Bashkir).

7. Lopatin, V.V. *Rozhdenie slova. Neologizmy i okkazional'nye obrazovaniya* [The birth of a word. Neologisms and occasional formations]. Moscow: Prosveshchenie, 2010. 346 p. (in Russ.).

8. Izbickaya, M. V. *Sovremennye tendencii v neologii: tipologiya obrazovaniya neologizmov i leksikograficheskaya praktika* [Modern Trends in Neology: Typology of Neologism Formation and Lexicographic Practice]. PhD Thesis. Ivanovo, 2020. 241 p. (in Russ.).

9. Ishberdin, E.F. *Istoricheskoe razvitie leksiki bashkirskogo yazyka* [Historical development of the vocabulary of the Bashkir language]. Moscow, 1986. 152 p. (in Russ.).

10. Sabirova, G.S. *Novye slova i novye znacheniya v sovremennom tatarskom yazyke* [New words and new meanings in the modern Tatar language]. PhD Thesis. Kazan', 1998. 303 p. (in Russ.).

11. Sen'ko, E.V. *Neologizaciya v sovremennom russkom yazyke konca XX veka: Mezhurovnevyj aspect* [Neologization in Modern Russian at the End of the 20th Century: An Interlevel Aspect]. PhD Thesis. Volgograd, 2000. 430 p. (in Russ.).

12. Rec, I.V. *Lingvokul'turologicheskie i ekolingvisticheskie aspekty neonominacii* [Linguistic, cultural and ecolinguistic aspects of neonomination]. PhD Thesis. Volgograd, 2014. 201 p. (in Russ.).

13. Fathullina, F.R. *Vhozhdenie novyh slov v leksiku bashkirskogo yazyka* [The entry of new words into the vocabulary of the Bashkir language]. In: Vestnik Bashkirskogo universiteta [Bulletin of the Bashkir University]. 2008. Vol. 13. № 3. P. 586–589. (in Russ.).

14. Fathullina, F.R. *Novye slova i novye znacheniya v sostave bashkirskogo yazyka (na materiale zaimstvovanij iz russkogo yazyka)* [New words and new meanings in the composition of the Bashkir language (on the basis of borrowings from the Russian language)]. In: Problemy vostokovedeniya [The problems of oriental studies]. 2009. № 2 (44). P. 145–150. (in Russ.).

15. Fathullina, F.R. *Novye slova v sovremennom bashkirskom yazyke (konec XX – nachalo XXI vv.)* [New words in the modern Bashkir language (late 20th – early 21st centuries)]. PhD Thesis. Ufa, 2009. 25 p. (in Russ.).

16. Akhtyamov, M.Kh. *Sovremennyy bashkirskiy yazyk. Leksikologiya* [Modern Bashkir language. Lexicology]. Ufa: Bashkir book publishing house, 1986. 136 p. (in Bashkir).

17. Akhtyamov, M.Kh. *Sovremenny`j bashkirskij yazy`k. Leksikologiya, frazeologiya, leksikografiya* [Modern Bashkir language. Lexicology, phraseology, lexicography]. Ufa: BSU, 2002. 208 p.

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-55-59
УДК 811.512.141

Р.С. Акманова

БАШҠОРТ ТЕЛЕ ҺӘМ ДИАЛЕКТТАРЫНДА ҮҘЕМЛЕК АТАМАЛАРЫ (НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ДИАЛЕКТАХ)

Аннотация

В статье описывается лексика, отражающая растительный мир в башкирском языке и его диалектах. Названия растений в башкирском языкознании рассмотрена в разных аспектах. Лексика, отражающая растительный мир, встречающаяся в башкирском языке и его диалектах, зафиксированная в словарях, остается малоизученной. Изучение этимологии названий растений в башкирском языке и его диалектах проясняет некоторые вопросы башкирского и тюркского языкознания. Следует учесть, что лексика, отражающая растительный мир, у башкир очень богата и имеет множество диалектных терминов. Этим обусловливается актуальность данной темы и работа требует дальнейшего исследования. В статье рассматриваются названия деревьев, кустов, ягод, цветковых растений. В данной работе проанализирована лишь малая часть лексики, отражающая растительный мир в башкирском языке и его диалектах. Следует учесть, что в башкирском языке названия растений не подвергаются фонетическим изменениям и с их помощью можно пояснить этимологию других лексем. Отмечается, что фитонимы в башкирском языке и его диалектах в тех же значениях встречаются в других тюркских языках и зафиксированы в памятниках древнетюркской письменности. Общетюркский характер терминов свидетельствует о древности и исконности названий растений.

Выводы показывают, что в башкирском языке сохранилась богатая лексика, отражающая растительный мир. Общетюркский характер лексем проясняет многие вопросы башкирского и тюркского языкознания.

Ключевые слова: названия растений, башкирский язык, этимология, тюркские языки

Rimma S. Akmanova

NAMES OF PLANTS IN THE BASHKIR LANGUAGE AND ITS DIALECTS

Abstract

The article describes the vocabulary, reflecting the plant world, in the Bashkir language and its dialects. The names of plants in Bashkir linguistics are considered in different aspects. Vocabulary, reflecting the plant world, found in the Bashkir language and its dialects, recorded in dictionaries, remains little studied. The study of the etymology of plant names in the Bashkir language and its dialects clarifies some issues of Bashkir and Turkic linguistics. It should be noted that the Bashkirs have a very rich vocabulary that reflects the plant world and has many dialect terms. This determines the relevance of this topic and requires further research. The article discusses the names of trees, bushes, berries, flowering plants. This paper analyzes only a small part of the vocabulary that reflects the plant world in the Bashkir language and its dialects. It should be noted that in the Bashkir language plant names are not subject to phonetic changes and they can explain the etymology of other lexemes. It is noted that phytonyms in the Bashkir language and its dialects in the same meanings are found in other Turkic languages and are recorded in the monuments of ancient Turkic writing. The general Turkic nature of the terms testifies to the antiquity and originality of plant names.

Акманова Римма Суюндуковна, *кандидат филологических наук, Башкирский государственный университет (Уфа), e-mail: r.akmanova@mail.ru*

Rimma S. Akmanova, *Cand. Sci. (Philology), Bashkir State University (Ufa), e-mail: r.akmanova@mail.ru*

© Акманова Р.С., 2022

Thus, the conclusions show that, in the Bashkir language, a rich vocabulary has been preserved, reflecting the plant world. The general Turkic character of lexemes clarifies many issues of Bashkir and Turkic linguistics.

Key words: plant names, Bashkir language, etymology, Turkic languages

Башҡорт тел ғилемендә үҫемлек атамаларына бәйле лексика төрлө аспектта ҡаралған.

Э.Ф. Ишбирзин игенселек һәм баҡсасылыҡ терминдарын тикшергән [11]. Ф.Ғ. Хисамитдинованың хеҙмәтендә мифологияға бәйле үҫемлек атамалары ҡаралған [17]. С.И. Йәнтүрин, Р.З. Сафарова ботаника терминдарын өйрәнгән [13; 14]. Д.И. Хизбуллина үҫемлектәр донъяһын сағылдырған лексиканы башҡорт һәм инглиз телдәрендә ҡараған [16]. Башҡорт теле һәм диалекттарында осраған һәм һүҙлектәргә теркәлгән үҫемлек атамаларының килеп сығышы әҙ өйрәнелгән. М.Р. Вәлиева ашарға яраҡлы үҫемлектәр атама-һынан йыуа төрҙәренә байҡау яһаған [9]. А.Ш. Ишмөхәмәтова башҡорт телендәге дарыу үҫемлектәре атамаларының диалекттарҙағы фонетик үҙенсәлектәрен ҡараған [12].

Башҡорт теле һәм диалекттарында булған төрлө һүҙлектәргә ингән үҫемлек атамаларының этимологияһын асыҡлау актуаль һанала. Был тикшеренеү эше төрки тел ғилеме өсөн дә байтаҡ мәғлүмәт бирә ала.

Баҡыр сәскә ‘василистник желтый’ – һары төҫтәге биҙгәк үләне [2, 101-се б.], атамаһының килеп сығышы боронғо төрки *baqïr* ‘медь’ [10, 82-се б.] һүҙенә барып тоташа.

Ынйы сәскә ‘ландыш’ термины боронғо төрки *jenčü* ‘жемчуг’ [10, 256-сы б.] һүҙенән барлыҡҡа килгән. Ынйы сәскәһе‘ландыш майский’ – ләлә һымаҡтар ғаиләһенә ҡараған ваҡ аҡ сәскәле, тамырһабаҡлы күп йыллыҡ үлән [7, 80-се б.] Ҡариҙел һөйләшендә *энжеүлән* атамаһы бар [8, 415-се б.].

Еҙтөймә ‘пижма’ атамаһы боронғо төрки *jez* ‘желтая медь’ [10, 260-сы б.] һәм tügmä ‘пуговица’ [10, 595-се б.] һүҙҙәренән яһалған. *Еҙүлән, ҡыр миләше, шәрҙәк, бүләк, исле үлән* терминдары төньяҡ-көнбайыш диалектында теркәлгән. *Гөлбаҙран*, *гөлбәҙрән* атамалары ыҡ-һаҡмар һөйләшендә таралған. *Гөлбәҙейә* тип ҡариҙел һөйләшендә әйтәләр [8].

Балтырған – ‘борщевик’ 1. Көпшә һабаҡлы, киң киртләс япраҡлы, сатыр сәскәле күп йыллыҡ үлән (йәш сағында япрағын, көпшәһен ашайҙар). 2. Ышаныуҙар буйынса, наҡлаусы, наулыҡ һәм көс биреүсе үҫемлек [2, 122-се б.]. Э.В. Севортян билдәләүенсә, *балдыран* нигеҙе *балдыр-* булырға тейеш [18, 55-се б.]. Был лексема боронғо төрки яҙма ҡомартҡыларҙа ла теркәлгән: *baldïr* ‘ранний’[10, 80-се б.]. *Балдырған* атамаһы ҡыҙыл, миәс, һаҡмар һөйләштәрендә, көпшә лексемаһы арғаяш, миәс, салйоғот, һаҡмар һөйләштәрендә бар [8].

Артыш – ‘можжевельник’ 1. Кипарис һымаҡтар ғаиләһенә ҡараған, мәңге йәшел ылыҫлы ҡыуаҡ йәки ағас (емеше медицинала ҡулланыла). 2. Ышаныуҙар буйынса, магик көскә эйә ағас. Бөтә яман көстәрҙе ҡурҡытыусы. 3. Ҡатай ырыуының изге ағасы [1, 330-сы б.]. Артышты яндырып, йортто төтәҫләйҙәр. Емеше һәм төнәтмәһе медицинала ҡулланыла. Көньяҡ диалекттың урта һөйләшендә *артлыш* атамаһы осрай. Ф.Ғ. Хисамитдинова *artïz~artuč* лексемаһының килеп сығышын боронғо төрки *aryt* ‘очистить’, ‘чистить’ һүҙенә бәйләй [17, 81-се б.]. Р.Г. Әхмәтйәнов хеҙмәтендә *артыш* термины боронғо төркисә, боронғо монголса *артича* ‘тап-таҙа, саф, сафландырғыс (арыу, арыу иткес, арытҡыс, арыуландырғыс)’, *ар* – ‘чиста’ тамырынан тип бирелгән. Ҡара: *артыш* ‘артыш’, боронғо яҙмаларҙа *артуч, ‘артыш’, арча* (М.Ҡ.). Боронғо йола буйынса, артыш ботағы менән торлаҡты шайтандарҙан арындырғандар [19, 19-сы б.].

Андыҙ – ‘девясил’ 1. Дымлы ерҙә үҫә торған эре киң япраҡлы, һары сәскәле бейек үлән. 2. Ышаныуҙар буйынса, 70 төрлө ауырыуға дауа, наулыҡ, көс, тормош символы [1, 277-се б.]. Андыҙ халыҡ медицинаһында ҙур урын алып тора. Был турала боронғо төрки яҙма ҡомартҡыларҙа ла мәғлүмәт табырға була: *aŋduz bolsa at ölmäs* ‘если будет девясил, лошадь не погибнет’[10, 47-се б.], ‘название травы, полезной при лечении лошадей’ [15, 151-се б.]. Р.Г. Әхмәтйәнов билдәләүенсә, *андыз* ‘девясил; аир’, сыуаш телендә *антāс*, мариса *андызь*, удмуртса *андъс*, боронғо төрки *aŋduz* ‘андыҙ үләне’ һүҙенән килеп сыҡҡан. Ҡыпсаҡ һәм уғыҙ төрки телдәрендә аңдыз – аңдыу, боҫоп ҡарауыллап тороу (урыны). Андыҙ үләне бейек һәм япраҡлы була тип бирелгән [19, 16–17-се бб.]. С.И. Йәнтүриндың хеҙмәтендә *андыҙ* ‘девясил высокий’ (дарыу үләне; бер йыллыҡ сәскә атмағаны – иркәк андыҙ, күп йыллыҡ сәскә атҡаны – *инә андыҙ*) тип бирелгән [13, 32-се б.]. *Андыҙ, ата андыҙ терминдары туҡ-соран, һаҡмар һөйләштәрендә, айғыр андыҙ атамаһы эйек һөйләшендә, ата андыҙ* ‘мужская особь’,

ана андыҙ (инә андыҙ), бейә андыҙ (инә андыҙ) ‘женская особь девясила’ лексемалары һаҡмар һөйләштәрендә бар [8, с. 22].

«Башҡорт теленең академик һүҙлеге»ндә кесерткән терминының түбәндәге мәғәнәләре күрһәтелгән: 1. Киртләс япраҡлы, оҙон ҡаты һабаҡлы, саға торған үҫемлек. Крапива. 2. Шул үләндең һабағынан алынған сүс. Крапивное волокно. 3. Яман заттарҙы ҡыуыу көсөнә эйә булған мифлаштырылған үлән. Крапива (мифологизированное растение, выполняющее обережную и отгонную функцию) [3, 425–426-се бб.]. Ғәйнә, әй һөйләштәрендә кесәрткән, төньяҡ-көнбайыш диалектында кичерткән, кечерткән атамалары осрай. Кесеркән лексемаһы дим, салйоғот һөйләштәрендә теркәлгән [8, 139-сы б.].

Бөрлөгән лексемаһы ҡыҙыл бөрлөгән ‘костяника’, ҡара бөрлөгән ‘ежевика’ өсөн ҡулланыла. Ҡыҙыл бөрлөгән ‘костяника красная’ – роза сәскәләләр ғаиләһенә ҡараған, ҡыҙыл төҫтәге дүртәр тосло емеше ҡуша үҫкән үҫемлек [4, 670-се б.]. Дим, ҡыҙыл, туҡ-соран, һаҡмар, ырғыҙ һөйләштәрендә бөлдөргән атамаһы таралған [8, 56-сы б.]. Ҡара бөрлөгән – ‘ежевика’ 1. Роза сәскәләләр ғаиләһенә ҡараған сәнскәкле үрмә һабаҡлы туғай үҫемлеге. 2. Шул үҫемлектең ҡара күк төҫтәге, ҡурай еләгенеке кеүек бүлкәтле еләге [4, 236–237-се бб.]. Дим һөйләшендә ҡарайеләк атамаһы теркәлгән [8, 188-се б.].

Энәлек 1. Ҡыҙыл йәки һары емешле, эре энәле ҡыуаҡ ағас; дунала. Боярышник. 2. Шул ағастың емеше. Плоды боярышника. 3. Ҡара көстәрҙе, боҙомдо ҡайтарыусы энәле ҡыуаҡ. Боярышник (мифологизированное растение) [7, 175-се б.]. Салйоғот, төньяҡ-көнсығыш, һаҡмар һөйләштәрендә *энағас* атамаһы осрай. Дим һөйләшендә эналағас лексемаһы бар. *Энәлеғас* тип урта, һаҡмар, арғаяш, салйоғот һөйләштәрендә әйтәләр. *Энәлағас* термины төньяҡ-көнсығыш һөйләшендә теркәлгән. *Энәлек* атамаһы арғаяш, дим, ҡыҙыл, мейәс, салйоғот, төньяҡ-көнбайыш, урта, урта урал, әй һөйләштәрендә осрай. *Энәлекәй* термины ҡыҙыл һөйләшендә теркәлгән. *Энәтештеғайын, энәтештекәй* атамалары арғаяш һөйләшендә, *энәте* лексемаһы мейәс, урта урал, әй һөйләштәрендә бар [8, 415-се б.]. *Йеҙәғас, йеҙем, йеҙәй, йеҙе* атамалары туҡ-соран, эйек-һаҡмар һөйләштәрендә таралған [8, 116-сы б.]. *Ҡамыраш* тип дим, урта һөйләштә әйтәләр. *Ҡамыр жимеше* төньяҡ-көнбайыш, урта урал, әй һөйләштәренә хас. *Ҡамыр йеләге* атамаһы дим, ҡариҙел һөйләштәрендә теркәлгән. *Ҡамыр жиләге, ҡамыржиләк, ҡамырлама, ҡамырлыҡ* терминдары дим һөйләшендә осрай. *Ҡамырлауыҡ, ҡамырлыҡ* атамалары төньяҡ-көнбайыш, урта урал һөйләштәрендә таралған [8, 184-се б.]. *Йемшегән* эйек-һаҡмар һөйләшендә теркәлгән [8, 118-се б.]. *Дунала* термины арғаяш, мейәс, әй һөйләштәрендә осрай [8, 83-сө б.].

Башҡорт телендә *йөҙөм* ‘изюм’, татар телендә йөзем, төркмән, төрөк, әзербайжан, уйғыр телдәрендә *үзүм/üzüm*, «Боронғо төрки һүҙлеге»ндә *üzüm* [10, 631-се б.] лексемаһы бар [15, 625-се б.]. Йөҙөм – 1. Йылы яҡта үҫә торған үрмәле емеш ағасы. Виноград. 2. Шул ағастың тәлгәш-тәлгәш булып үҫкән һутлы емеше. Виноград. 3. Шул емештең махсус киптерелгән төрө. Изюм. [3, 133-сө б.]. Һаҡмар һөйләшендә кипкән йөҙөмдө мәйеҙ, йөҙөмдө *мәйез* тип йөрөтәләр [8, 240-сы б.].

Башҡорт телендә үҫемлек атамалары фонетик яҡтан үҙгәрештәр кисермәй һәм шуға улар ярҙамында башҡа лексемаларҙың этимологияһын да асыҡлап була. *Күҙлут* ‘пикульник’ атамаһында күҙле лексемаһы сәскәһе күҙгә оҡшағанлыҡтан ҡушылған һәм *ут* ‘үлән’ [6, 191-се б.], боронғо төрки *ot* ‘трава, зелень’ һүҙенән яһалған [10, 373-сө б.]. *Һарут* ‘пырей’ терминында *һары* һүҙе сәскәһенең төҫөн белдерә. *Боланут* ‘иванчай’ атамаһы боронғо төрки һүҙҙәренә *bulan* [10, 129-сы б.] ‘лось’ һәм *ot* ‘трава, зелень’ [10, 373-сө б.] барып тоташа. Миәс һөйләшендә *боланыт* термины булһа, *пыланут* лексемаһы һаҡмар һөйләшендә осрай. Ҡарағат атамаһында *ҡара,* боронғо төрки *qara* ‘черный (о цвете)’ [10, 422-се б.] лексемаһы емешенең төҫөн, *ҡат, qat* ‘ягода, плод вообще’ [10, 432-се б.] һүҙе емеш икәнлеген аңлата. *Өсҡат* ‘бересклет’ термины *өс* ‘три’ һүҙенән, *күкҡат* ‘голубика’ атамаһы *күк* ‘синий’ лексемаһынан тора. *Осҡат, өсҡат* – ‘бересклет’ 1. Ваҡ ҡына аҡлы-аллы сәскә атҡан, ҡыҙыллы-һарылы ҡушар емеш биргән ҡыуаҡ ағасы; зелпе. 2. Мәрүәр [5, 734-се б.]. Осҡат ҡыҙыл, урта, ыҡ-һаҡмар һөйләштәрендә *бүре йүкәһе* термины менән исемләнһә, ғәйнә, урта-урал, һаҡмар һөйләштәрендә *бүрейүкә* тип атала [8, 63-сө б.].

Мәрүәр ‘бузина’ – айыу баланы һымаҡтар ғаиләһенә ҡараған йыуан кәүшәк үҙәкле, ваҡ ҡына ҡушар-ҡушар ҡыҙыл емешле туғай ҡыуағы; осҡат [5, 485-се б.]. Мәрйәм ағасы, мәрйен ағасы терминдары урта һөйләштә теркәлгән [8, 241-се б.].

Күкҡат ‘голубика’, *күк көртмәле*, *күк еләк* атамалары бар. *Күк еләк* (еләге) ‘голубика’ – йылтыр ваҡ япраҡлы, алһыу сәскәле, ҡыҫҡа һабаҡлы

ҡыуаҡ үҫемлек; күк көртмәле [3, 791-се б.]. *Күк жиләк* термины ғәйнә, ҡариҙел, урта урал һөйләштәрендә осрай [8, 161-се б.].

Гөлйемеш ‘шиповник’ терминының *этморон*, *әлморон* варианттары боронғо төрки *it burunu* [10, 215-се б.] һүҙҙәренә барып тоташа. Емештәре эт моронона оҡшаш булыуға ҡарап әйтелгәндер. *Этморон* термины көнсығыш, урта, ырғыҙ, ыҡ-наҡмар һөйләштәрендә осрай. *Этпорон* атамаһы ғәйнә һөйләшендә, *эт сыбығы* лексемаһы урта урал һөйләшендә, *эт йемеше* термины төньяҡ-көнбайыш диалектында, арғаяш, дим, салйоғот, урта урал һөйләштәрендә, *гөлйеме* һүҙе салйоғот һөйләшендә, *гөлжемеш* варианты төньяҡ-көнбайыш диалектында осрай.

Балан 1. Аҡ сәскә атып, ваҡ ҡына әсе ҡыҙыл емеш бирә торған ҡыуаҡ. Калина. 2. Шул ағастың емеше. Калина (плод этого дерева). 3. Ышаныуҙар буйынса, насар көстәрҙе, ауырыуҙарҙы ҡыуыу көсөнә эйә булған магик емеш. Калина (мифологизированная ягода, применяемая в отгонной магии) [2, 107-се б.]. *Балан/Balan* лексемаһы башҡорт, татар телендә, *палан/palan* һүҙе сыуаш телендә бар [18, 52-се б.]. *Палан* атамаһы ғәйнә, наҡмар һөйләштәрендә осрай [8, 262-се б.]. Р.Г. Әхмәтйәнов хеҙмәтендә *балан* боронғо ҡыпсаҡса *балан* ‘балан’ һүҙенән тип бирелгән. Сығышы асыҡ түгел тип билдәләнгән [19, 34-се б.].

Уҫаҡ 1. Аҡһыл йәшел ҡабыҡлы, ялтыр түңәрәк япраҡлы эре ағас. Осина. 2. Мифлаштырылған ағас. Осина (мифологизированное дерево, имеющее человеческое происхождение) [6, 185-се б.]. *Ауҫаҡ* атамаһы әй һөйләшендә осрай. *Ауһаҡ* термины арғаяш, мейәс, салйоғот һөйләштәрендә теркәлгән. Ғәйнә һөйләшендә *аусаҡ* лексемаһы бар [8, 30-сы б.]. Башҡорт телендә уҫаҡ лексемаһы, татар телендә усак термины, татар теленең тобол диалектында *аусак* атамаһы бар [15, 607-се б.].

Башҡорт телендә һәм уның диалект, һөйләштәрендә булған үҫемлек атамаларының килеп сығышын өйрәнеү бик ҙур әһәмиәткә эйә. Төрлө һүҙлектәрҙә осраған терминдар һәр яҡтан тикшерелә, башҡа төрки телдәрендә булған атамалары ҡарала. Шулай итеп лексеманың төп нөсхәһе табыла. Ҡайһы бер терминдар рус теленән калька рәүешендә бирелгән. Тикшерә башлаһаң, уларҙың боронғо атамалары табыла. Киләсәктә ошондай онотола барған, һүҙлектәргә теркәлмәгән, диалект, һөйләштәрҙә осраған үҫемлектәргә бәйле бөтә һүҙҙәрҙе лә фәнни әйләнешкә индереү бурысы тора.

Шулай итеп, түбәндәге һығымталарҙы яһайбыҙ:

– башҡорт телендә, уның диалект һәм һөйләштәрендә үҫемлек атамаларына бәйле бай лексик материал тупланған;

– күп терминдарҙың башҡа төрки телдәр һәм боронғо яҙма ҡомартҡыларҙа һаҡланып ҡалыуы атамаларҙың боронғолоғон күрһәтә;

– үҫемлек атамалары, фонетик үҙгәреш кисермәгәс, башҡалексемаларҙыңэтимологияһын асыҡларға ярҙам итә;

– башҡорт теленең һәм уның диалект, һөйләштәрендә булған үҫемлектәргә бәйле бай лексик терминологияһы башҡорт тел ғилеменең һәм төрки тел ғилеменең ҡайһы бер һорауҙарына асыҡлыҡ индерә.

ӘҘӘБИӘТ

1. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. I: (А хәрефе) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2011. 432 б. (Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. I: (буква А). Уфа: Китап, 2011. 432 с. (рус. и баш.)).
2. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. II: (Б хәрефе) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2011. 568 б. (Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. II: (буква Б). Уфа: Китап, 2011. 568 с. (рус. и баш.)).
3. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. IV: (Й–К хәрефтәре) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2012. 944 б. (Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. IV: (буквы Й–К). Уфа: Китап, 2012. 944 с. (рус. и баш.)).
4. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. V: (Ҡ хәрефе) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2013. 888 б. (Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. V: (буква Ҡ). Уфа: Китап, 2013. 888 с. (рус. и баш.)).
5. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. VI: (Л–Ө хәрефтәре) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2014. 944 б. (Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. VI: (буквы Л–Ө). Уфа: Китап, 2014. 944 с. (рус. и баш.)).
6. Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. IX: (У–Щ хәрефтәре) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2017. 980 б. (Акаде-

мический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. IX: (буквы У–Щ). Уфа: Китап, 2017. 980 с. (рус. и баш.)).

7. БашҠорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда. Т. X: (Ы–Я хәрефтәре) / Ф.Ғ. Хисамитдинова редакцияһында. Өфө: Китап, 2018. 980 б. (Академический словарь башкирского языка. Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. В 10 т. Т. X: (буквы Ы–Я). Уфа: Китап, 2018. 980 с. (рус. и баш.)).

8. БашҠорт теленең диалекттары һүҙлеге. Өфө: Китап, 2002. 432 б. (Диалектологический словарь башкирского языка). Уфа: Китап, 2002. 432 с.

9. *Валиева М.Р.* К вопросу этимологии названий съедобных луковичных растений башкирского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 10 (365). С. 25–31.

10. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.

11. *Ишбирҙин Э.Ф.* БашҠорт телендә игенселек һәм баҠсасылыҠ терминдары. БашҠорт дәүләт университеты нәшриәте. Өфө, 2002. 150 б. (*Ишбердин Э.Ф.* Термины земледелия в башкирском языке). Издательство Башгосуниверситета. Уфа, 2002. 150 с.

12. *Ишмухаметова А.Ш.* Фонетические особенности диалектных названий лекарственных растений в башкирском языке // Проблемы востоковедения. 2021. № 4 (94) С. 81–87.

13. *Йәнтүрин С.И.* Ботаника буйынса руссабашҠортса, башҠортса-русса терминдар һүҙлеге. Өфө: Китап, 2011. 152 б. (*Янтурин С.И.* Русско-башкирский, башкирско-русский словарь по ботанике). Уфа: Китап, 2011. 152 с.

14. *Сафарова Р.З.* Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка (на материале названий растений): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1984. 194 с.

15. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. М.: Наука, 1974. 768 с.

16. *Хизбуллина Д.И.* Лексика, отражающая растительный мир в башкирском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 180 с.

17. *Хисамитдинова Ф.Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа: Китап, 2019. 432 с.

18. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву Б // Э.В. Севортян. М., 1978. 349 с.

19. *Әхмәтьянов Р.Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казань: Тат. кит. Нәшр., 2001. 272 б. (*Ахметьянов Р.Г.* Краткий историко-этимологический словарь татарского языка). Казань: Тат. книжн. изд-во, 2001. 272 с.

REFERENCES

1. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukva A)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter A)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. I. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (in Russ. and in Bashkir).

2. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukva Б)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter Б)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. II. Ufa: Kitap, 2011. 568 p. (in Russ. and in Bashkir).

3. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukvy Й–К)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter Й–К)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. IV. Ufa: Kitap, 2012. 944 p. (in Russ. and in Bashkir).

4. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukva Ҡ)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter Ҡ)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. V. Ufa: Kitap, 2013. 888 p. (in Russ. and in Bashkir).

5. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukvy Л–Ө)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter Л–Ө)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. VI. Ufa: Kitap, 2014. 944 p. (in Russ. and in Bashkir).

6. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukvy У–Щ)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter У–Щ)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. IX. Ufa: Kitap, 2017. 980 p. (in Russ. and in Bashkir).

7. *Akademicheskij slovar' bashkirskogo jazyka (bukvy Ы–Я)* [The Academic Dictionary of the Bashkir Language (the letter Ы–Я)]. Edited by F.G. Khisamitdinova. In 10 vol. Vol. I. Ufa: Kitap, 2018. 980 p. (in Russ. and in Bashkir).

8. *Dialektologicheskij slovar' bashkirskogo jazyka* [Dictionary of Bashkir subdialects]. Ufa, 2002. 432 p. (in Bashkir).

9. Valieva, M.R. *K voprosu jetimologii nazvanij s'edobnyh lukovichnyh rastenij bashkirskogo jazyka* [Etymology of the Names of Edible Bulbs in the Bashkir Language]. In: Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2015. № 10 (365). P. 25–31. (in Russ.).

10. *Drevnetjurkskij slovar'* [The Old Turkic dictionary] by V.M. Nadeljaev et al. [Ed. V. Nadeljev]. Leningrad, 1969. 676 p. (in Russ.).

11. Ishberdin, E.F. *Terminy zemledeliya v bashkirskom yazyke* [Terms of agriculture in the Bashkir language]. Bashkir State University Publishing House. Ufa, 2002. 150 p. (in Bashkir).

12. Ishmukhametova, A.Sh. *Foneticheskie osobennosti dialektnyh nazvanij lekarstvennyh rastenij v bashkirskom yazyke* [Phonetic features of the dialect names of medicinal plants in the Bashkir language]. Problems of Oriental Studies. 2021. No. 4 (94) P. 81–87. (in Russ.).

13. Yanturin S.I. *Russko-bashkirskij, bashkirsko-russkij slovar' po botanike* [Russian-Bashkir, Bashkir-Russian dictionary of botany]. Ufa: Kitap, 2011. 152 p. (in Russ. and in Bashkir).

14. Safarova, R.Z. I*stochniki, puti i principy formirovanija botanicheskoj terminologii bashkirskogo jazyka (na materiale nazvanij rastenij)* [Sources, ways and principles of the formation of the botanical terminology of the Bashkir language (on the basis of plant names)]. PhD Thesis. Ufa, 1984. 194 p. (in Russ.).

15. Sevortjan, Je.V. *Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov* [An Etymological Dictionary of the Turkic Languages] Moscow, 1974. 768 p. (in Russ.).

16. Khizbullina, D.I. *Leksika, otrazhajushhaja rastitel'nyj mir v bashkirskom i anglijskom jazykah* [Vocabulary reflecting the plant world in the Bashkir and English languages]. PhD Thesis. Ufa, 1999. 180 p. (in Russ.).

17. Khisamitdinova, F.G. *Slovar' bashkirskoj mifologii* [Dictionary of Bashkir mythology] Ufa: Kitap, 2019. 432 p. (in Russ. and in Bashkir).

18. *Etimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvu B* [Etymological dictionary of the Turkic languages. Common Turkic and InterTurkic stems, letter B] by Je.V. Sevortjan. Moscow, 1978. 349 p. (in Russ.).

19. Akhmetyanov, R.G. *Kratkij istoriko-etimologicheskij slovar' tatarskogo yazyka* [Brief historical and etymological dictionary of the Tatar language]. Kazan: Tat. book. publishing house, 2001. 272 p. (in Tatar).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-60-65
УДК 811.512.19’373.42 (076)

З.Н. Аджимуратова

К ВОПРОСУ О ЗВУКОВОМ СИМВОЛИЗМЕ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Проблема соотношения звука и смысла до сих пор является одной из актуальных проблем современного языкознания. В лингвистике было доказано, что звуки могут выражать различные значения. Кроме того, звуки речи обладают различной информативностью. Важное значение имеет позиция звука в слове. Звукосимволизм – это способность звуков вызывать не только слуховые, но и зрительные, осязательные, обонятельные и вкусовые представления, а также многочисленные эмоции. Возникновение ассоциаций связано с артикуляционными свойствами звуков, то есть с кинетическими ощущениями, возникающими при их произнесении.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, фоносемантика, символика звуков, звукосимволизм в крымскотатарском языке

Аджимуратова Зарема Наримановна, *кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской филологии, Институт филологии, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» (Симферополь), e-mail: lzarema@mail.ru*

Zarema N. Adzhimuratova, *Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of Crimeantatar Philology, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, e-mail: lzarema@mail.ru*

© Аджимуратова З.Н., 2022

Zarema N. Adzhimuratova

ON THE QUESTION OF SOUND SYMBOLISM IN THE CRIMEAN TATAR LANGUAGE

Abstract

The problem of the correlation of sound and meaning is still one of the urgent problems of modern linguistics. In linguistics, it has been proven that sounds can express different meanings. In addition, the sounds of speech have different informativeness. The position of the sound in the word is important. Sound symbolism is the ability of sounds to evoke not only auditory, but also visual, tactile, olfactory and gustatory representations, as well as numerous emotions. The emergence of associations is associated with the articulatory properties of sounds, that is, with the kinetic sensations that arise when they are pronounced.

Key words: Crimean Tatar language, phonosemantics, sound symbolism, sound symbolism in the Crimean Tatar language

Введение. Актуальность исследования заключается в необходимости дальнейшего изучения восприятия ассоциативного значения звуков с учетом фонетических особенностей языка, исследовании фонетического значения и фоносемантики, получивших в последнее время научное признание, но недостаточно изученных.

Целью работы является описание фоносемантических особенностей звуков в крымскотатарском языке.

В статье использовался общий теоретико-лингвистический метод анализа концепций по исследуемой теме.

Проблема мотивированности звучания и значения слов остается одним из важнейших тем исследований. История развития этой проблемы на протяжении многих веков привела к возникновению фоносемантики. Но фонетическое значение интересовало ученых еще с древних времен. По мнению некоторых учёных, первым существование фонетического значения отметил Платон. В диалоге «Кратил» он дает коннотативные определения нескольким согласным звукам: звук r показался автору средством выражения движения, порыва, y, по его словам, используется для выражения всего тонкого [3, с. 17].

Значительный интерес к проблеме звукосимволизма был проявлен такими учёными, как Р. Браун, С. Эртель, Г. Хордман, И. и М. Тэйлоры, Ж. Петерфальви, Г. Мюллер, И. Брэкбилл, К. Литл, М. Майрон и др.

Звуковой символизм с помощью психолингвистических методов в отечественном языкознании стал более подробно изучаться с середины XX в. В советском языкознании считалось, что звукосимволизм противоречит материалистической теории, т.к. язык отражает объективную действительность не внешней (звуковой), а внутренней (семантической) стороной, следовательно, между звучанием и значением не может существовать «отприродной» связи. Возможность её существования опровергалась высказыванием К. Маркса об отсутствии какой-либо связи между именем и носителем этого имени (т.е. между предметом и его названием) [8, с. 4].

Проблема, связанная с изучением связи между звучанием и значением, ограничивалась в течение длительного времени изучением звукоподражаний. В современном языкознании звукоподражания и звукосимволизмы являются пластами общей звукоизобразительной лексики.

Значительный вклад в исследование звукоизобразительной лексики внесли исследования таких учёных, как Е.Д. Поливанов, Н.И. Ашмарин, Д.В. Бубрих, Н.К. Дмитриев, Г.Е. Корнилов, В.И. Абаев, Н.А. Баскаков, Л.Н. Харитонов. А.М. Газов-Гинзберг в своём исследовании звукоизобразительной лексики семитских языков из 181 глагольного корня 115 отнёс к звукоподражательным по своему происхождению [8, с. 5].

В 1974 г. выходит книга А.П. Журавлёва «Фонетическое значение», посвященная, в основном, детальному изучению символических свойств звуков русского языка и функционированию фонетического значения в тексте. В книге Левицкого «Семантика и фонетика» рассматривается типология языковых знаков, методика психолингвистического изучения звукосимволизма, природа и источники его происхождения, степень универсальности звукосимволических единиц. Работа Воронина «Фоносемантика» посвящена проблеме исследования семантики и фонетики.

По словам автора, «Фоносемантика мыслится как наука, которая рождает и утверждает себя на стыке фонетики (по плану выражения) и лексикологии (по совокупности этих планов)». Основными принципами фоносемантики, по мнению С.В. Воронина, являются принцип непроизвольности языкового знака, принцип детерминизма, отражения, целостности, многоплановости. В книге рассматриваются типы звукоподражательных и звукосимволических слов, звукосимволизм и происхождение языка и другие вопросы [8, с. 7].

В дальнейшем изучением звукосимволизма на материале различных языков занимались В.М. Солнцев (1977), В.З. Панфилов (1977), К.Ш. Хусаинов (1988), С.С. Шляхова (2006), Л.П. Прокофьева (2007) и многие другие.

В своих работах учёные-лингвисты, изучающие проблему звукосимволизма, рассматривают как общие вопросы, связанные с фонетическим значением, так и отдельные языковые аспекты, такие как: теория фоносемантического поля (С.В. Михалев), художественно-изобразительные свойства звуков в поэтической речи (Н.А. Красовская), фоносемантическая реэтимологизация (Т.В. Бузанова), эмоционально-семантические параметры фоносемантической системы (Д.А. Романов), экспрессивно-стилистичесие возможности фонетической системы современного русского языка (Н.М. Старцева), проявление фоносемантических особенностей звуков в различных стилях речи (С.В. Степанова), цветовая и признаковая символика звуков (С.В. Бондарь, Л.Б. Прокофьева), фоносемантический аспект антонимии (Е.А. Бурская) [3, с. 16].

Явление звукосимволизма наряду со звукоподражанием составляет языковую характерность, определяемую как звукоизобразительность в языке. Принципиальное различие между звукосимволизмом и звукоподражанием заключается в несходстве мотивирующих признаков денотата, дифференцируемых путем чувственного восприятия.

Теории, порождающие звукосимволизм, можно свести к двум основным:

1) в основе звукосимволизма лежит транспозиция одних ощущений в другие;

2) в основе звукосимволизма лежит языковая привычка.

Звуковой символизм – способность звуков языка вызывать не только слуховые, но и зрительные, осязательные, обонятельные и вкусовые представления, а также многочисленные эмоции.

В восприятии человека значение и звучание возможны подсознательно, и в какой-то степени могут предопределять друг друга.

При восприятии различных звуков в воображении человека возникают определенные ассоциации и образы.

Е. Замятин так пишет о звуках, вызывающих определённые ассоциации: «Всякий звук человеческого голоса вызывает в человеке известные представления, создаёт звукообразы. Я далёк от того, чтобы приписывать каждому звуку точно определённое смысловое или цветовое значение. Но Р ясно говорит мне о чём-то громком, ярком, красном, горячем, быстром. Л – о чём-то бледном, голубом, холодном, плавном, лёгком. Звуки Д-Т – о чём-то душном, тяжком, о тумане, тьме, затхлом. О – высокое, глубокое, круглое, лоно» [7].

Звукосимволические слова часто обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, удаленность объектов, свойства их поверхности, походку, мимику, физиологическое и эмоциональное состояние человека и животных, общую оценку предметов или явлений.

Человек пытается воспроизвести звучание предметов и явлений окружающей действительности или ассоциации, возникающие от этих предметов, явлений с помощью тех звуков речи, которыми обладает.

Фонетический строй современного крымскотатарского языка – это результат длительного исторического развития. Он складывался на протяжении многих столетий в результате взаимодействия фонетических систем огузских, кыпчакских и карлукских племенных тюркских языков в тесном контакте с фонетическими сис-темами монгольских, иранских и других языков [6, с. 3].

Рассмотрим некоторые звуки, вызывающие определённые ассоциации и участвующие в образовании звукосимволизмов в крымскотатарском языке.

1. В крымскотатарском языке звуки *й* и *л* в корнях *ял/* йыл означают блеск, сверкание. От данных корней образуется ряд производных: йылтырамакъ – сверкать, блестеть, йылтыравукъ – блестящий, йылдырым – молния, йылдыз – звезда, йылп-йылп этмек – сверкать периодически; ялын – пламя, ялдамакъ – плавать, ялдавукъ – поплавок', ялдамалы – плавный, ялкъ этмек – екнуть (о сердце), блеснуть, сверкнуть (о молнии), плюхнуть, ялпакъ – плоский, йылан – змея, ялдыз – внешний блеск, мишура, показное, ялдызджы – золотильщик, мастер по золочению, ялдызламакъ – золотить, серебрить, придавать блеск.

Основным звукоизобразительным элементом является й, передающим такие значения, как блеск, сверкание, колыхание (пламени), скользкое, гладкое, мокрое, соприкосновение плоских предметов.

Для анлаута данных корней в других тюркских языках характерно чередование *й~дж~ч*, звук л в ауслауте остается неизменным. Основные значения слов сохраняются, производные значения, образуемые при помощи модификаторов *т/д*, *п* и *къ* могут меняться.

В семантическом плане звукосимволические корни ял (йал) и йыл отличаются тем, что первый обозначает более яркое, а второй – менее яркое сверкание. Вертикальная вариативность гласных в корне выступает в качестве семантически дифференцирующего признака.

В звукосимволическом плане с обозначениями блеска в структурном и звукоизобразительном отношении близки слова, передающие значение прикосновения к жидкости, жидкого состояния, также включающие в свою фонетическую структуру сонорный звук *л*, который используется в корне, либо в качестве модификатора.

Например, в крымскотатарском языке ялямакъ – лизать, ялдамакъ – плавать, ялдамлы – плавный, ялдавуч – поплавок, плавник, ялкъакъ – слизь, ялпатмакъ – сплющиваться, ялын – грива, пламя, ялтакъ (адам) – льстец, «скользкий» (о человеке) – производное значение, шапыллатмакъ – бултыхать, плескать воду, шувул – подражание шуму реки, воды, плесканью, балчыкъ – грязь, шылт – подражание звуку шагов по воде, шлёпанье по воде, шырылдамакъ – журчать (о воде).

По словам К.Ш. Хусаинова, общим звукосимволическим моментом, обозначающим признак номинации, является латеральный артикуляторный элемент, выраженный щелевым сонорным звуком *л*. При артикуляции данного согласного, верхняя часть кончика языка сравнительно широкой площадью мягко прижимается к альвеолам, фонационный поток проходит через щели, образующиеся по бокам языка. Звукосимволическое обозначение блеска, сверкания за счет латерального в данном случае закономерно, т.к., с одной стороны, возникновение блеска является результатом отражения света от гладкой, ровной поверхности, а с другой – артикуляция латерального естественно вызывает тактильное ощущение плоской поверхности, непосредственное сближение с которой приводит к плотному соединению, как бы прилипанию двух плоскостей [10, с. 151]. Не случайно, в крымскотатарском и других тюркских языках ялпакъ означает 'плоский, приплюснутый'.

Фоносемантическая выразительность дрожащего сонорного звука *р* в силу своего артикуляторного своеобразия выполняет преобладающую звукоизобразительную функцию во многих словах как в крымскотатарском языке, так и во многих родственных и неродственных языках.

2. В крымскотатарском языке можно выделить яркие примеры звукоизобразительных корней, где звук *р* выполняет основную звукоподражательную функцию. Связано это с особенностями произнесения данного звука. При произнесении дрожащего сонорного звука *р* происходит вибрация, вызывающая колебания. Эта особенность многократности движения является основным мотивирующим фактором наименования предметов, явлений действительности, действий, при которых мы слышим вибрацию, звуки многократно повторяющихся движений.

Гур-, гъур-, гъыр-, гъырт-, гъырч-, дыр-, зыр-, къыр-, тар-, тыр-, фыр-, чыр-, шыр-, сер-, черт-, гудюр-, гъыдыр-, гъаджыр-, гъуджыр-, гъыджыр- выражают подражания грому, грохоту, тарахтению, дребезжанию, журчанию, скрипу, скрежету, хрусту и другим шумам, производимым в результате многократных вибрирующих движений предметов.

В крымскотатарском языке производных, образованных от данных звукоизобразительных форм, много, приведем некоторые из них: гурюльдемек 'греметь (например, о громе)', гурюльти 'гул, рокот, лепет ребёнка', гурюльтили 'гремучий, напр.: гурюльтили экшилик – гремучая кислота, гурюльтили газ – гремучий газ'; гурс этмек 'грохнуться'; гъыр-ылдамакъ 'бурчать, урчать (о животе), подр. звуку, издаваемому при полоскании горла, хрипеть', гъырылты – 'бурление, урчание', гъырылдавукъ – 'урчащий, бурчащий', гъыртлакъ - 'гортань'; гъырчылдамакъ/ гъычырдамакъ - 'хрустеть, скрипеть', гъырчылды / гъычырды - 'хруст, скрип'; гъыджыр-дамакъ, гъыдыр-дамакъ 'звенеть, греметь цепями, производить скрежет', гъыджырды – 'звон, звяканье цепями, скрежет', гъыджырдылы – 'скрепучий, скрежещущий'; гудюрдемек 'греметь', гудюр-гудюр – 'гремя, подр. звуку грома', гудюрди - 'грохот, громыхание, кок гудюрдиси - 'гром, громовой раскат '; зырылдамакъ 'брюзжать, бурчать'; къырмакъ 'скрести, царапать'; тарс этмек 'треснуть', тарсылдамакъ – 'трещать'; тырылдамакъ 'тарахтеть'; тырнамакъ – 'царапать', тырнакъ – 'ноготь'; фырыл-фырыл

'подр. звуку при вращении, кружении', фыралдавукъ – 'вертушка', фырыл-фырыл айланмакъ – 'быстро кружиться', фыркъылдамакъ – 'фыркать, сопеть', фырламакъ – 'вылетать, взлетать, выскочить', фырландырмакъ – 'вращать, кружить', фырланмакъ – 'кружиться', фырлатмакъ – 'швырять', фырчы – 'кисть, щётка', фырчыламакъ – 'чистить щёткой, расчёсывать'; чырсылдамакъ 'трещать', чытырдамакъ – 'трещать', чытырдап янмакъ – 'гореть с треском', чырылдамакъ 'стрекотать, щебетать', чырлама - 'оладьи (от подр. звуку при обжаривании чего-либо) ', чырпмакъ – 'апплодировать', чырпы – 'хворост, сухой хворост', чырылдамакъ – 'стрекотать', чырылды – 'стрекот', чырчырна – 'степной сверчок'; чертмек 'чиркнуть спичкой', серник – 'спичка' и многие другие [1, 14].

Основным звукоизобразительным элементом этих корневых морфем является дрожащий сонорный р, в силу своего артикуляторного своеобразия естественно передающий указанные значения.

3. Корневая морфема *къап* происходит от жеста хватания ртом, подчеркнутого озвучением (при помощи вдоха или выдоха, чаще с голосом). В тюркских языках имеет следующее семантическое развитие: 'хватать ртом' – 'охватывать, окружать' – 'покрывать слоем, закрывать'.

В крымскотатарском языке имеет ряд производных: къап(макъ) 'кусать', къаптырмакъ 'положить в рот кому-то, дать укусить', къапу 'дверь', къапалы 'закрытый', къапатмакъ 'закрыть, накрыть', къапакъ 'крышка', къапакъламакъ 'накрыть крышкой, опрокинуть', къапкъан 'капкан', къабукъ 'кора, шелуха', къапыста 'капуста', къаптан (северный диалект) 'платье', козь къапагъы 'веко', къапламакъ 'покрывать', къаплам 'покров', къаплан 'тигр', къаплыбакъа 'черепаха', къапыджы 'вратарь', къапалув 'эл.замыкание', къапар 'взятка', къаплав 'обвёртка'.

По С.В. Воронину, «характер примарной мотивированности здесь ясен: при первичной номинации жест хватания рукой «моделируется» в звукоизображении озвучаемым жестом хватания ртом. Семантическая же эволюция такова: 'хватать (хапать) ртом' – 'хватать рукою' – 'орать' – 'держать, иметь'» [5, с. 77].

Следовательно, в крымскотатарском языке односложную глагольно-именную корневую морфему къап в приведенном значении необходимо рассматривать как звукосимволическое слово, мотивированное в своем происхождении ощущениями тактильной модальности.

Согласные *п-б* символизируют смыкание губ как предельность, завершённость движения: шап-/чап-, шып-/сып-, шап-шуп, чыб-/щыб.

Некоторые лингвисты-исследователи утверждают, что свистящие и шипящие согласные имеются в словах, передающих свистящие, звенящие звуки, звуки высокого тона часто передаются гласными и/ы: сыз/выз, зынъ, чинъ: сызгъырмакъ, вызылдамак, чинъильдемек, жыйкъылдамакъ. Высокий тон характерен для слов, обозначающих нечто маленькое, тонкое или узкое, а низкий – большое, толстое или широкое.

4. *Шап/Чап* – звукоизобразительное слово со значением быстрого действия, моментальной реакции, хлопка, цапанья, соответствует рус. цап; крым.тат. шап – «хлоп»; шапылдамакъ – хлопать, апплодировать, шапылдавлар – аплодисменты'; чапа – цапка, чапаламакъ – цапать, чабик – быстрый, чапмакъ – бежать.

Приведенные данные свидетельствуют о гомогенности *чап/шап*, при этом, если на уровне праязыка в тюркских односложных корневых словах гипотетически выделяется *чап*, то в крымскотатарском языке данный корень выражен формами с *ш* и *ч* в анлауте. Интересно, что та и другая формы при определенной семантической близости не утратили звукосимволической функции, а также имеют свой ряд производных, уже несколько отдаленных в семантическом плане [2, с. 495].

5. *Ынкъ / ик* – пикать, ынкъ этмемек – 'не пикнуть, не издавать ни звука', ынъкъылдамакъ – 'заикаться, запинаться'. При икании наблюдается непроизвольное сжатие мышц горла, резко прекращающее втягивание воздуха, в результате чего издается характерный звук. Данное звукосимволическое обозначение состоит из неогублённого заднего ряда ы и увулярного смычного *къ*, артикуляция которого как бы повторяет, воспроизводит действие мышц при икании. Употребление в данном случае именно увулярного *къ* объясняется тем, что этот согласный в фонетической системе крымскотатарского языка из смычных согласных является самым задним.

Выводы. Таким образом, при всей своей условности языковой знак функционирует в соответствии с определенными закономерностями, подчиняясь правилам фонотактического закона. Явление звукового символизма до сих пор не до конца исследовано. Большинство учёных признают его существование, но единого мнения

о природе явления, механизме его воздействия на человека среди лингвистов нет. Изучение звукосимволизма на материале крымскотатарского языка выявило определенную закономерность, в соответствии с которой носители языка приписывают звукам одно и то же или сходное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аджимуратова З.Н.* Функциональные особенности сонорного р в основах подражательных слов крымскотатарского языка. Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 марта 2015 г.: в 16 частях. Часть 11. Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком». 2015. 164 с.
2. *Аджимуратова З.Н.* Звукоизобразительные корни со значением быстрого действия. В книге: Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского. / Сборник тезисов участников. Симферополь. 2017. С. 495–496.
3. *Аджимуратова З.Н.* Фоносемантические особенности некоторых звуков в крымскотатарском языке / Сборник трудов V Научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых: Дни науки крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Симферополь, 30 октября–01 ноября 2019 г. С. 16–18.
4. *Васильева Е.А.* Фоносемантическая характеристика основных лексических категорий: Антонимия и синонимия. Автореферат диссертации. Тула, 2004 г. 23 с.
5. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. М.: Изд-во: Ле-нанд, 2006., 250 с.
6. *Газов-Гинзберг А.М.* Был ли язык изобразителен в своих истоках? / Газов-Гинзберг А. М. М., 1965. 183 с.
7. *Замятин Е.* «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» // http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/vospominaniya/annenkov-zamyatin.htm.
8. *Левицкий В.В.* Звуковой символизм: мифы и реальность. Черновцы: ЧНУ, 2009 с.
9. *Меметов А.М.* Крымскотатарский язык. История изучения. Лексикология. Фонетика. Морфология: монография. Симферополь: КРП Изд-во «Крымучпедгиз», 2013. 576 с.
10. *Хусаинов К.Ш.* Звукоизобразительность в казахском языке. Алма-Ата: Наука, 1988. 232 с.

REFERENCES

1. Adzhimuratova, Z.N. *Funkcional'nye osobennosti sonornogo r v osnovah podrazhatel'nyh slov krymskotatarskogo yazyka* [Functional features of sonorant r in the bases of imitative words of the Crimean Tatar language]. In: Sovremennoe obshchestvo, obrazovanie i nauka: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 31 marta 2015 g.: v 16 chastyah. Part 11. Tambov: OOO «Konsaltingovaya kompaniya YUkom». 2015. 164 p. (in Russ).
2. Adzhimuratova, Z.N. *Zvukoizobrazitel'nye korni so znacheniem bystrogo dejstviya* [Sound-pictorial roots with the meaning of quick action]. In: Dni nauki KFU im. V.I. Vernadskogo. / Sbornik tezisov uchastnikov. Simferopol'. 2017. P. 495–496. (in Russ).
3. Adzhimuratova, Z.N. *Fonosemanticheskie osobennosti nekotoryh zvukov v krymskotatarskom yazyke* [Phonosemantic features of some sounds in the Crimean Tatar language]. In: Sbornik trudov V Nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov, studentov i molodyh uchenyh: Dni nauki krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Simferopol', 2019. P. 16–18. (in Russ).
4. Vasil'eva, E.A. *Fonosemanticheskaya harakteristika osnovnyh leksicheskih kategorij: Antonimiya i sinonimiya* [Phonosemantic characteristics of the main lexical categories: Antonymy and synonymy]. PhD Thesis. Tula, 2004. 23 p. (in Russ).
5. Voronin, S.V. *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Moscow: Le-nand, 2006. 250 p. (in Russ).
6. Gazov-Ginzberg, A.M. *Byl li yazyk izobrazitelen v svoih istokah?* [Was language pictorial in its origins?]. Moscow, 1965. 183 p. (in Russ).
7. Zamyatin, E. *«Dnevnik moih vstrech. Cikl tragedij»* [Diary of my meetings. Cycle of tragedies]. http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/vospominaniya/annenkov-zamyatin.htm. (in Russ).
8. Levickij, V.V. *Zvukovoj simvolizm: mify i real'nost'* [Sound symbolism: myths and reality.]. Chernovcy: CHNU, 2009 p. (in Russ).
9. Memetov, A.M. *Krymskotatarskij yazyk. Istoriya izucheniya. Leksikologiya. Fonetika. Morfologiya* [Crimean Tatar language. Study history. Lexicology. Phonetics. Morphology]. Simferopol': KRP Izd-vo «Krymuchpedgiz», 2013. 576 p. (in Russ).
10. Husainov, K.Sh. *Zvukoizobrazitel'nost' v kazahskom yazyke* [Sound representation in the Kazakh language]. Alma-Ata: Nauka, 1988. 232 p. (in Russ).

ФОЛЬКЛОР

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-66-71
УДК 004.39

Н.М. Сиражитдинова

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ ПО ФОЛЬКЛОРУ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Аннотация

Современная сфера информационных интернет-ресурсов состоит из электронных баз по различным направлениям жизнедеятельности людей. Пользователям предоставлены множество сайтов для получения информации в интересующих их областях наук. Между тем, наплыв обилия электронных информационных потоков требует систематизации, классифицирования по отраслям и другим параметрам, выработки методологии для размещения информационных ресурсов, систем наукометрии и т.д.

В статье автор описывает действующие на сегодня научные интернет-ресурсы по фольклору башкир и других народов Башкортостана, делает попытку их сопоставительного анализа. Ценность фольклорных ресурсов оценивается автором и с точки зрения наукометрии, один из принципов которого в свете Лейденского манифеста звучит, как “отстаивание научного качества исследований, важных для конкретного региона”. Значение и роль фольклорных ресурсов Башкортостана в гуманитарном образовании края и, в целом, российского пространства, несомненна. Сегодня рассмотренные автором сайты находятся на стадии наполнения, ведутся поиски оптимальных инструментов, форм и методов регулирования электронной информацией и т.д.

Формами верификации публикуемого фольклорного материала в интернет-ресурсах являются рецензии оппонентов, решение экспертного совета, ссылка на научные источники. Также в электронных ресурсах “Башкирской энциклопедии” ведется актуализация опубликованных справочных статей, сверка фактов, использование выработанной методики обработки информации и ее подачи и т.д. Функциональность электронных фольклорных ресурсов, как ценных источников познания окружающего мира башкир и других народов Башкортостана, нуждается в поддержке и охране информации со стороны государства, как национально значимые гуманитарные знания для образовывания граждан.

Ключевые слова: интернет-ресурс, фольклор башкир и других народов Башкортостана, база данных, методология, классификация, наукометрия, “Башкирская энциклопедия”

Nafisa M. Sirazhitdinova

INFORMATION INTERNET RESOURCES ON FOLKLORE IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

Abstract

The modern sphere of Internet information resources is an electronic database on various areas of human activity. Users are provided with many sites to gain knowledge in the areas of science that interest them. Meanwhile, the influx of an abundance of electronic information flows requires systematization, classification by industry and other parameters, development of a methodology for information resources, scientometric systems, etc.

Сиражитдинова Нафиса Миндияровна, *кандидат филологических наук, научный редактор отдела энциклопедических и научных изданий Государственного автономного учреждения науки «Башкирская энциклопедия» (Уфа), e-mail: birusa-raf@mail.ru*

Nafisa M. Sirazhitdinova, *Cand. Sci. (Philology), Scientiic Editor, Department of Encyclopedic and Scientific Publications, State Autonomous Institution of Science «Bashkir Encyclopedia» (Ufa), e-mail: birusa-raf@mail.ru*

© Сиражитдинова Н.М., 2022

In the article, the author identifies the current scientific Internet resources on the folklore of the Bashkirs and the peoples of Bashkortostan, and makes an attempt to compare them. The value of folklore resources is also assessed by the author from the point of view of scientometrics, one of the principles of which, in the light of the Leiden Manifesto, sounds like "upholding the scientific quality of research that is important for a particular region." The significance and role of the folklore resources of Bashkortostan in the humanitarian education of the region and, in general, the Russian space, is undeniable. Today, the sites identified by the author are at the stage of filling, searches are underway for optimal tools, forms and methods for regulating electronic information, etc.

Forms of verification of published folklore material in Internet resources are reviewing, decision of the expert council, reference to scientific sources. Also in the electronic resources of the «Bashkir Encyclopedia» the published reference articles are updated, the facts are verified, the developed methodology for processing information and its presentation, etc. is being used. The functionality of electronic folklore resources, as valuable sources of knowledge of the surrounding world of the Bashkirs and other peoples of Bashkortostan, needs the support and protection of information from the state, as nationally significant humanitarian knowledge for the education of citizens.

Key words: Internet resource, folklore of the Bashkirs and the peoples of Bashkortostan, database, methodology, classification, scientometrics, "Bashkir Encyclopedia"

Информационный ресурс располагает определенной базой собранных сведений по различным отраслям жизнедеятельности людей. В современном мире появилось множество интернет-ресурсов, наплыв которых требует систематизации. Проведенный нами анализ некоторых работ по заявленной тематике выявляет такие направления исследований, как выработка методологии для информационных ресурсов, их классификацию, использование информационных систем в наукометрии. Так, А.И. Павлов в аналитической работе "Информационные ресурсы в образовании" [12] предлагает классификацию ресурсов по их видам, способам хранения и передачи информации, методам управления и систематизации и др. Л.З. Бородовская отмечает необходимость научного анализа информационных ресурсов по традиционной культуре народов России, подчеркивает обособленность региональных ресурсов, отсутствие единых стандартов электронных баз и предлагает создать на основе широкого обсуждения "Электронную энциклопедию фольклора народов России" [5]. Н.А. Мишанкина, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер также анализируют электронные ресурсы в гуманитарной сфере, предлагают их классификацию и выявляют базы данных, ориентированные на фольклорные тексты, на музыкальную и материальную культуры [9] и др.

Информационные ресурсы научных учреждений, различных учебных заведений, библиотек, издательств и т.д. представляют многовариантные скопления информаций по различным отраслям знаний, а также их способы управления пользователями.

Интернет-ресурсы Института мировой литературы им. А.М. Горького, например, содержат ресурсы Фундаментальной электронной библиотеки "Русская литература и фольклор", где представлены русские народные былины и песни, заговоры и сказки. Фонд имеет богатый справочный аппарат, интегрирующий информацию обо всех помещенных электронных научных изданиях [18]. Вызывает интерес "Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН". На сайте представлены разделы "Рукописная коллекция", "Фонограммархив", "Экспедиции", "Сказители Карелии" и др. [17]. Данный информационный ресурс характеризуют научность, обеспеченность системой навигации. Кроме того, он предлагает широкий выбор информации по русскому и карельскому фольклору.

На сайтах образовательных учреждений, в основном, концентрируется учебная литература, дополнительные тематические интернет-ресурсы для образовательных целей. Например, в иформационных ресурсах Ярославского гос. пед. университета им. К.Д. Ушинского в разделе "Литература, фольклор (интернет-ресурсы)" размещены более 20 активных источников для открытого пользования, в частности, многотомные фундаментальные издания АН СССР в 33 томах "Русский фольклор" (Л., СПб., 1956–2008) [19] и др.

Одним из инициаторов создания российского вузовского наукометрического интернет-ресурса является Московский государственный университет [7; 14]. Основной задачей сайта "ИСТИНА" является выработка наукометрических критериев оценивания трудов научных сотрудников различных организаций. Данная проблема отражается в "архитектуре" этой системы в свете Лейденского манифеста и его десяти принципов наукометрии, среди которых мы бы выделили "отстаивание

научного качества исследований, важных для конкретного региона" в плане проекции данного принципа на научные гуманитарные разработки в Башкортостане, в частности, на фольклор. Данное направление заявлено в информационном пространстве и находится на пути реализации.

И в связи с этим, в нашей статье проводится анализ наиболее значимых информационных интернет-ресурсов по фольклору башкир и других народов Башкортостана, который продиктован необходимостью оценки интернет-ресурсов с целью определения наиболее перспективных направлений по данной тематике, их функциональности, практической значимости для широкого круга пользователей, в том числе, в образовательной сфере. Одним из первых российских электронных ресурсов по народной культуре, который продолжает создаваться в соответствии с Конвенцией Генеральной конференции ЮНЕСКО, является федеральный Реестр [11], расположенный на официальном сайте Государственного российского дома творчества имени В.Д. Поленова. На главной странице сайта для пользователей даны разъяснения терминов "нематериальное культурное наследие", "объект нематериального культурного наследия (ОНКН)", "Реестр (каталог) объектов нематериального культурного наследия народов Российской Федерации". Реестр подразумевает информационную систему, куда вносятся "обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, – признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия" [11]. В Башкортостане на базе Республиканского центра народного творчества функционирует Реестр объектов нематериального культурного наследия башкир и других народов Башкортостана [20]. На сайте представлена нормативная база по созданию Реестра: Информационное письмо о формировании электронного каталога на основании поручения Президента РФ "О государственной поддержке традиционной народной культуры в Российской Федерации" от 26.12.2006 г.; Закон о нематериальном культурном наследии в Республике Башкортостан и др. материалы. Данный ресурс претендует на научность и достоверность. Фольклорные знания фиксируются в определенной последовательности по принятой форме и фольклорный объект для занесения в Реестр утверждается на заседании Экспертной комиссии, состоящей из ученых, знатоков фольклора и профессиональных деятелей культуры. Помимо теоретического описания фольклорных объектов (жанры, произведения, традиции и т.д.), здесь также помещены фото, аудио- и видеоматериалы, указывается список научной литературы, лица, имеющие отношение к описываемому объекту (ученые-исследователи, организации, носители фольклора), место фиксации объекта на географической онлайн-карте.

Информационные ресурсы создаются также и редакционно-издательскими организациями, библиотеками. Например, книжное издательство "Китап" предлагает "Библиотеку нематериального культурного наследия Республики Башкортостана" [3], где представлены презентации эпоса "Урал-батыр", "Заятуляк и Хыухылу", "Акбузат" и др., башкирские народные песни и др. жанры фольклора. На сайте также представлен фольклор других народов Башкортостана: "Танцы верховых чувашей Башкортостана", "Обряд закамских удмуртов Башкортостана Вербное воскресенье", "Чувашский обрядовый праздник Питравка", "Марийский традиционный праздник Дийын" и др. Материалы данной "Библиотеки..." основываются на достоверных ссылках и источниках, в том числе и на материалах многотомной "Башкирской энциклопедии" [2]. По тематическим рубрикам "Праздники", "Обряды", "Блюда", "Традиции", "Устное народное творчество" и др. материалам сайт дублирует Реестр объектов нематериального культурного наследия Республики Башкортостан [20]. Выигрышным методом расположения фольклорных материалов является то, что рубрики представлены на русском, башкирском, английском языках, что расширяет сферу пользователей сайта, который претендует на широкий охват и образовательный статус. Схожесть материалов Реестра объектов нематериального культурного наследия и "Библиотеки нематериального культурного наследия Республики Башкортостана", в некоторой степени, путает пользователя, но с другой стороны, взаимодополняет информационный ресурс по фольклору, носит экскурсно-познавательный характер.

На сайте Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН в разделе "Машинный фонд башкирского языка" под темой "Корпус башкирского языка. Фольклор" представлены оригинальные тексты эпосов,

сказок, пословиц и поговорок и др. жанров на башкирском языке [8]. На сайте “Библиотека Ихтика” размещены в ПДФ-формате фундаментальные научные своды “Башҡорт халыҡ ижады” и “Башкирское народное творчество” и др. издания по фольклору [4]. Для поиска электронных книг используется поисковик. Данные научные труды оцифрованы и Национальной библиотекой им. А.-З. Валиди РБ [10].

Среди учебных заведений формирование электронного фольклорного архива (части архивных материалов по башкирскому фольклору, собранных в разные годы студентами и преподавателями университета) представлено Башкирским государственным университетом [16]. Материалы снабжены паспортичками, оригиналами записей фольклорных текстов на башкирском языке, онлайн-картой с отметкой о месте фиксации того или иного жанра, удобной поисковой системой навигации. Авторами проекта презентованы цели и задачи электронного фольклорного ресурса [6].

В 2020 г. Государственным учреждением науки “Башкирская энциклопедия” издана энциклопедия “Фольклор народов Башкортостана” на русском и английском языках [15]. Книга была приурочена VI-й Всемирной фольклориаде. Издание размещено на официальном сайте в Региональном интерактивном энциклопедическом портале “Башкортостан”. Так же, как и в электронной версии многотомной «Башкирской энциклопедии», районных и отраслевых энциклопедиях [2] над статьями ведется актуализация, обновление и расширение информации. На сайте “Башкирской энциклопедии” в разделе “Библиотека научных изданий” также в ПДФ-формате накапливаются открытые для пользователей книги, выпущенные башкирскими энциклопедистами [2]. Нужно отметить также, что в Российской национальной библиотеке проводится работа по централизации информационных ресурсов библиотек, книжных издательств и др. организаций. Труды башкирских энциклопедистов представлены на сайте Российской библиотеки [13], откуда открыт доступ для широкого круга пользователей также и на энциклопедию “Фольклор народов Башкортостана”. Стремление к централизации разрозненных электронных ресурсов (в данном случае фольклорных ресурсов) – востребованное направление. Оно способствует получению разносторонних знаний в данной области, формированию новой платформы, с одной стороны, по сохранению и популяризации фольклорных знаний башкир и других народов Башкортостана, с другой – по расширению качественных электронных образовательных ресурсов и пропаганде общечеловеческих ценностей через фольклорные источники.

Не менее важным критерием оценивания информационных ресурсов является верификация. Если в Реестре объектов нематериального культурного наследия она рассматривается на уровне заседаний Ученого совета, в «Библиотеке нематериального культурного наследия Республики Башкортостан» в виде ссылок на научные источники и др., то над энциклопедическими статьями, в том числе и над книжным изданием «Фольклор народов Башкортостана», проводилась многоуровневая работа по редактированию, корректорскому чтению, сверке фактов авторами статей, главным редактором издания, научными редакторами. Данная работа постоянно проводится в форме актуализации опубликованных статей и в интернет-ресурсе [2]. Одним из видов такой работы является также получение научных отзывов и рецензий на издания. Данная проблематика остается сегодня открытой для электронных информационных ресурсов.

Стремление к независимым национальным ориентирам, отраженным в башкортостанских изданиях и информационных ресурсах, на наш взгляд, позволяет сохранить ценные местные источники, формировать базы национальных данных, которые служили бы источниками для дальнейших исследований, в том числе и для образовательных целей и задач. Сегодня для информационных ресурсов, созданных “Башкирской энциклопедией” и др. организациями, требуется государственная поддержка для решения практических задач по развитию интерактивного портала, дальнейшей его модернизации. Национально значимая информационная система для развития науки и образования на уровне региона, а также и для России, сегодня несомненна. Фольклорные знания и опыт, зафиксированные и фиксируемые сегодня, в рассматриваемом формате, являются, на наш взгляд, наиболее важной информационной платформой для образовывания людей в современных условиях.

Таким образом, в рамках данной статьи, нами анализируются научные информационные интернет-ресурсы по фольклору башкир и других народов Башкортостана с разными видами и уровнем верификации и электронные “библиотеки”; ставится проблема сохранения электронных информационных ресурсов – национального

достояния в плане создания базы фольклорных источников, знаний и идентичной культуры в электронном мире, их использования в постоянном образовательном процессе в республике; сайты-ресурсы нуждаются в дальнейшем совершенствовании, выработке методологии и методов управления, систематизации информации, ее передачи пользователю в верифицированом виде и т.д., в том числе регулирования наукометричности.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Автоматизированная система информационного обеспечения библиометрической оценки научной продуктивности и деятельности исследовательских организаций и ученых // URL: http://bonus.basnet.by/aktivnost/lejden-manifest/ (дата обращения: 25.05.2022).

2. Башкирская энциклопедия // Региональный интерактивный энциклопедический портал “Башкортостан” // URL: http://bashenc.online/ru/ (дата обращения: 25.05.2022).

3. Библиотека нематериального культурного наследия Республики Башкортостан // URL: https://kitaplong.ru/ (дата обращения: 25.05.2022).

4. Библиотека Ихтика // URL: https:// http://ihtika.ru/search?q (дата обращения: 25.05.2022).

5. *Бородоская Л.З.* Традиционная художественная культура народов России в электронных информационных ресурсах // Сборник материалов Международного саммита по культуре и образованию, посвященного 50-летию Казанского государственного института культуры. Казань, 2019. С. 455–459.

6. *Галлямов А.А., Орехов Б.В.* Полевые материалы в электронных изданиях // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 12. С. 140–149.

7. ИСТИНА: Интеллектуальная Система Тематического Исследования НАукометрических данных // URL: https://istina.msu.ru/about/ (дата обращения: 25.05.2022).

8. Корпус башкирского языка. Фольклор. Просмотр произведений. // URL: http://212.193.134.139:8080/bashkorp/korpufviewpr (дата обращения: 25.05.2022).

9. *Мишканина Н.А., Тубалова И.В., Эмер Ю.А.* Филология и информатика: специфика электронного представления региональных фольклорных текстов // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 102–113.

10. Национальная электронная библиотека Республики Башкортостан // URL: http://ebook.bashnl.ru/dsweb/View/ResourceCollection-1887 (дата обращения: 25.05.2022).

11. Объекты нематериального культурного наследия народов Российской Федерации // URL: http://www.rusfolknasledie.ru (дата обращения: 25.05.2022).

12. Павлов А.И. Информационные ресурсы в образовании // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 5–1. С. 74–77.

13. Региональные энциклопедии России // URL: https://nlr.ru/res/epubl/rue/bashkortostan.html (дата обращения: 25.05.2022).

14. *Садовничий В.А.* Интеллектуальная система тематического исследования научно-технической информации (“Истина”). М.: МГУ, 2014. 262 с.

15. Фольклор народов Башкортостана. Уфа: ГАУН РБ “Башкирская энциклопедия”, 2020. 664 с. // URL: http://bashenc.online/ru/articles/?sort_by=sort-name&filter_encyclopedia=17 (дата обращения: 25.05.2022).

16. Фольклорный архив Башкирского государственного университета // URL: http://nevmenandr.net/pages/bashfolk.php (дата обращения: 25.05.2022).

17. Фольклорный архив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН // URL: http://folk.krc.karelia.ru/ (дата обращения: 25.05.2022).

18. Фундаментальная электронная библиотека. Русский литература и фольклор // URL: http://feb-web.ru/feb/feb/folk.htm (дата обращения: 25.05.2022).

19. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН // URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10331 (дата обращения: 25.05.2022).

20. Электронный ресурс объектов нематериального культурного наследия народов Республики Башкортостан // URL: https://onknrb.bashmusic.net/ (дата обращения: 25.05.2022).

REFERENCES

1. *Avtomatizirovannaya sistema informacionnogo obespecheniya bibliometricheskoj ocenki nauchnoj produktivnosti i deyatel’nosti issledovatel’skih organizacij i uchenyh* [Automated information support system for bibliometric evaluation of scientific productivity and activities of research organizations and scientists] // URL: http://bonus.basnet.by/aktivnost/lejden-manifest/ (date of access: 25.05.2022) (in Russ.).

2. B*ashkirskaya enciklopediya* [Bashkir encyclopedia]. In: Regional'nyj interaktivnyj enciklopedicheskij portal "Bashkortostan" [Regional interactive encyclopedic portal "Bashkortostan"] // URL: http://bashenc.online/ru/ (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and Bashkir).

3. *Biblioteka nematerial'nogo kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan* [Library of Intangible Cultural Heritage of the Republic of Bashkortostan]. In: URL: https://kitaplong.ru/ (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and Bashkir).

4. *Biblioteka Ihtika* [Ihtik Library]. In: URL: http://ihtika.ru/search?q (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and Bashkir).

5. Borodoskaya, L.Z. *Tradicionnaya hudozhestvennaya kul'tura narodov Rossii v elektronnyh informacionnyh resursah* [Traditional artistic culture of the peoples of Russia in electronic information resources]. In: Sbornik materialov Mezhdunarodnogo sammita po kul'ture i obrazovaniyu, posvyashchennogo 50-letiyu Kazanskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Collection of materials of the International Summit on Culture and Education, dedicated to the 50th anniversary of the Kazan State Institute of Culture]. Kazan, 2019. P. 455–459. (in Russ.).

6. Gallyamov, A.A., Orekhov, B.V. *Polevye materialy v elektronnyh izdaniyah* [Field materials in electronic editions]. In: Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies]. 2016. No. 12. P. 140–149. (in Russ.).

7. *ISTINA: Intellektual'naya Sistema Tematicheskogo Issledovaniya NAukometricheskih dannyh* [TRUTH: Intelligent Case Study System NA Sucometric Data] // URL: https://istina.msu.ru/about/ (date of access: 25.05.2022) (in Russ.).

8. *Korpus bashkirskogo yazyka.* Fol'klor [Corpus of the Bashkir language. Folklore]. Prosmotr proizvedenij – Viewing works. // URL: http://212.193.134.139:8080/bashkorp/korpufviewpr (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and Bashkir).

9. Mishkanina, N.A., Tubalova, I.V., Emer, Yu.A. *Filologiya i informatika: specifika elektronnogo predstavleniya regional'nyh fol'klornyh tekstov* [Philology and Informatics: Specificity of Electronic Representation of Regional Folklore Texts]. In: Gumanitarnaya informatika [Humanitarian informatics]. 2004. No. 1. P. 102–113. (in Russ.).

10. *Nacional'naya elektronnaya biblioteka Respubliki Bashkortostan* [National Electronic Library of the Republic of Bashkortostan] // URL: http://ebook.bashnl.ru/dsweb/View/ResourceCollection-1887 (date of access: 25.05.2022). (in Russ. and Bashkir).

11. *Ob"ekty nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Rossijskoj Federacii* [Objects of the intangible cultural heritage of the peoples of the Russian Federation] // URL: http://www.rusfolknasledie.ru (date of access: 25.05.2022). (in Russ.).

12. Pavlov, A.I. *Informacionnye resursy v obrazovanii* [Information resources in education]. In: Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]. 2014. No. 5–1. P. 74–77. (in Russ.).

13. *Regional'nye enciklopedii Rossii* [Regional encyclopedias of Russia] // URL: https://nlr.ru/res/epubl/rue/bashkortostan.html (date of access: 25.05.2022) (in Russ.).

14. Sadovnichij, V.A. *Intellektual'naya sistema tematicheskogo issledovaniya nauchno-tekhnicheskoj informacii ("Istina")* [Intelligent system of thematic research of scientific and technical information ("Truth")]. Moscow: MGU, 2014. 262 p. (in Russ.).

15. *Fol'klor narodov Bashkortostana* [Folklore of the peoples of Bashkortostan]. Ufa: GAUN RB "Bashkir Encyclopedia", 2020. 664 p. // URL: http://bashenc.online/ru/articles/?sort_by=sortname&filter_encyclopedia=17 (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and English).

16. *Fol'klornyj arhiv Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Folklore Archive of the Bashkir State University] // URL: http://nevmenandr.net/pages/bashfolk.php (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and Bashkir).

17. *Fol'klornyj arhiv Instituta yazyka, literatury i istorii Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Folklore Archive of the Institute of Language, Literature and History of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences] // URL: http://folk.krc.karelia.ru/ (date of access: 25.05.2022) (in Russ.).

18. *Fundamental'naya elektronnaya biblioteka. Russkij literatura i fol'klor* [Fundamental electronic library. Russian literature and folklore] // URL: http://feb-web.ru/feb/feb/folk.htm (date of access: 25.05.2022) (in Russ.).

19. *Elektronnye publikacii Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo doma) RAN*. [Electronic publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS] // URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10331(date of access: 25.05.2022) (in Russ.).

20. *Elektronnyj resurs ob"ektov nematerial'nogo kul'turnogo naslediya narodov Respubliki Bashkortostan* [Electronic resource of objects of intangible cultural heritage of the peoples of the Republic of Bashkortostan] // URL: https://onknrb.bashmusic.net/ (date of access: 25.05.2022) (in Russ. and Bashkir).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-72-77
УДК 39+908 (470.57) + 398

Г.Р. Шагапова

ИГРОВАЯ КУЛЬТУРА БАШКИР В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ А.М. СУЛЕЙМАНОВА

Аннотация

В 2022 г. Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы отмечает две даты: 55 лет со дня основания университета и 30 лет факультету башкирской филологии. На факультете башкирской филологии с 2006 по 2016 г. работал д. филол. н., проф. А.М. Сулейманов.

Многогранное научное наследие А.М. Сулейманова еще предстоит изучить исследователям. В предлагаемой ниже статье говорится о его работе в университете и об одном из направлений его деятельности, а именно изучении игровой культуры и игрового фольклора, которое и пришлось на последние годы его жизни, на годы работы в вузе. Автор статьи останавливается на биографии ученого, делая упор на годы работы в Акмуллинском университете, на работе со студентами, на развитии фольклорной составляющей учебного процесса. Подробно исследовано становление творческой мысли ученого в изучении игровой культуры, начиная от первой публикации в Горно-Алтайске в 1995 г. и заканчивая изданием монографий в начале второго десятилетия XXI в.

Показана преемственность традиций на факультете башкирской филологии: функционирует кабинет им. А. Сулейманова; в 2022 г. открыт научно-исследовательский центр башкирского фольклора, считающий себя восприемником идей ученого.

Ключевые слова: А.М. Сулейманов, башкирский фольклор, игровой фольклор, башкирские игры, научное наследие, БГПУ им. М. Акмуллы

Gul'kay R. Shagapova

BASHKIR GAMING CULTURE IN THE SCIENTIFIC HERITAGE OF A.M. SULEYMANOV

Abstract

In 2022, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla celebrates two dates: 55 years since the foundation of the university and 30 years of the Faculty of Bashkir Philology. From 2006 to 2016, Doctor of Philology, Professor Akhmet Mukhametvaleevich Suleymanov worked at the faculty.

A.M. Suleymanov's rich scientific heritage will still be studied. The article talks about his work at the university and about the scientist's study of gaming culture and gaming folklore of the Bashkir people. His research on this topic occurred in the last years of his life, during the years of work at a pedagogical university. The author of the article dwells on the biography of the scientist, focusing on the years of work at Akmulla University, on working with students, on the development of folklore studies at the university. The formation of the scientist's scientific thought in the study of gaming culture is studied in detail, starting from the first publication in Gorno-Altaysk in 1995 and ending with the publication of monographs at the beginning of the second decade of the XXI century.

The continuity of traditions at the Faculty of Bashkir Philology is shown: the A. Suleymanov cabinet is functioning; in 2022, a research center of Bashkir folklore was opened, which considers itself the recipient of the scientist's ideas.

Шагапова Гулькай Рахимьяновна, *кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры башкирского языка и литературы факультета башкирской филологии Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа), e-mail: shagapovanfbgu@mail.ru*

Gul'kay R. Shagapova, *Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Bashkir Language and Literature of the Faculty of Bashkir Philology, Bashkir State Pedagogical University. M. Akmulla (Ufa), e-mail: shagapovanfbgu@mail.ru*

© Шагапова Г.Р., 2022

Key words: A.M. Suleymanov, Bashkir folklore, game folklore, Bashkir games, scientific heritage, BSPU named after M. Akmulla

В истории изучения фольклористики Башкортостана глубокий след оставил А.М. Сулейманов, и то, что он стоит в первых рядах исследователей, воспринимается как неоспоримый факт. Несмотря на то, что его исследования были связаны с башкирскими сказками и легендами – кандидатская диссертация Ахмета Сулейманова была посвящена легендам и преданиям башкирского народа, а докторская – исследованию башкирских сказок – сфера его интересов была намного шире [4; 7]. Ученый хорошо известен как автор, составитель научного аппарата ряда томов «Башкирского народного творчества» («Башҡорт халыҡ ижады»), научных монографий и учебных пособий, большого количества статей и публикаций, из под его пера вышло почти пятьсот наименований, среди которых около сорока работ – это солидные сборники и авторские монографии [2]. Но здесь мы рассмотрим только одно из направлений в научных изысканиях А.М. Сулейманова, которое прекрасно вписывается в канву его исследований, но еще не получило своей должной оценки, а именно об игровом фольклоре. Ставится задача проанализировать развитие темы игрового фольклора от первой статьи ученого в 1995 г. до обобщающих работ 2007–2012 гг.

Биография А.М. Сулейманова довольно типична для советского ученого XX в. Родился он в деревне Набиево Бурзянского района БАССР, в возрасте 23 лет Ахмет Сулейманов поступает в Башкирский государственный университет. В 1962 г. он связал свою жизнь с филологической наукой и преподаванием. После окончания университета в 1967 г., он был направлен в Набиевскую среднюю школу учителем башкирского языка и литературы. Параллельно молодой специалист работал над темой кандидатской диссертации, и когда в 1972 г. А. Сулейманов поступил на работу в БашГУ, то он уже через год защитил кандидатскую диссертацию, посвященную легендам и преданиям башкир [7].

После блестящей защиты докторской диссертации в 1991 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова, А.М. Сулейманов переходит на работу в институт истории, языка и литературы УНЦ РАН заведующим отделом фольклора и искусства [4]. 90-е годы XX в. вошли в историю подъемом национального самосознания народов России, и, не удивительно, что как истинный сын своего народа, Ахмет Мухаметвалеевич находился в центре башкирского национального движения, возглавив в 2002–2006 гг. Исполком Всемирного курултая башкир.

После окончания выборного срока в 2006 г., А. Сулейманов приходит на работу в БГПУ им. М. Акмуллы. В личном деле Ахмета Мухаметвалеевича, хранящегося в архиве педагогического университета, имеется запись, что на основании приказа №1496к. от 01.09.2006 г. А.М. Сулейманов был принят на работу штатным совместителем на кафедру башкирской литературы и культуры. В должности профессора кафедры он работал 10 лет, вплоть до своей кончины. Таким образом, последний творческий этап жизни ученого оказался связан с факультетом башкирской филологии БГПУ. В частности, он вел курсы по фольклору, возглавлял фольклорные экспедиции в 2007–2009 гг. Со слов дочери профессора Л.А. Иткуловой известно, что тогда была предпринята попытка записи фольклора с учетом диалектных особенностей языка. Подобное направление прочно заняло позиции и в русской фольклористике.

В сентябре 2009 г. в БГПУ открывается лингвометодический центр по изучению проблем национальных и государственных языков РБ, и одним из его создателей в должности старшего научного сотрудника стал А. Сулейманов. Так, на факультете башкирской филологии появляется лаборатория фольклора. В том же году проф. А.М. Сулейманов становится лауреатом премии им. М. Акмуллы. В 2014 г. он стал также лауреатом премии им. Салавата Юлаева.

О творческой, искренней и полной отдачи работе с молодыми филологами свидетельствует справка из личного дела о результатах анкетирования «Преподаватель глазами студентов». При максимуме баллов 100% у профессора Сулейманова средний балл составлял 99,6%.

Именно на годы работы в БГПУ им. М. Акмуллы пришлись исследования А.М. Сулейманова по играм и игровому фольклору башкир.

За 2004–2012 гг. им было написано и опубликовано не менее 10 работ по детскому фольклору, в том числе и 6 монографий, сборников, учебных пособий.

Очевидно, материал подобного рода собирается длительное время. Автор данных строк помнит выступление Ахмета Мухаметвалеевича на Ученом Совете в ИИЯЛ УФИЦ РАН в 1999 г., в котором он говорил о намерении подготовки соответствующего тома «Башкирского народного творчества». Следовательно, уже тогда была начата работа по подготовке публикаций по игровому фольклору. Об этом же свидетельствует статья о башкирских считалках в материалах конференции 1995 г., где мы видим, пожалуй, первое обращение к этой теме со стороны ученого [6]. Исходя из классификации Г. Виноградова, автор выделяет в детском фольклоре присказки, приговоры, считалки и подробно останавливается на последнем. Им были выделены считалки-приговоры, где последняя фраза маркирует игрока как вошедшего в игру. Редко встречается вариант сюжетных считалок, поскольку, по мнению автора, полнота сюжета и многообразие компонента им не присуща. В то же время, Сулейманов признается, что в считалках присутствует некое эпическое начало. Считалки-диалоги, отмечает ученый, констатируют действие здесь и сейчас и не имеют продолжения. Выделяются считалки иноязычного происхождения, по его мнению, пришедшие в башкирский язык из чувашского, русского и др. языков. Многие положения статьи в дальнейшем войдут в его монографию по играм башкирских детей.

В 2001 г. в журнале «Башҡортостан уҡытыусыһы» выходит статья «Бала саҡаның ауыҙ-тел ижады» («Детский словесный фольклор») [9; 10]. Публикация не получает широкую известность, но для понимания нашей темы имеет важное значение, поскольку показывает дальнейшее развитие мысли. Мы видим, что А. Сулейманов вводит здесь понятие «игры», рассуждает о считалках, игровых прибаутках и т.д. Формат статьи не позволил автору дать сведения об информаторах и о географии игр, и этот пробел будет восполнен в дальнейшем. Анализ двух вышеназванных публикаций показывает, что они носили программный характер, и были ничем иным как планом-проспектом будущей книги.

Вершиной в изучении башкирских игр стала монография А.М. Сулейманова «Детский игровой фольклор» [8]. Здесь мы видим все достоинства научного издания: теоретический анализ проблемы, классификация материала, семантический анализ игр, подробный список информаторов, нотное приложение и прочее. Книга, вышедшая тиражом почти в 6500 экземпляров, довольно быстро разошлась, что свидетельствует о ее успехе.

Свое исследование автор разделил на три большие и в определенной степени самостоятельные части: «Начало игры и правила проведения игры», «Игровой фольклор», «Речевые дразнилки». Интересно выглядит метод ссылки на информаторов, не совсем стандартный, но абсолютно удобный.

В первой части рассмотрены считалки, жеребьевки, игровые присказки и здесь есть увлекательные рассуждения о древности жанра, его формате и тайнах, в нем скрытых. К примеру, автор демонстрирует примеры скрытого счета, клятвы на соли, огне, хлебе, призыв в свидетелей солнца и пр. Именно здесь видны характерные элементы языческого мышления, дошедшие до нас: скрытый счет, который можно понять, понимая рифму и считая слоги, скрытые имена людей и предметов. Развита заявленная в ранних статьях мысль о сюжетных считалках или о тех, в которых мы видим законченное действие или событие. Ученый видит в них отражение событий как реалистических, так и выдуманных (фантастических, согласно терминологии автора), где один сюжет вытекает из другого, создавая цепочку текста, завершающегося комическим взрывом в конце [8, с. 47–49]. Любопытным смотрится предложенная идея выделения считалки-мотива, где события выражены одним предложением. Не остались без внимания диалоговые считалки, среди которых привлекают рассуждения о пересчете «Абзый-ағай тоҙға бара» и считалки, заимствованные с иных языков, где обнаруживаются слова из русского, чувашского, финнского, угорских языков. Своеобразная поэтика считалок, имеющая много общего с другими жанрами фолькора, рассмотрена А.М. Сулеймановым на страницах 91–108, и, и конечно же, он анализирует в игровом фольклоре следы древнейшей культуры башкир, например, отсутствие счета, сакральность слов, имен.

Вторая часть работы посвящена изучению игр и игрового фольклора, где автор прибегает к принятой классификации игровой культуры: игры, соревнования, игры с мячом, игры с палками, камнями, игры на внимание. В данном разделе под римской цифрой II рассмотрена история игровой культуры: констатируется связь с первобытными обрядами инициаций, А. Сулейманов протягивает цепочку к современным играм, поясняя, что суть игры остается неизменным, но в играх происходит смена персонажей, внешней атрибутики и пр. Разъясняются социальные, исторические, общественные функции игры. Автор регулярно проводит параллель между играми и сказками, справедливо предполагая между ними много общего. Но в тоже время, отмечается, что игра и сказка происходят из мифов, что также объясняет общность сюжетов.

Третья часть книги условно можно перевести как дразнилки. Здесь А. Сулейманов касается такой известной грани детского фольклора, как дразнилки. Фактически, здесь даны варианты безграничной детской фантазии придумывать рифму применительно к любому предмету окружающего мира: птиц, животных, иных живых существ, имен людей, событий, действий, черт характера и пр. Одним словом, то, что обычно не попадает в поле зрения взрослых и фольклористов, но является неотъемлемой частью детской жизни.

Говоря о творчестве ученого, принято давать и критику. Как ученый-фольклорист Ахмет Мухаметвалеевич принадлежал к советской (марксистской) научной школе, которая изучала фольклор как социально обусловленное явление, уделяла внимание отражению действительности в устном народном творчестве, борьбе народных масс. Отдельно стояла тема изучения взаимодействия фольклора народов и его влияния друг на друга. Поэтому мы и видим стремление автора связать игровой фольклор с хозяйственной, бытовой деятельностью, выявление в играх бедных и богатых, униженных и сильных [7, с. 207–208]. Безусловно, нельзя отрицать отражение в фольклоре социальных явлений, хозяйственной деятельности, но они не первичны, а вторичны. Порой и сам автор отходит от исторической школы, приближаясь по своим позициям к мифологической школе, что хорошо видно, к примеру, в анализе скрытого счета, сакральности считалок, анализе сюжетных считалок, истории формирования игровой культуры башкир. И все же, порой выводы о сюжетных считалках, иноязычных заимствованиях и происхождения ряда игр в работе А. Сулейманова можно оспорить. К примеру, вывод об иноязычных заимствованиях в считалках очевиден для региона Урала и Поволжья, но не «работает» за ее пределами. Считалка «Ани, бани, тур кантуры…» есть не только у башкир, чувашей и др., но и у народов Восточной, Центральной, Западной Европы *(сравни «Эники, беники, ели вареники…»)*. Подобные примеры, которых немало, свидетельствуют о других, очень отдаленных от нас по времени процессах складывания игровой культуры, изучение которых еще только начинается.

Материал, лежащий в основе работы, чрезвычайно глубок и тщательно проработан автором, но относится он, преимущественно, к южным, юго-восточным и восточным башкирам. Следовательно, из поля зрения выпадает добрая половина территория расселения башкир.

Текст монографии написан на башкирском языке, что является одновременно и достоинством, и недостатком. Богатый и красивый язык, приводимые в изобилии фольклорные материалы делают ее интересной, легко читаемой. Но именно это достоинство существенно ограничивает круг читателей, что особенно актуально для специалистов по фольклору за пределами | региона. Поэтому необходим перевод монографии на русский язык.

Сказанное нисколько не умаляет значения работы А.М. Сулейманова, напротив, заставляет задуматься, ставит перед последующими поколениями исследователей новые задачи.

В 2008 г. выходит двухтомник «БаларЎын ҡарўуЎе», («Повествовательный фольклора башкирского народа»). С точки зрения нашей темы это была публикация материалов, которые тематически не подходили к монографии, не вошли в многотомник «Башкирское народное творчество». Надо сказать, что такой прием оказался неплохим решением и в какой-то степени продолжением исследований [11; 12].

Под руководством проф. А.М. Сулейманова в 2011 г. С.М. Кагармановой была защищена кандидатская диссертация на тему «Башкирский детский фольклор: жанровый состав и поэтика», в которой диссертант обобщает исследования по башкирскому детскому фолькору, опубликованному в XX – начале XXI в. [3]. Также необходимо упомянуть, что в эти годы для студентов

факультета башкирской филологии БГПУ им были подготовлены учебные пособия и методички по сбору детского фольклора *(библиографическая ссылка отсутствует – замеч. автора)*.

Идея книг 2007 и 2008 гг. была апробирована автором в 2004 г. в издании на русском языке «Башкирский детский фольклор». Книга состоит из восьми разделов, куда вошли считалки, игры, в том числе и словесные, сказки, небылицы, загадки, поговорки и пословицы, то есть в нее вошли все жанры игрового фольклора детей. Но для Ахмета Сулейманова было очевидно, что считалки и игры, изучаемые им с точки зрения науки, требуют самостоятельного издания, а словесный фольклор детей – отдельной публикации, более масштабной и интересной [5].

Позже, в соавторстве с другим, не менее видным фольклористом И.Г. Галяутдиновым, в Башкирском госпедуниверситете в 2011 г. было опубликовано учебное пособие «Башкирский детский фольклор». Раздел подвижных игр написан И.Г. Галяутдиновым, раздел фольклора и остальных игр – А.М. Сулеймановым [1]. Долгие годы они паралелльно, каждый в своем направлении, изучали игровую культуру башкирского этноса, и это издание суммировало их публикации. Отметим, что и в издании 2004 г. А.М. Сулейманов уже использовал материалы И.Г. Галяутдинова [5, с. 3].

Как видим, А.М. Сулеймановым поставлены серьезные теоретические задачи и решены в ряде случаев – систематизация, выделение жанров игрового фольклора, изучение считалок и пр. Ученым был поднят огромный пласт игрового фольклора башкирского этноса, его труды по игровому фольклору заложили большой фундамент для будущих исследователей и исследований. Тема оказалась очень обширной, поэтому исследования в этом направлении будут развиваться. И здесь догадки и гипотезы будут чрезвычайно полезны будущим исследователям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Галяутдинов И.Г., Сулейманов А.М.* Башкирский детский фольклор. Уфа: Китап, 2011. 179 с.

2. *Иткулова Л.А., Хуббитдинова Н.А.* Творческие ступени профессора Ахмета Сулейманова: Биобиблиографический указатель. Уфа: Издательство «Гилем», 2011. 28 с.

3. *Кагарманова С.М.* Башкирский детский фольклор: жанровый состав и поэтика: автореферат дис… . канд. фил. н. Казань, 2011. 28 с.

4. *Сулейманов А.М.* Башкирские народные бытовые сказки: особенности сюжетного состава, типологии персонажей, жанровой проблематики ипоэтики:специальность10.01.09«Фольклористика»: автореферат дис... д. филол. н. Москва, 1991. 41 с.

5. *Сулейманов А.М.* Башкирский детский фольклор. Уфа: ГУП Полиграфический комбинат, 2004. 144 с.

6. *Сулейманов А.М.* Считалки в башкирском игровом детском фольклоре // Алтай и тюрко-монгольский мир: Тезисы и статьи. Конференция, посвященная 70-летнему юбилею исследователя алтайского фольклора С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, Г-Алт. ин-т гуманитарных исследований, 1995. С. 53–56.

7. *Сулейманов А.М.* Исторические основы и идейно-эстетические функции топонимических легенд и преданий башкирского народа: специальность 10.01.09 «Фольклористика»: автореферат дис... к. филол. н. Уфа, 1973. 18 с.

8. *Сөләймәнов Ә.М.* Бала-сағаның уйын фольклоры. Өфө: Китап, 2007. 344 б. (*Сулейманов А.М.* Детский игровой фольклор. Уфа: Китап, 2007. 344 с.).

9. *Сөләймәнов Ә.М.* Балалар фольклоры (Уйын фольклоры хаќында) // Башќортостан уќытыусыўы. 2001. № 10. 35–36-сы бб. (Сулейманов А.М. Детский фольклор (О детском игровом фольклоре) // Учитель Башкортостана. 2001. № 10. С. 35–36).

10. *Сөләймәнов Ә.М.* Бала-саһаныҒ ауыЎ-тел ижады // Башќортостан уќытыусыўы. 2001. № 11. 41–45-се бб. (*Сулейманов А.М.* Детский словесный фольклор // Учитель Башкортостана. 2001. № 11. С. 41–45).

11. *Сөләймәнов Ә.М.* Башќорт балаларыныҒ ќарўЈЎе. Ґфһ: Китап, 2008. 1-се китап. 244 б. (*Сулейманов А.М* Повествовательный фольклор башкирских детей. Уфа: Китап, 2008. Кн. 1. 244 с.).

12. *Сөләймәнов Ә.М.* Башќорт балаларының ҡарһүҙе. Ґфһ: Китап, 2008. 2-се китап. 240 с. (*Сулейманов А.М* Повествовательный фольклор башкирских детей. Уфа: Китап, 2008. Кн. 2. 240 с.).

REFERENCES

1. Galyautdinov, I.G., Sulejmanov, A.M. *Bashkirskij detskij fol`kor* [Bashkir children's folklore.]. Ufa: Kitap, 2011. 179 p. (in Russ.).

2. Itkulova, L.A., Khubbitdinova, N.A. *Tvorcheskie stupeni professora Akhmeta Sulejmanova: Biobibliograficheskij ukazatel`* [Creative stages of Professor Akhmet Suleymanov: Bio-bibliographic index]. Ufa: Izdatel`stvo «Gilem», 2011. 28 p. (in Russ.).

3. Kagarmanova, S.M. *Bashkirskij detskij fol`klor: zhanrovy`j sostav i poe`tika (dissertacziya na bashkirskom yazy`ke)* [Bashkir children's folklore: genre composition and poetics]. PhD Thesis. Kazan`, 2011. 28 p. (in Russ.).

4. Sulejmanov, A.M. *Bashkirskie narodny`e by`tovy`e skazki: osobennosti syuzhetnogo sostava, tipologii personazhej, zhanrovoj problematiki i poe`tiki* [Bashkir folk household tales: features of the plot composition, typology of characters, genre issues and poetics]. PhD Thesis. Moscow, 1991. 41 p. (in Russ.).

5. Sulejmanov, A.M. *Bashkirskij detskij fol`klo*r [Bashkir children's folklore]. Ufa: GUP poligraficheskij kombinat, 2004. 144 p. (in Russ.).

6. Sulejmanov, A.M. *Schitalki v bashkirskom igrovom detskom fol`klore* [Counting in Bashkir children's folklore]. In: Altaj i tyurko-mongol`skij mir: Tezisy` i stat`i. Konfetrencziya, posvyashhennaya 70-letnemu yubileyu issledovatelya altajskogo fol`klora S.S. Surazakova [Altai and the Turkic-Mongolian world: Theses and articles. Conference dedicated to the 70th anniversary of the researcher of Altai folklore S.S. Surazakov. Gorno-Altaysk, G-Alt.Institute of Humanitarian Studies]. Gorno-Altajsk, 1995. P. 53–56. (in Russ.).

7. Sulejmanov, A.M. *Istoricheskie osnovy` i idejno-e`steticheskie funkczii toponimicheskikh legend i predanij bashkirskogo naroda* [Historical foundations and ideological and aesthetic functions of toponymic legends and legends of the Bashkir people]. PhD Thesis. Ufa, 1973. 18 p. (in Russ.).

8. Sulejmanov, A.M. *Detskij igrovoj fol'klor* [Children's folklore game]. Ufa: Kitap, 2007. 344 p. (in Bashkir).

9. Sulejmanov, A.M. *Detskij fol'klor (O detskom igrovom fol'klore)* [Children's folklore (about game folklore)]. In: Uchitel' Bashkortostana [Teacher of Bashkortostan]. 2001. No. 10. P. 35–36. (in Bashkir).

10. Sulejmanov, A.M. Detskij slovesnyj fol'klor [Children's verbal folklore]. In: Uchitel' Bashkortostana [Teacher of Bashkortostan]. 2001. No. 11. P. 41–45. (in Bashkir).

11. Sulejmanov, A.M. *Povestvovatel'nyj fol'klor bashkirskih detej* [Narrative folklore of Bashkir children]. Ufa: Kitap, 2008. Book 1. 244 p. (in Bashkir).

12. Sulejmanov, A.M. *Povestvovatel'nyj fol'klor bashkirskih detej* [Narrative folklore of Bashkir children]. Ufa: Kitap, 2008. Book 2. 240 p. (in Bashkir)..

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-78-83
УДК 930.85

Н.Р. Салих

АРАБОГРАФИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА СВЕТСКОГО ХАРАКТЕРА В ИНСТИТУТЕ РУКОПИСЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНА

Аннотация

Статья посвящена арабографичным историко-культурным памятникам, сосредоточенным в одном из крупнейших хранилищ этих источников на постсоветском пространстве – Институте рукописей Национальной академии наук Азербайджана. Объектом исследования послужили арабографичные произведения светского характера, относящиеся к таким разделам как: риторика, грамматика арабского языка, астрономия и медицина. В результате исследования был определен ряд значимых и наиболее часто переписываемых средневековых произведений, которые, по всей видимости, были в большей степени востребованы в мусульманском обществе Востока в определенный исторический период. Анализ источников и основные выводы были осуществлены в результате исследования вышеуказанного фонда хранения, проведенного в рамках научной командировки автора в г. Баку (июнь–июль 2021 г.).

Ключевые слова: историко-культурное наследие, фонд, архивный источник, арабографичные рукописи, | анализ источников, Институт рукописей Национальной академии наук Азербайджана

Nadir R. Salikh

ARABOGRAPHIC LITERATURE OF A SECULAR NATURE AT THE INSTITUTE OF MANUSCRIPTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF AZERBAIJAN

Abstract

Article is devoted to arabographic historical and cultural monuments, concentrated in one of the largest repositories of these sources in the post–Soviet space - the Institute of Manuscripts of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Baku). The object of the study was Arabographic works of scientific content related to such sections as: grammar of the Arabic language, rhetoric, medicine and astronomy, the total number of which amounted to 434 sources. As a result of the study, a number of significant and most frequently rewritten medieval works were identified, which, apparently, were more in demand in the Muslim society of the East in a certain historical period. The conclusions were made as a result of a study of the above-mentioned storage fund conducted as part of the author's scientific trip to Baku (June-July 2021).

Key words: historical and cultural heritage, foundation, archival source, Arabic manuscripts, sourse analysis, Institute of Manuscripts of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

---

Салих Надир Рамилевич, *кандидат исторических наук, доцент кафедры истории РБ, этнологии и археологии, Уфимский университет науки и технологий (Уфа) e-mail: nadir_ufa@mail.ru*

Nadir R. Salikh, *Cand. Sci. (History), assistant professor of the department of the history of the Republic of Bashkortostan, ethnology and archeology, Ufa University of Science and Technology (Ufa), e-mail: nadir_ufa@mail.ru*

© Салих Н.Р., 2022

Изучение богатого наследия прошлого, исследование социально-политической истории народов Востока, выявление новых источников по исследованию духовной культуры и взаимоотношения культур сопредельных регионов, становление, формирование и развитие художественно-эстетического и философского мировоззрения людей, изучение вопросов распространения и влияния идеологии ислама, требует в первую очередь определения первоисточников и создания на их основе подлинной истории культуры народов. Все вышеперечисленное по праву можно считать главными задачами современного востоковедения. В этой связи актуальность приобретает изучение арабографичного историко-культурного наследия Азербайджана, где сосредоточен огромный пласт арабографичных памятников, охватывающих весь круг средневековых восточных дисциплин, среди которых немало уникальных памятников письменности.

Основанный на базе Республиканского рукописного фонда в 1986 г. Институт рукописей Национальной академии наук Азербайджана – ныне Институт рукописей имени Мухаммеда Физули Национальной академии наук Азербайджана (далее ИР НАНА) располагает уникальной коллекцией рукописей на арабском, персидском, турецком, азербайджанском и других языках. Основу собрания рукописей и архивных материалов фонда составляют коллекции и личные библиотеки видных представителей азербайджанской интеллигенции XIX– начала XX в. – А.А. Бакиханова, М.Ф. Ахундова, Бахман Мирзы, Абдул Гани Халисагарызаде, Хусейн эфенди Гаибова и др. [1, с. 6].

Со времени организации самостоятельного научно-исследовательского учреждения в системе академии наук институт превратился в одно из крупнейших хранилищ рукописных книг на постсоветском пространстве, а по содержанию и уникальности средневековых арабографичных произведений он не уступает знаменитым книгохранилищам мира.

На сегодняшний день в ИР НАНА хранится более 40 тыс. средневековых рукописей, исторических документов, старопечатных книг, дореволюционных газет и журналов, а также архивные материалы выдающихся деятелей азербайджанской литературы и культуры XIX–XX вв. [2, с. 37].

Арабографичные рукописные произведения фонда представляют собой как фундаментальные, так и редкие, уникальные труды по науке, религии, литературе и т.д.

Объектом исследования данной статьи послужили арабографичные произведения научного содержания ИР НАНА. Общее количество изученных нами источников составило 434 рукописей, тематически относящихся к разделам: грамматика арабского языка, риторика, медицина и астрономия.

Актуальность темы также обоснована тем, что данные источники вводятся в научный оборот впервые. Методология исследования строилась на авторском методе количественной, тематической и хронологической классификаций рукописных источников, который ранее был апробирован в некоторых публикациях автора [3]. Из вышесказанного исходит цель данной статьи, которая заключается в историческом анализе и осмыслении корпуса арабографичных источников, сосредоточенных на территориях постсоветского пространства (на примере рукописных памятников Азербайджана).

Из произведений по грамматике арабского языка, хранящихся в фонде, в первую очередь следует выделить труд Магрибского (марокканского) ученого начала XIV в. **ابن داود ابن اجروم الصنهاجي ابو عبدالله محمد** (Ас-Санхаджи Абу Абдаллах Мухаммада б. Мухаммада б. Дауда б. Аджуррума) (1283–1322 гг.) под названием **«الاجرومية» «Аль-Аджуррумия» (Введение в грамматику «Аджуррума»)**. Трактат представляет собой краткий грамматический учебник арабского языка для начального уровня владения и состоит из 6 страниц. «Аль-Аджрумия» пользовался большой популярностью во всех мусульманских странах. По этой причине к этому произведению в разные века создавались многочисленные комментарии и глоссы. В ИР НАНА хранится 83 списка данного сочинения, из которых самый ранний был переписан в в 1748 г. [4, Р-№21, Б-5089]. Большинство списков были созданы в период 2-ой пол. XVIII–XIX в. [4, Р-№7-18, Р-№20, Р-№22-36, Р-№37-62, Р-№64-80, Р-№82, Р-№84-89]. Примечательно, что труд «Аль-Аджуррумия» активно переписывался и в начале XX в., о чем говорят его списки [Р-№19, Б-773; Р-№63, Б-5330; Р-№81, Б-4400; Р-№83, С-827], самый поздний из которых был создан в 1917 г. [4, Р-№37, Б-4440]. Наличие большого количества списков данного произведения в главном фонде хранения арабографичных рукописей Азербайджана, локация переписки и имена переписчиков, большинство из которых, по всей видимости, являлись азербайджанцами по происхождению, говорит о том,

что данное произведение по грамматике Аджуррума, вероятно, пользовалось большой популярностью при постижении азов арабского языка местным населением в период XVIII–начала XX в.

Известностью могли пользоваться и комментарии к данному произведению, о чем говорит наличие в фонде хранения грамматического произведения «شرح الاجرومية في النحو» «Шарх аль-Аджуррумия фи ан-нахв» («Комментарии к «аль-Аджуррумия» по грамматике») одного из известных комментаторов XV в. الازهري الجرجاوى زينالدين خالد بن عبدالله بن ابو بكر Зайнаддина Халида бин Абдаллаха бин Абу Бакра аль-Азхари аль-Джурджани (ум. в 1499 г.). Комментарий аль-Азхари хранится в ИР НАНА в единственном экземпляре, который переписал местный переписчик по имени الحاج القشقاي بن نابي افندى аль-Хадж аль-Кишлаки бин Наби Эфенди во второй половине XIX в. [4, Р-№90, Б-1732].

К грамматическим произведениям по арабскому языку, хранящимся в фонде ИР НАНА также относится сочинение «اظهار الاسرار في النحو» **«Азхар аль-асрар фи ан-нахв» («Выявление тайн грамматики»)** выдающего ученого-филолога арабского языка محي الدين البركوي محمد بن بير علي **Мухаммада бин Пира Мухйи ад-Дина аль-Биркави** (1523–1573 гг.). «Выявление тайн грамматики» представляет собой популярный во всем мусульманском мире учебник арабского языка. Трактат состоит из трех частей. Первая часть посвящена субъекту (العامل), вторая часть – объекту (المعمول), третья – имени действия. Всего экземпляров данного произведения в фонде насчитывается в количестве 103 рукописей, самая ранняя из которых была переписана в 1781 г. [4, Р-№411, Б-2354], самая поздняя – в 1933 г. [4, Р-№409, С-863]. Остальные экземпляры в основном являются переписками XIX в. [4, Р-№323-408, Р-№410, Р№412-425]. К данному сочинению в фонде имеется несколько комментариев: 1) «حل السرار الاخيار الى اعراب اظهار الاسرار» **(«Раскрытие тайн флексии «Изхар аль-асрар»»)** автора زيني زاده حسين بن احمد **автора Зайнизады Хусайна бин Ахмада (XVIII в.).** Описываемый труд представляет собой популярный комментарий к произведению аль-Биркави, переписанный в 1739 г. [4, Р-№426, С-203]. Как пишет автор в предисловии своего труда, многие талантливые ученики Шамса Мухаммада аль-Биркави написали многочисленные комментарии к «Изхар аль-асрар». Друзья автора также попросили написать его комментарий, посвященный анализу особенностей флексии текста данного сочинения. 2) Другим комментарием к «Выявлению тайн грамматики» является анонимное учебное пособие «اعراب اظهار الاسرار» **«Играб изхар аль-асрар» («Флексия «Изхар аль-асрар»»)**, в котором дан анализ флексии грамматического труда аль-Бир-кави. Список был создан в период 1873–1874 гг. [4, Р-№427, Б-6212].

К другим фундаментальным трудам по грамматике арабского языка из исследованного нами фонда можно причислить сочинение одного из крупнейших лингвистов XIV в. عبد الله بن يوسف ابن هشام النحوى جمال الدين ابن محمد Ибн Хишама ан-Нахави Джамал ад-Дина Аби Мухаммада Абдаллах бин Юсуфа (1308–1344 гг.) под названием «اعراب عن قواعد الاعراب» **«Играб ан каваид аль-играб» «Суждение о правилах флексии».** Книга «Флексий» Ибн Хишама представляла собой наиболее компактный и удобный для изучения учебник по синтаксису арабского языка, пользовалась большой популярностью и, вероятно, служила основным учебником по грамматике арабского языка в местных мусульманских школах. Книга состоит из четырех разделов: 1. «Предложения и их правила»; 2. «Переходный глагол и прямое дополнение»; 3. «Двадцать слов»; 4. «Заметки об именном предложении». Списков этого сочинения в ИР НАНА большое количество – 92 экземпляра [4, Р-№427-438, Р-№440-444, Р-№446-519], самый ранний из которых был переписан в 1732 г. [4, Р-№445, Б-1452], самый поздний – в 1907 г. [4, Р-439, Б-4079].

Из научных произведений фонда арабографичных рукописей ИР НАНА также вызывают интерес труды по риторике, а именно относящиеся к одному из ее разделов – искусству ведения полемики. Ярким примером сочинений по данному разделу является труд автора الصديقي الظفرى الشرازى الايجي عضدالدين عبدارحمان بن احمد بن عبدالغفار الصديقي Аль-Иджи Адуд ад-Дина бин Ахмада бин Абд аль-Гаффара ас-Сыддикы аз-Зафри аш-Ширази (1281–1355 гг.) под названием «اداب البحث» **«Адаб аль-бахс» («Приемы полемики»).** Это широко известный и распространенный трактат об искусстве ведения полемики, состоящий всего из 10 строк. Трактат также известен под названиями: «البحث الرسالة في اداب» «Ар-Рисаля фи адаб аль-бахс» («Трактат о приемах полемики»), «الرسالة العضودية» «Ар-рисаля аль-Адудия» («Трактат Адуда»), «الخلاف رسالة المناظرة و» «Рисаля аль-муназара ва аль-халяф» («Трактат о ведении спора и воз-

ражений»). В исследуемом фонде хранится 13 списков данного произведения, из которых самый ранний был переписан в 1644 г. [4, Р-№122, Б-6674], самый поздний – в 1867 г. [4, Р-№ 116, Б-4024]. Примечательно, что в фонде имеется несколько произведений, являющихся комментариями к труду «Адаб аль-бахс»: 1) **«شرح اداب البحث» «Шарх Адаб аль-бахс» (Комментарий к трактату о приемах полемики)** автора **التبريزى القراباغي محمد الحنفي Аль-Карабаги Мухаммада аль-Ханафи ат-Табризи** (ум. в 1495 г). Этот шарх по праву можно считать одним из самых содержательных и популярных комментариев к вышеописанному «Трактату по полемике» Адуд ад-Дина аль-Иджи. Автор комментария Мулла Мухаммад Карабаги ат-Табризи, азербайджанский ученый XV в., родился и получил первоначальное образование в Карбахе, затем для повышения уровня своих знаний переехал в г. Тебриз. Отсюда в его имени присутствуют названия двух указанных местностей.

Комментарий Аль-Карабаги, более известный как «аль-Ханафия», до начала XX в. служил учебным пособием по риторике в высших учебных заведениях Азербайджана и других мусульманских стран. Его востребованность в определенные исторические периоды очевидна, поскольку списки одни из наиболее многочисленных в ИР НАНА и составляют 84 экземпляра хранения. Самым ранним списком является переписанный в 1644 г. [4, Р-№173, Б-6674]. Кроме него к спискам XVII в. относятся еще 5 экземпляров [4, Р-№139, С-1030; Р-№159, Б-3212; Р-№170, Б-5677; Р-№173, Б-6674; Р-№202, Б-5126.]. К самой поздней рукописи с содержанием этого произведения можно отнести список 1903 г. [4, Р-№175, Б-5595.]. Также к началу XX в. относится еще один экземпляр переписки 1902 г. [4, Р-№150, Б-4978]. Немалое количество списков фонда были созданы в XVIII в., общее количество которых составляет 12 экземпляров [4, Р-№128, Б-1404; Р-№132, Б-5909; Р-№145, Б 1996; Р-№177, б-5645; Р-№179, Б 4193; Р-№180, Б-3239; Р-№187, Б-1358; Р-№193, Б4266; Р-№201, Б-2030; Р-№204, Б-5271; Р-№208, Б-2354; Р-№210, Б-2247]. Остальные (64 списка) были переписаны в XIX в. [4, Р-№ 129-131, Р-№133-138, Р-№140-144, Р-№146-149, Р-№151-158, Р-№160-169, Р-№171, Р-№172, Р-№174, Р-№-176, Р-№178, Р-№181-186, Р-№188-192, Р-№194-200, Р-№203, Р-№205-207, Р-№209, Р-№211]. К комментарию Аль-Карабаги в фонде были обнаружены глоссы автора **الاردبيلي مير ابي الفتح محمد تاج السعيدى العراقي Аль-Ардабили Мир Аби аль-Фатх Мухаммада Тадж ас-Саиди аль-Ираки** (XV в.) под названием **«على الشرح للقراباغي على اداب البحث حاشية» «Хашия аля аш-шарх лиль-Карабаги аля Адаб аль-бахс»** (Глоссы к комментарию Карабаги к «Приемам полемики» аль-Иджи). Всего экземпляров глоссов аль-Ираки в ИР НАНА насчитывается 24 экземпляра, из которых самый ранний был переписан в 1646 г. [4, Р-№219, Б-8674], а самый поздний – в 1915 г. [4, Р-№236, Б-6384]. Остальные списки в своем большинсвте были созданы в период XVIII–XIX вв. [4, Р-№ 213-218, Р-№220-235, Р-№237-242].

2) Следующим комментарием к «Адаб аль-бахс» аль-Иджи следует считать труд автора **الاسفرائني ابراهيم بن محمد بن عرشاه** Аль-Исфарани Ибрахим бин Мухаммад бин Арабшах (ум. в 1537 г.) под тем же названием, что и произведение Аль-Карабаги – **«شرح اداب البحث»** «Шарх Адаб аль-бахс» (Комментарий к трактату о приемах полемики). Сам Исфарани являлся автором многочисленных комментариев и оригинальных научных трудов на арабском и персидском языках по грамматике, логике, стилистике, законоведению и др. Его шарх к трактату «Приемы полемики» является достаточно известным и редким сочинением, представляющим собой подстрочный комментарий, однако в ИВ НАНА хранится всего один список этого труда, переписанный иранским переписчиком Аль-Исфахани Мухаммадом бин Мухаммадом бин Али в 1828 г. [4, Р-№212, А-135].

В период позднего Средневековья и Нового времени помимо комментариев в книжной культуре восточных народов существовал жанр перефраза, представляющий собой изложение текста оригинала словами комментатора. Ярким тому примером служит произведение неизвестного автора **الويزوى احمد بن رمضان Аль-Вайзави Ахмада бин Рамадана** «البحث شرح اداب» **«Шарх Адаб аль бахс»**, являющееся перефразой «Приемов полемики» Аль-Иджи. В фонде имеется один экземпляр данного сочинения, переписанный в 1646 г. [4, Р-№213, Б-6674].

Еще один труд, относящийся к разделу искусства ведения полемики из фонда ИР НАНА, – произведение автора **الانطاكي شاه حسين افندى Аль-Антаки Шах Хусейна эфенди (ум. в 1717 г.)** под названием **«اداب البحث» «Адаб аль-бахс» («Приемы полемики»).** Этот небольшой трактат широко известен под другим названием

«الحسينية» «Аль-Хусайния». Общее их количество в фонде насчитывается 7 экземпляров, большинство из которых относится к спискам XIX в. (4 экземпляра) [4, Р-№246, Б-733; Р-№248, Б-4923; Р-№250, М-64; Р-№251, Б-2122], 3 списка созданы в XVIII в. [4, Р-245, Б-6151; Р-№247, Б-457; Р-№249, Б-4751]. По данному трактату написаны многочисленные обширные комментарии, среди которых широко распространен шарх رمع نب دمحم ىدنرادلا Мухаммада бин Умара ад-Даранди. Его трактат более известен под названием «العجالة» «Аль-Аджаля» («Скорописанное»). В исследованном нами фонде хранится 15 экземпляров данного произведения, самым ранним из которых является список 1705 г. [4, Р-№262, Б-2838], самый поздний переписан в 1892 г. [4, Р-263, Б-4378]. Остальные списки хронологический относятся к периоду второй половины XVIII–XIX в. [4, Р-№252, Б-5571; Р-№253, Б-6151-1; Р-№254, Б-5258; Р-№255, Б-4163; Р-№256, Б-6151; Р-№257, Б-4945; Р-№258, Б-4751; Р-№259, Б-3235; Р-№260, Б-1406; Р-№261, Б-3433; Р-№262, Б-2838; Р-№263, Б-4378; Р-№264, Б-6041; Р-№265, Б-4923; Р-№266, Б-6780].

Произведения по медицине в фонде представлены сборником трактатов под названием «الادوية مركبة» «Аль-адвия маркаба» («Сложные лекарства») куда вошли труды авторов: Абу Джафар Ахмад бин Ибрахим аль-Джаззар (ум. в 979 г.), Абу Хамид Мухаммад бин Али бин Умар Наджиб ад-Дин ас-Самарканди (ум. в 1222 г.). Хусайн бин Исхак (809–873 гг.), Абу Бакр Мухаммад бин Захария ар-Рази (ум. в 924 г.), Гален (ок. 130–ок. 200 г.).

Как показывает сличение текстов, список представляет собой часть некоего анонимного произведения, в котором излагается характеристика и способы применения лекарственных трав более сложного состава. Судя по заглавию текста, который в переводе на русский язык выглядит как «Раздел второй о сложных лекарственных травах», книга состояла из двух частей. Первая часть, по всей видимости, содержала правила применения и составления лекарственных трав. Сочинение представлено в фонде в единственном экземпляре в сборнике различных произведений 1883 г. [4, Р-№275, Б-2642].

Другим примечательным сочинением по медицине из фонда ИР НАНА следует выделить произведение под названием «الادوية المفردة» «Аль-адвия аль-муфрада» («Простые лекарства») средневекового автора ابو يعقوب اسحاق بن خنين Абу Якуба Исхака бин Хунайна (830–910 гг.), который являлся сыном знаменитого в мусульманском мире медика Хунайна б. Исхака (809–873 гг.). Абу Якуб знаменит также тем, что перевел с сирийского и греческого языков на арабский большое количество книг по медицине, логике и философии античных авторов: Аристотеля, Птолемея, Евклида и др.

Книга «Простые лекарства» состоит из 29 разделов, расположенных в алфавитном порядке. Автор дает каждому виду лекарственных средств подробную характеристику и разъясняет, против какой болезни следует ее применять. Сочинение является одним из первых крупных трудов в области фармацевтических наук, хоть и носит компилятивный характер, т.к. не является результатом собственных исследований автора. Источниками книги служили в основном трактаты античных греческих медиков – Гиппократа (460–377 г. до н.э.), Гелена (ок. 130–ок. 200 г.), Аристотеля (384–322 г. до н.э.). Произведение Абу Якуба Исхака бин Хунайна также представлено в ИР НАНА в единственном экземпляре [4, Р-№276, Б-5409].

В фонде также имеется сочинение по астрономии «اسطرلاب شمالي» «Астрляб шамалий» («Плоская астролябия»). Произведение находится внутри сборника, составителем и переписчиком которого является азербайджанский ученый и просветитель XIX в. محمد افندى بن ملا دبع عبد الغني بن الحاج محمد افندى بن ملا Абд аль-Гани бин аль-Хадж Мухаммад Эфенди бин Мулла ан-Нахави Хайлсакаризада. По всей видимости, данный труд представляет собой персидский перевод описываемого произведения. Ни в оригинале, ни в персидском переводе инициалы автора не указываются. В трактате излагается устройство астролябии – угломерного прибора, служившего вплоть до начала XX в. на Востоке для определения широт и долгот в астрономии, положений небесных светил и геодезических измерений. В предисловии описывается устройство астролябии, детально перечисляются все его части: подвеска, кольцо, камера, пластина, ручка, ось и т.д. В фонде ИР НАНА списки произведения «Плоская астролябия» представлены в 6 эземплярах, переписанные в период конца XVIII–первой половины XIX в. [4, Р-№307, Б-733; Р-№308, Б-283;7 Р-№309, Б-34; Р-№310, Б-2811; Р-№311, Б-2315; Р-№312, Б-4191].

Таким образом, проведена количественная, тематическая и хронологическая классификация арабографичных рукописных источников

светского характера, хранящихся в ИР НАНА, большинство из которых переписаны на арабском языке. Из мест переписки выделяются средневековые города, расположенные на современных территориях Ирана, Азербайджана, России (Дагестан), Узбекистана и Турции.

Кроме того, анализ арабографичных рукописей научного содержания ИР НАНА показал наличие целого пласта ценнейших арабографичных произведений, которые могут послужить источниками для изучения истории ислама, культуры, а также социально-экономического и политического развития мусульманских народов постсоветского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каграманов Дж.В.* Республиканский рукописный фонд АН Азерб. ССР // В сокровищнице рукописей. Баку, 1983. Т. VI. С. 125.

2. *Farid Alakbarli, Esmira Hajieva.* Medieval Medical Manuscripts from Baku in the Memory of the World Programme of Unesco (на англ.яз.) // Biomedicine International. 2010. № 1 P. 37–39.

3. *Салих Н.Р.* Арабографичные рукописи в Башкортостане: исторический очерк. Уфа, 2019. 188 с.; Салих Н.Р. Арабские рукописи религиозного содержания Среднеазиатской коллекции Грузинского национального центра рукописей им. Корнелия Кекелидзе // Отечественные архивы. М., 2020. № 4. С. 78–84.

REFERENCES

1. Kagramanov, Dzh.V. *Respublikanskij rukopisnyj fond AN Azerb. SSR* [Republican Manuscript Fund of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR]. In: V sokrovishchnice rukopisej [In the Treasury of Manuscripts]. Baku, 1983. Vol. VI. P. 125. (in Russ.).

2. Farid Alakbarli, Esmira Hajieva. Medieval Medical Manuscripts from Baku in the Memory of the World Programme of Unesco. In: Biomedicine International. 2010. No. 1. P. 37–39. (in English).

3. Salikh, N.R. *Arabografichnye rukopisi v Bashkortostane: istoricheskij ocherk* [Arabographic manuscripts in Bashkortostan: a historical essay]. Ufa, 2019. 188 p.; Salikh, N.R. *Arabskie rukopisi religioznogo soderzhaniya Sredneaziatskoj kollekcii Gruzinskogo nacional'nogo centra rukopisej im. Korneliya Kekelidze* [Arabic manuscripts of religious content of the Central Asian collection of the Georgian National Center of Manuscripts named after Cornelia Kekelidze]. In: Otechestvennye arhivy [Domestic archives]. Moscow, 2020. No.4. P. 78–84. (in Russ.).

РЕЛИГИЯ

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-84-91
УДК 29+930.85(470.67)

А.Р. Наврузов

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ-ПРОСВЕТИТЕЛИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА

Аннотация

Идеи мусульманского реформаторства получили широкое распространение на Северном Кавказе в первой трети XX в. Однако они встретили резкое неприятие со стороны представителей традиционного ислама, представленных, в основном, в лице суфийских шейхов, которые написали целый ряд сочинений на арабском языке с опровержением учения салафитов.

Одним из аспектов противостояния суфиев и салафитов в регионе был вопрос культа святых. Хидр – праведник, один из четырех «бессмертных» в мусульманской мифологии наряду с Исой, Ильясом и Идрисом. Хидр и отношение к нему являлись одним из актуальных вопросов в дагестанских суфийских кругах. Они считали, что многие суфийские святые «получают» свои знания от Хидра, что суфии «встречаются» с ним в различных местах и «беседуют» с ним, а он «направляет» их. Вопрос совершения чудес суфийскими святыми (*карамат*) являлся одним из пунктов противоречий между суфиями и реформаторами-просветителями первой трети XX века. Суфийская традиция настаивала на признании *карамат*, а северокавказских реформаторов-просветителей отличал трезвый рационализм, рационалистический подход к восприятию явления в целом. Они выступали против культа святых в исламе, считая это возрождением языческих традиций.

Другим вопросом противоборства был вопрос посещения могил святых и праведников. Положительно относясь к посещению могил, считая зияра одним из предписаний ислама, северокавказские реформаторы (Абусуфйан Акаев, Абу Мухаммад Мас`уд ал-Мухухи и др.) были против организации празднеств на них, а также посещения суфийских практик и представлений в этих местах, исключая, таким образом, практику суфийской зияры из числа законных посещений могил.

Ключевые слова: Хидр, праведник, карамат, суфизм, мусульманские реформаторы-просветители, зияра, ширк (многобожие)

Amir R. Navruzov

NORTH CAUCASIAN MUSLIM REFORMERS-ENLIGHTENERS OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY AND SOME ISSUES OF RELIGIOUS CULT

Abstract

The ideas of Muslim reformism became widespread in the North Caucasus in the first third of the 20th century. However, they met with sharp rejection from representatives of traditional Islam, represented mainly by Sufi sheikhs, who wrote a number of works in Arabic refuting the teachings of the Salafists.

Наврузов Амир Рамазанович, *кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии Российской академии наук (Махачкала), e-mail: anavruzov@rambler.ru*

Amir R. Navruzov, *Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Makhachkala), e-mail; anavruzov@rambler.ru*

© Наврузов А.Р., 2022

One of the aspects of confrontation between Sufis and Salafis in the region was the issue of the cult of saints. Khidr is a righteous man, one of the four «immortals» in Muslim mythology along with Isa, Ilyas and Idris. Khidr and the attitude towards him was one of the topical issues in Dagestan Sufi circles. They believe that many Sufi saints «receive» their knowledge from Khidr. That the Sufis «meet» him in various places and «talk» with him, and he «guides» them. The issue of performing miracles by Sufi saints (karamat) was one of the points of controversy between Sufis and reformers-enlighteners of the first third of the 20th century. Sufi tradition insisted on the recognition of karamat. And the North Caucasian reformers-enlighteners were distinguished by sober rationalism, a rationalistic approach to the perception of the phenomenon as a whole. They opposed the cult of saints in Islam, considering it a revival of pagan traditions.

Another issue of confrontation was the question of visiting the graves of the saints and the righteous. Having a positive attitude towards visiting graves, considering the ziyar as one of the prescriptions of Islam, the North Caucasian reformers (Abusufyan Akaev, Abu Muhammad Mas'ud al-Muhuhi, etc.) were against organizing festivities on them, as well as visiting Sufi practices and performances in these places, excluding thus the practice of Sufi ziyara from among the legitimate visits to graves.

Key words: Khidr, righteous man, karamat, Sufism, Muslim reformers-enlighteners, ziyara, shirk (polytheism)

В первую треть XX в. мусульманские реформаторские идеи на Северном Кавказе, проникавшие сюда как из арабского Востока, так из внутренних регионов России, получили здесь повсеместное распространение. «В исламе суннитского направления фундаментализм как идеология движений за возвращение к истокам веры принял вид салафизма, который представлен с одной стороны мусульманскими возрожденцами, с другой – реформаторами, среди которых есть охранители и обновленцы[1]» [1, с. 51–52]. Северокавказские реформаторы-просветители (обновленцы) в своих сочинениях касались самых различных аспектов: это вопросы реформы исламского образования, *иджтихада* и *таклида*, реформы мусульманского права (*фикха*), правильного использования вакфов, критики устаревших адатов, эмансипации женщин, вопросов ваххабизма и др. Среди них важное место отводилось вопросам суфизма. «Идеи салафизма, проникавшие в лице сторонников религиозного реформаторства встречали резкое неприятие со стороны дагестанских ученых-богословов, в основном, в лице суфийских шейхов, которые написали целый ряд сочинений на арабском языке с опровержением учения «салафитов» [2, с. 36]. Одним из таких вопросов был вопрос культа святых.

«Ал-Хадир (ал-Хидр, Хидр, Хизр, Хадрати Хизр, Ходжа Хидр) – персонаж мусульманских преданий, праведник, один из первых людей, которому дарована вечная жизнь, чтобы поддерживать в людях веру в Аллаха, один из четырех «бессмертных» в мусульманской мифологии наряду с Исой, Ильясом, Идрисом. Живет якобы на островах, летает по воздуху, все время путешествует по миру, совершает ежегодные паломничества в Мекку, молится по пятницам в мечетях Мекки, Медины и Иерусалима. Он покровительствует плавающим по морю, его можно специальными молитвами призвать на помощь: он потушит пожар, спасет тонущих, оградит от краж, происков джиннов, укусов змей. Его цвет зеленый, он олицетворяет жизнь растений, дарованную водой. Для суфиев он – вали (святой), один из самых почитаемых и могущественных, иногда его считают самым главным из них» [3, с. 262; 4, с. 155–156].

Вопрос «Жив ли Хидр или мертв?» – был и не перестает оставаться одним из актуальных вопросов сегодня в дагестанских суфийских кругах. Они не перестают утверждать, что многие суфийские святые «получают» свои знания от Хидра. И то, что они «встречаются» с ним в различных местах и «беседуют» с ним, а он «направляет» их.

Такое же положение отмечается и в суфийском наследии. Так, например, имам Шамиль, рассказывал случай, где упоминал Хидра. Он считал, что этот случай «помог» ему стать имамом Дагестана. Когда его спрашивали об этом, он отвечал следующее: «Это случилось тогда,

[1] Возрожденческая и реформаторско-охранительная идеология стала идейной основой суннитских религиозно-политических движений протеста. А фундаментализм обновленцев – это попытка доказать жизненность и прогрессивность ислама в индустриальную эпоху [1, с. 51–52].

когда я был учеником в пятничной мечети в одном из аулов. В руке каждого из нас было по три порции еды, чтобы поесть на рассвете (был месяц рамадан). В мечеть вошел нищий – попрошайка и никто из моих товарищей не дал ему «садака» (милостыню). Я приблизился к нему в темноте и положил ему в руку две порции, а одну оставил себе. Этот нищий благословил меня и сказал: «Да возвысит Аллах твою степень». Я думаю, что это был Хидр» [5, с. 6].

Шейх Шуайб ал-Багини также упоминал рассказ о шейхе Ахмаде ат-Талали, где последний рассказывал, что «встречался» с Хидром и он «показал» ему место и дом шейха Махмуда ал-Алмали.

Шейх ат-Талали рассказывал: «Я прибыл в аул Ках[2], чтобы направиться оттуда в аул ал-Алмало. И вдруг передо мной возник неизвестный мужчина и спросил: «Ты куда идешь?» Я ответил: «Я иду к шейху хаджи Ахмаду Эфенди ал-Алмали». Он тогда сказал: «Совершенный шейх Махмуд Эфенди ал-Алмали сейчас находится здесь, в ауле Ках. Иди к нему». Я ответил: «Хорошо», но не пошел к нему, а поспешил в аул Алмало[3]. И как только дошел до середины аула Ках, как дорогу мне преградил этот человек и сказал: «А разве я не сказал тебе, чтобы ты направился к Махмуду Эфенди?» Я ответил: «Я иду». Затем он отвернулся от меня и ушел, а я же поспешил в аул Алмало. Когда я дошел до нижней части аула, мне дорогу преградил этот человек во второй раз, обращаясь ко мне: «Разве я не сказал тебе направиться к шейху Махмуду Эфенди?!» Я тогда ответил ему: «Я не знаю, где это место». Он сказал: «Иди за мной». Он повернул назад, я за ним, пока не дошли до двери хаджи Баба Эфенди ал-Кахи и он сказал: «Входи, а я войду в эту комнату со двора. Шейх Махмуд Эфенди внутри». Я вошел и подождал, пока он войдет. Затем вошел высокого роста мужчина, с небольшой головой, величественный, солидный, всякий, кто посмотрит на него останется удовлетворенным, всякий аскет (здесь, суфий) станет совершенным. Он сказал, указывая: «Посиди здесь, пока я не вернусь после омовения». Затем он вернулся, позвал меня и усадил напротив себя. Спросил, как у меня дела, как меня зовут и из какого я села. Затем он сказал: «О, Малла Ахмад! Есть ли у тебя устаз в тарикате?» Я ответил: «Нет». Он ответил: «Сынок, почему ты говоришь, что у тебя нет учителя? А знаешь ли ты, кто будит тебя среди ночи?» Много раз до этого ночью какой-то мужчина будил меня, толкая меня в бок. Но я не знал, кто это. Тогда он сказал: «Я тот человек. Я жду тебя вот уже семь лет». Он продолжал: «Да смилуется Аллах Всевышний!» И когда его уста изрекли эти слова, я лишился чувств. Он объял меня эманацией (истечением) любви и утопил меня в ней. Затем сказал: «О, сынок мой, Малла Ахмад! Кто привел тебя сюда?» Я ответил: «Я не знаю!» Он засмеялся, и я подумал, что это был Хидр» [6, с. 482].

Шейх Джамалуддин ал-Гумуки «имел» тайную беседу с Хидром в виде письма, которое он послал Хидру перед своим отъездом в Мекку, где писал:

«Именем Аллаха Милостивого Милосердного, к тебе взываем о помощи и тебе поклоняемся!

От смиренного раба Аллаха к господину моему, Аллаху Всевышнему и его любимцу, преемнику Посланника Аллаха, Хидру, привет ему. Привет вам и милость Аллаха, и его благословение! Пусть Аллах увеличит твои знания и пусть охватит своей милостью свои создания. Амин. А затем,

О, господин наш, ты действительно доставил послание, передал вещь, отданную на хранение, ты довел до нас приветствие Аллаха Всевышнего, Милостивого и Прощающего, разъяснил нам, какая степень благосклонности уготована нам у Аллаха Всевышнего и дал прекрасные советы и внушил нам прекрасные наставления. И да будет доволен тобой Аллах Всевышний, и пусть воздастся тебе от нас наилучшее воздаяние. И, если будет угодно Аллаху Всевышнему, мы будем трудиться, подчиняясь твоим повелениям и сторонясь того, что ты запретил, по мере возможности. И клянусь Аллахом Великим, нет никакого сомнения в отношении тебя, никакого отрицания тебя. Мы призываем Аллаха Всевышнего в помощь для этого и мы просим тебя именем Аллаха Всевышнего, который создал тебя, облагородил и избрал тебя, простить мне то, что совершено в отношении тебя неблагопристойное. Прошу простить за совершенные мною проступки, промахи и упущения. Я каюсь за все мое неповиновение в отношение Аллаха Всевышнего и по отношению к тебе. И прошу Аллаха Всевышнего,

[2] Ках – село в Хунзахском районе Республики Дагестан.

[3] Алмало – село в Кумторкалинском районе Республики Дагестан.

Щедрого, чтобы он принял мое покаяние. Воистину, Он принимает покаяние от своих рабов, прощает за неблаговидные проступки. А сейчас я прошу тебя именем Аллаха Всевышнего, чтобы ты не отрывал своего взгляда от меня и не отводил руки своей от меня, пока я жив. Воистину, я человек слабый, не нахожу никакого средства, кроме как цепко следовать за тобой в земном и будущем мире. Не отвергай мою просьбу и будь моим заступником перед Аллахом Всевышним в Судный день, будь помощником мне во всех превратностях в земном и будущем мире. Я вверяю тебе, после Аллаха Всевышнего, свою жену, детей, если умру и, особенно, благословенного Бахауддина, которого ты поручил мне и наказал избрать моим сыном. Затем, когда я поразмыслил об окружавших меня людях, я не нашел ничего лучшего, чем бежать от них. Я решил вместе с женой и детьми переехать в исламские страны, если поможет Аллах Всевышний мне в этом. А остающийся пусть даст мне хороший совет, и я буду им руководствоваться, если пожелает Аллах Всевышний. Я завещаю тебе сделать *ду'а* (молитву) за меня, моих детей и привет» [7].

Дагестанский шейх Мухаммад, сын Масъуда из Могоха приводил некоторые доводы и высказывания ученых, таких как шейх Ибн Хаджар, ал-Багави, Ибн Салих и многих других суфийских шейхов, подтверждавших, что Хидр «жив». А затем сказал: «Хидр живой, как говорят большинство. И это верно» [8].

Дагестанские исследователи М.А Мусаев и Ш.Ш. Шихалиев, рассматривая теоретические взгляды суфиев на природу совершения чудес святыми (карамат) в дагестанском суфийском трактате Шуайба ал-Багини *«Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа вас адат машаих ал-халидийа ал-махмудийа»*, отмечают: «Суфийская традиция настаивает на признании чудотворства, возводя скептиков и отрицающих чудотворения *авлийа* в ранг нечестивца *(фасик)*» [9, с. 230]. Шуайб ал-Багини писал: «Это его деяние известное, и его не опровергает никто, кроме тех, кто отрицает Аллаха и не признает святых Аллаха. *Карамат* святых являются истиной, и никто, кроме нечестивцев, этого не отрицает» [10, с. 42].

Дагестанский суфийский шейх Хасан Хилми ал-Кахи считал, что способность совершать *караматы* (чудотворения святых) не является необходимым условием для *иршада* (духовного наставничества) [11, с. 174].

Лидер северокавказского мусульманского просветительства Али Каяев также не обошел вниманием этот вопрос на страницах реформаторской газеты «Джаридат Дагистан»[4].

Али Каяев упоминает о шейхе Ахмаде Фаруки ас-Сирхинди ан-Накшбанди, известном как имам Раббани и считающемся обновителем (2) второго тысячелетия, что он отрицает «видение» суфийскими шейхами Хидра. Али Каяев пишет, что Хидр из мира духов, но Аллах Всевышний придал ему силу, с помощью которой Хидр принимает многочисленные формы и образы, и что поклоняться ему не является обязанностью мусульманина по шариату. Али Каяев полагает, что, если такой накшбандийский имам признает смерть Хидра и что он из мира духов, то не следует обращать внимание на высказывание тех, кто утверждает, что он жив со времен Моисея до сегодняшнего дня. Отвечая на утверждения некоторых шейхов, что видения духов бывают материализованными (приобретающими рельефные формы), Али Каяев пишет, что это невозможно. Он полагает, что, быть может, делаются рельефными для них смысл и образы, которые в их воображении, а не реальные картины. Али Каяев приводит высказывание Сахиб ал-Ибриза, который цитирует шейха Абд ал-Азиза ад-Дибаги: «Когда возбуждаются центры мозга кого-либо

[4] «Джаридат Дагистан» (араб. «Газета Дагестан»»; с 19 января 1918 – «Дагестан»), общественно-политическая, литературная и научно-популярная еженедельная газета в Российской империи, Российской республике, Горской республике. Издавалась на арабском языке в административном центре Дагестанской области г. Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск) в 1913–1918 гг. в паровой лито-типографии М. Мавраева. Распространялась по подписке в Дагестане, Чечне, Черкесии, Притеречье, на Ставрополье, Кубани, в Азербайджане и Туркестане. Официальным редактором до 19 января 1918 года был Бадави Саидов. Фактически вся работа по подготовке издания к печати велась Али Каяевым, являвшимся вначале неофициальным, а с 19 января 1918 и официальным редактором газеты. Созданная по инициативе и на средства царской областной военной администрации, она, благодаря Али Каяеву, Бадави Саидову, Мухаммадмирзе Мавраеву и её наиболее активных подписчиков и авторов статей, стала площадкой по распространению мусульманских просветительских идей в Дагестане и всем Северном Кавказе.

по какой-то причине, то сила его воображения начинает видеть умственные образы очень ясно, как будто они являются реальностью. Возможно, то, что они видят и представляют Хидра, в действительности – это образ, запечатленный в их очень сильных фантазиях, а не он сам и не его дух, получивший рельефные очертания» [12, с. 3–4].

Али Каяев в статьях газеты о чудотворстве святых цитирует одного из великих деятелей накшбандийского тариката упомянутого выше шейха Ахмада ал-Фаруки ас-Сирхинди, который писал: «Что касается состояний, ощущений (интуиции), знаний, которые возникают у суфиев на пути в тарикат, то они не есть конечная цель, а воображение, представления, с помощью которых воспитываются дети тариката, и которые надлежит усвоить» [13, с. 4]. В другом месте Али Каяев цитирует из книги ал-Хафиза Ибн ал Кийама «Забытье и предчувствия суфиев (в момент потери сознания)»: «Знай, что знания и науки суфиев в конце их пути – это не что иное, как науки шариата, никакие другие, помимо них. Конечно, на пути в тарикат становится очевидным изучение многих других знаний, наук, которые надо освоить» [14, с. 4].

Как мы видим, Али Каяева в отношении к вопросу «чудотворству» святых в исламе и как ученого и как реформатора-просветителя отличает трезвый рационализм, рационалистическое восприятие явления в целом.

Что касается других северокавказских реформаторов, то они так же, как, например, Мухаммад Абдрашид ал-Харакани, считали ложным способность шейхов совершать «чудотворства», «необычные деяния» (*карамат*) [15, с. 335].

«Упование на иного или иное, кроме как Аллаха, равносильно признанию за творениями божьими мощи, сравнимой с могуществом Всевышнего, а это грех многобожия», *ширк.* Вера в единственность Всемогущего и Всеведущего Аллаха освобождает человека от суеверий, колдовства, знахарства, от обязанности подчиняться иному, кроме Аллаха» [1, с. 107].

Вопрос паломничества к местам захоронения святых также являлся одним из пунктов противоборства представителей традиционного ислама и салафитов, толкование которого также нашло своё критическое освещение в трудах салафитов. Туркестанский джадид Абд ар-Рауф Фитрат, проявляя уважительное отношение к святым, писал: «Я не говорю, что святой Баха-уд-Дин был плохой человек, и что никто не приходил посетить мазар его. Пророк сказал: «Совершайте паломничество к мазарам, потому что посещение могил напомнит вам о будущем мире. Да, если паломничество к мазарам предпринимается с целью вспомнить о смерти и страшном суде, то это доброе дело, но разговор идёт о том, что нельзя приближать это к идолопоклонству ….» [16, с. 223].

Вопрос посещения могил был также одним из аспектов противостояния суфиев и салафитов на Северном Кавказе. Он был предметом обсуждения и на страницах арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик»[5], печатного органа дагестанских реформаторов-просветителей (обновленцев).

В статье журнала под названием «Посещение могил» дагестанский реформатор-просветитель Мухаммад Мас`уд ал-Мухухи касается и такого вопроса, как строительство мечетей и памятников на могилах или рядом для этих целей, считая это запретным. В подтверждение этого приводятся выдержки из книги хадисов «Сахих» Муслима от некоего Джабира, где говорится: «Посланник Аллаха запретил специально предназначать могилу для кого-то, сидеть у неё и строить на ней» [17, с. 13; 18, с. 91].

Также он цитирует Ан-Навави, который в комментарии «Шарх ал-Муслим» писал: «Ученые писали, что Пророк запретил устраивать на своей могиле и могиле другого лица мечети, боясь преувеличения в его возвеличивании. Быть может, это приведет к куфру (неверию). Как это

[5] «Байан ал-хака'ик» (араб. «Разъяснение [шариатских] истин»), советский общественно-политический, научно-популярный, религиозный журнал. Издавался на арабском языке с сентября 1925 г. по август 1928 г. в г. Буйнакске Дагестанской АССР (планировался как ежемесячный, фактически выходил раз в три-четыре месяца). Тираж – 1000-1050 экземпляров. Ответственный редактор – Абусуфйан Акаев из Нижнего Казанища, члены редколлегии – Йусуф-кади из Нижнего Дженгутая, Хаджи-кади из из Нижнего Казанища, Билал-Хаджи из Нижнего Дженгутая, Мустафа-кади из Нижнего Казанища и Хизри из Нижнего Казанища. Печатался в типолитографии Даггосиздата имени Е.Г. Гоголева. Журнал отражал идеи дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей (обновленцев), способствовал распространению шариатских знаний, объяснял с точки зрения шариата культурные и социально-экономические преобразования, проводившиеся советским правительством.

произошло со многими прошлыми народами». Также он приводит цитату Ибн Хаджара ал-Аскалани[6], который предпочитал следующее высказывание пророка Мухаммада: «Абсолютно запретно строительство мечети на могиле в интересах потомства» [17, с. 14; 18, с. 92].

А что касается празднеств, т.е. собрания людей у могил святых или посещаемых мест для празднования или с целью богослужения на них – это тоже запретно, с целью предостережения от уподобления с иудеями и христианами в этом. Мухаммад Мас`уд ал-Мухухи ссылается на Абу Дауда[7], который писал в своей «Сунне» от Абу Хурайры, что Пророк говорил: «Не делайте ваши дома могилами, не делайте мою могилу поводом празднества и местом моления мне. Истинно, ваша молитва дойдет до меня, где бы вы ни были» [17, с. 14; 18, с. 92].

Шейх Мухаммад Мас`уд ал-Мухухи писал, что эти запреты входят в число запретов, которыми руководствуются люди сегодня – среди запретов строительства мечетей и возведения памятников на могилах и около них. Или собираться людям на них в определенные дни для *зикра* и поклонения. И подтверждается этот запрет множеством нововведений и дурных поступков, совершаемых на них, как причащение забиванием скота на могилах, раздача *садака* на них тому, кто не заслуживает того. Уподобляясь тому, что делали люди в период *джахилийи* (неведения) [17, с. 14; 18, с. 92].

Дагестанский реформатор-просветитель Мухаммад Мас`уд ал-Мухухи утверждает, что поклонение, зикр и жертвоприношение в *зияре* являются запрещенными нововведениями. Тех, кто совершают их, сравнивают с язычниками в эпоху *джахилийи*. Как можно заметить, автор сохраняет нейтральную позицию, присущую салафитам-обновленцам. Хотя в целом *зияра* и предполагает некоторую духовную направленность в воспитании человека, но есть в ней также запрещенные действия, связанные с практикой суфийской *зияры*, которые нельзя совершать и допускать. Ссылаясь на исламских ученых, ал-Мухухи оценивает и комментирует тип и надежность таких источников, как хадисы, ссылается на них.

В ответе редакции главный редактор журнала, реформатор-просветитель Абусуфйан Акаев, подводя итог этому вопросу, пишет, «что люди расточают огромные суммы на эти зрелища, визиты и празднества, о которых нет упоминания в какой-либо части Сунны. Если они тратили бы их на общее благо, как строительство школ, приютов, обучению наук, необходимых для улучшения социального положения простых людей, считает он, то они были бы среди тех, кто служит своей родине в качестве её сынов, совершая великое дело, которое заслуживает воздаяния у Аллаха Великого» [18, с. 92; 19, с. 14–15]. Он выражает сожаление тем дагестанским ученым, которые видят эти нововведения и дурные поступки, совершаемые от имени религии и не запрещают их. Ибо эти деньги, которые теряют эти люди, не возвратятся им с пользой ни в этом, ни в будущем мире [18, с. 92; 19, с. 14–15].

Таким образом, как мы видим из вышеприведённых статей, представители традиционного ислама Дагестана, представленные, в основном, суфийскими шейхами, признавали культ святых в исламе и написали ряд работ в обоснование своих взглядов. А дагестанские реформаторы-просветители (обновленцы), как представители модернизаторского направления в исламе, выступали против, считая такую практику возрождением языческих традиций. Их отличал трезвый рационализм, рационалистическое восприятие явления в целом.

В вопросе посещения могил взгляды дагестанских реформаторов-просветителей (Абусуфйан Акаев, Абу Мухаммад Мас`уд ал-Мухухи и др.) совпадали со взглядами традиционалистов, которые считали, что это разрешено по шариату и рекомендовано по Сунне. Однако, вместе с тем, дагестанские реформаторы-просветители были против организации празднеств на могилах, а также посещения могил, проведения суфийских практик и представлений в этих местах (поклонение, *зикр*, жертвоприношение и пр.), исключая тем самым практику суфийской *зияры* из числа утвердившейся в народе традиции посещения могил.

---

[6] Шиха́буддин Абу́ ал-Фа́дл Ахмад ибн Али́ ал-Аскалани, более известный как Ибн Ха́джар ал-Аскалани (1372–1448) – исламский учёный-богослов, правовед шафиитского мазхаба, историк, хадисовед. Автор около 150 сочинений, которые затрагивают почти все области исламской науки. Самый выдающийся труд – «Фатх аль-бари фи Шарх Сахих аль-Бухари» (813–842), толкование сборника хадисов «ал-Джами ас-Сахих» ал-Бухари.

[7] Абу́ Дау́д Сулейма́н ибн ал-А́ш'ас ас-Сиджиста́ни, известный как Абу́ Дау́д (817–888) – известный хадисовед (мухаддис), автор сборника хадисов «Сунан Абу Дауд».

Дагестанские реформаторы-просветители (обновленцы) первой трети XX в. были представителями этического направления в исламской мысли, для которых была характерна модернизаторская направленность программных установок, в том числе и в вопросах суфизма. Они ставили перед собой задачу духовного воспитания мусульман Дагестана в условиях индустриального общества и достижений науки начала XX века. Для них это была попытка доказать и утвердить жизненность и прогрессивность ислама в новую эпоху. Это было частью общей программы дагестанских мусульманских реформаторов-просветителей по формированию нового внутреннего облика и мировоззренческих основ мусульманина, гражданина страны, как строителя нового общества в сложный переходный период эпохи. Для этого они старались «приспособить» религию путем нахождения и истолкования новых путей прогрессивного развития общества с целью интеграции мусульман Северного Кавказа в российское правовое пространство с сохранением и потенциальным развитием национальной идентичности. Эти идеи не перестают быть актуальными и сегодня, ибо они не были решены окончательно с позиции знания. Дагестанское и северокавказское общество спустя время более чем в 1 век, переживает некий процесс реисламизации, с новых позиций рассматриваются старые культы, вводятся некоторые нововведения, отдельные вопросы исламского культа ставятся на обсуждение среди ученого и широкого круга общества. Во всех этих научных и общественных поисках основной целью и задачей является объяснение и утверждение традиционного Коранического ислама в рамках современного научного знания, социального и культурного развития страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. Институт востоковедения РАН, Институт Ближнего Востока. М.: Институт востоковедения РАН, 2005. 240 с.

2. *Шехмагомедов М.Г.* Апологетика суфизма в трудах дагестанских богословов конца XIX – начала XX в.: краткий обзор источников // Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации. М.: ИВ РАН, 2015. 38 с.

3. *Пиотровский М.Б.* Ал-Хадир // Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. 262 с.

4. *Наврузов А.Р.* «Джаридат Дагистан» − арабоязычная газета кавказских джадидов. Российская академия наук, Дагестанский научный центр, Институт истории, археологии и этнографии. М.: Издательский дом Марджани, 2012. 240 с.

5. محمد *هاني المصري* . ومضات من حياة الامام شامل. 1998.ص.28.

(*Мухаммад Хани ал-Мисри.* Вамадат мин хайат ал-имам Шамиля (Яркие моменты из жизни имама Шамиля. 1998. 28 с.).

بن ادريس الباكني. طبقات الخواجكان النقشبندية .دمشق.1996.ص.640.

6. *شعيب*

(*Шуайб бн Идрис ал-Багини.* Табакат ал-Хваджикан ан-накшбандиййа (Разряды (Иерархия) суфийских шейхов). Димашк, 1996. 640 с.).

7. محمد *الههالي*. في وقائع الامام شامل.مكتبة الهركاني .بدون تاريخ.

(*Мухаммад ал-Хихали.* Фи вакаи‘и ал-имам Шамиль (Из событий в жизни и имама Шамиля). Библиотека ал-Харакани. Без даты.)

8. محمد *المهوقي*. تلخيص الافكار من معتقدات الاشرار.مهوق.بدون تاريخ.

(*Мухаммад ал-Мухухи.* Талхис ал-афкар мин му‘такадат ал-Ашрар (Краткое изложение убеждений зловредных людей). Могох. Без даты.)

9. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудотворство святых в дагестанском арабоязычном суфийском биографическом сочинении «Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа вас адат машаих ал-халидийа ал-махмудийа» Шуайба ал-Багини // Исламоведение. 2011. 4 (10). С. 218–232.

10. *Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш.* Чудесные деяния святых в арабоязычных суфийских биографических сочинениях дагестанских шейхов начала XX века // Письменные памятники Востока. 2012. Вып. № 2. С. 37–43.

11. *Ибрагимова З.Б.* Дискурс дагестанских богословов по проблеме «лжешейхства» (краткий экскурс в историю вопроса) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (114). С. 173–179.

الخضر حي او ميت \\ جريدة داغستان. تميرخان شورا.1915. 49.ص.4.

12. *علي الغموقي*. هل

(*Али ал-Гумуки.* Хал ал-Хидр хайй ав маййит? (Хидр – жив или мертв?) Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1915. № 49. С. 4.

المتصوفة و هواجسهم \\ جريدة داغستان. تميرخان شورا.1914.

51.ص.4. 13. *الحافظ ابن القيم*. شطحات

(*Ал-Хафиз Ибн ал-Каййим*. Шатахат ал-мутасаввифа ва хаваджисухум (Забытье у суфиев и их тревожные предчувствия) // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура.1914. № 51. С. 4.

كرمات لالاولياء \\ جريدة داغستان. تميرخان شورا.1914. 50.ص.4.

14 . *علي الغموقي*.

(*Али ал-Гумуки.* Карамат ал-авлийа (Чудотворства святых) // Джаридат Дагистан. Темир-Хан-Шура. 1914. № 50. С. 4.

15. *Шихалиев Ш.Ш.* Дискуссии о суфизме в Дагестане в исторической ретроспективе // История, археология и этнография Кавказа. 2022. 18(2). С. 323–345.

16. *Абдуллаев Р., Алимова Д., Багирова И., Сулаев И., Рамазанзаде Ш., Кенжаев Д.* История общественно-культурного реформаторства в Центральной Азии и на Кавказе (XIX – начало XX века). Самарканд: МИЦАИ, 2012. 325 с.

محمد مسعود المهوخي \\ بيان الحقائق .بويناقسكي.1927. 6.ص.13-15.
17. ابو

(*Абу Мас'уд ал-Мухухи* // Байан ал-Хака'ик. Буйнакск, 1927. № 6. С. 13–15.)

18. *Наврузов А.Р.* «Байан ал-хакик» – журнал ученых-арабистов Дагестана первой трети XX века // Исламоведение. 2011. № 3 (9). С. 82–93.

19 . *الاستطراد* \\ بيان الحقائق. بويناقسكي.1927. 6.ص.14-15.

(ал-Иститрад (Отклонение от темы) // Байан ал-Хака'ик. Буйнакск, 1927. № 6. С. 14–15.)

REFERENCES

1. Levin, Z.I. *Reforma v islame. Byt'ili ne byt'? opyt sistemnogo I sociokul'turnogo issledovanija* [Reform in Islam. To be or not to be? Experience in systemic and sociocultural research] Institut vostokovedenija RAN, Institut Blizhnego Vostoka. Moscow: Institut vostokovedenija RAS, 2005. 240 p. (in Russ.).

2. Shehmagomedov, M.G. *Apologetika sufizma v trudah dagestanskih bogoslovov konca XIX - nachala XX vv.: kratkij obzor istochnikov* [Apologetics of Sufism in the writings of Dagestan theologians of the late 19th - early 20th centuries: a brief review of sources]. In: Pis'mennye pamjatniki Vostoka. Problemy perevoda i interpretacii. Moscow, 2015. 38 p. (in Russ.).

3. Piotrovskij, M.B. Al-Hadir [Al-Khadir]. In: Islam. Jenciklopedicheskij slovar' [Islam. encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1991. 262 p. (in Russ.).

4. Navruzov, A.R. «Jaridat Dagistan» − arabo-yazichnaya gazeta kavkazskich jadidov. Rossiyskaya akademiya nauk, Dagestanskiy nauchniy zentr, Institut Istorii,arhelogii i etnografii.M.Izdatelskiy dom Mardjani.2012. (in Russ.).

5. Muhammad Hani al-Misri.Vamadat min Hayat al-Imam Shamil [Bright moments from the life of Imam Shamil]. 1998. p. 28. (in Arabic).

6. Shuayb bn Idris Al-Bagini. *Tabakat al-Hvajikan an-Nakshbandiya* [Classes (Ranks) of Nakshbandi sheikhs]. Dimashk, 1996. 640 p. (in Arabic).

7. Muhammad al-Hihali. *Fi vakai' al-Imam Shamil* [From the events in the life of Imam Shamil]. Maktaba al-Harakani. Biduna ta'rih. (in Arabic).

8. Muhammad al-Muhyhi. *Talhis al-Afkar min mu'takadat al-Ashrar* [A Summary of the Beliefs of Evil People]. Muhuk. Biduna ta'rih. (in Arabic).

9. Musaev, M.A., Shihaliev, Sh.Sh. *Chudotvorstvo svjatyh v dagestanskom arabojazychnom sufijskom biograficheskom sochinenii «Tabakat al-hvadzhakan an-nakshbandija vas adat mashaih al-halidija al-mahmudija» Shuajba al-Bagini* [Miracle-working of saints in the Dagestani Arabic-language Sufi biographical work "Tabaqat al-Khvajakan an-Naqshbandiyya vas adat mashaih al-khalidiya al-mahmudiya" by Shuaiba al-Bagini] // Islamovedenie. 2011. 4 (10). P. 218–232. (in Russ.).

10. Musaev, M.A., Shihaliev, Sh.Sh. Chudesnye dejanija svjatyh v arabojazychnyh sufijskih biograficheskih sochinenijah dagestanskih shejhov nachala XX veka [Miraculous deeds of saints in Arabic-language Sufi biographical writings of Dagestan sheikhs at the beginning of the 20th century]. In: Pis'mennye pamjatniki Vostoka. 2012. Issue No. 2.P. 37–43. (in Russ.).

11. Ibragimova, Z.B. *Diskurs dagestanskih bogoslovov po probleme «lzheshejhstva» (kratkij jekskurs v istoriju voprosa)* [Discourse of Dagestan theologians on the problem of «false sheikhism» (a brief excursion into the history of the issue)]. In: Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. No. 1 (114). P. 173–179. (in Russ.).

12. Ali al-Gumuki. *Hal al-Hidr hayy av mayyit* [Khidr is dead or alive]. In: Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1915. No.49. P. 4. (in Arabic).

13. Ali al-Gumuki. *Karamat al-Avliya* [Miracle work of the saints]. In: Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1914. No .50. P. 4. (in Arabic).

14. Al-Hafiz bn al-Kiyam. *Shatahat al-mutasavvifa va Havajisuhum* [Forgetfulness of the Sufis and their anxieties]. In: Jariydat Dagistan.Temir-Khan-Shura. 1914. No. 51. (in Arabic).

15. Shihaliev, Sh.Sh. *Diskussii o sufizme v Dagestane v istoricheskoj retrospektive* [Discussions about Sufism in Dagestan in a historical retrospective]. In: Istorija, arheologija i jetnografija Kavkaza. 2022. 18(2). P. 323–345.

16. Abdullaev, R., Alimova, D., Bagirova, I., Sulaev, I., Ramazanzade, Sh., Kenzhaev, D. *Istorija obshhestvenno-kul'turnogo reformatorstva v Central'noj Azii I na Kavkaze (XIX- nachalo XX veka)* [The history of socio-cultural reformism in Central Asia and the Caucasus (XIX – early XX century)]. Samarkand: MICAI, 2012. P. 325. (in Russ.).

17. Abu Muhammad Mas'ud al-Muhuhi. In: Bayan al-Khakaik.Buynaksk. 1927. No. 6. P. 13–15. (in Arabic).

18. Navruzov, A.R. *«Bajan al-hakik» – zhurnal uchenyh - arabistov Dagestana pervoj treti XX veka* [«Bayan al-khakik» – a journal of scholars – Arabists of Dagestan in the first third of the 20th century]. In: Islamovedenie. 2011. No. 3 (9). P. 82–93. (in Russ.).

19. Al-Istitrad. In: Bayan al-Khakaik.Buynaksk. 1927. No. 6. P. 14–15. (in Arabic).

DOI 10.24412/2223-0564-2022-4-92-97
УДК 81

Лу Лю

ФУНКЦИИ НАИМЕНОВАНИЙ ЦВЕТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация

Статья посвящена исследованию функции наименований цвета в китайском и русском языках. Выявляется состав подсистемы основных наименований цветов в разноструктурных языках. Обобщается семантика цветообозначения в лингвистическом аспекте. Дается характеристика языковой специфике значимости цветообозначений в китайском языке в сопоставлении с русским языком. Выявляются интралингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на функциональность цветообозначений в медиадискурсе. Установлено, что при изучении цветовых слов, целесообразно использовать коннотации цветовых слов, а также национальную культуру.

Ключевые слова: цветовые слова, цветообозначение, национальная культура, контекст, история

Lu Liu

FUNCTIONS OF COLOR NAMES IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Abstract

The article is devoted to the study of the function of color names in Chinese and Russian. The composition of the subsystem of the main names of colors in different structure languages is revealed. The semantics of color meaning in the linguistic aspect are generalized. A characteristic of the language specificity of the significance of color meanings in Chinese is given - in comparison with the Russian language. Intralinguistic and extralinguistic factors are identified that affect the functionality of color values in the media resource. It is established that when studying color words, it is advisable to use connotation of color words, as well as national culture.

Key words: color words, color designation, national culture, context, history

Причиной возникновения цветообозначений является человеческая практика. Из-за различий в объективном мире и субъективных образах определенная часть населения или определенный человек по-разному воспринимают цвета. Ничто не существует изолированно и неизбежно связано с другими вещами, и язык как инструмент общения, с помощью которого люди общаются с другими, и в процессе общения будет меняться. Таким образом, иностранные культуры также оказывают влияние на цветонаименования в языке, причем наиболее заметными факторами являются вещи и идеи, заимствуемые из других культур. Культурные различия между русским и китайским народами, естественным образом, приводят к различию в языках, поэтому культурные коннотации цветовых наименований в китайском и русском лексиконе также различны. Данная проблема, а также в целом феномен цветовых наименований рассматривался учеными, труды которых посвящены различным аспектам в культуре народа [1; 2; 3], собственно, феномену цветообозначения [4; 5; 6], а также проблеме сущности и функционала наименований цвета в межъязыковом контексте [7; 8].

Цель исследования – дать характеристику использованию наименований цвета в русском и китайском языках. Для достижения данной цели, решались следующие **задачи**:

Лу Лю, *аспирант, Российский университет дружбы народов (Москва), e-mail: liu.ll94@yandex.ru*

Lu Liu, *graduate student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), e-mail: liu.ll94@yandex.ru*

© Лу Лю, 2022

1) обобщить семантику цветообозначения в лингвистическом аспекте;

2) охарактеризовать языковую специфику значимости цветообозначений в китайском языке в сопоставлении с русским языком;

3) выявить интралингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на функциональность цветообозначений в медиадискурсе;

4) изучить наименования цвета, лучше понять коннотацию данных слов, а также национальную культуру.

Прагматическая функция китайских и русских наименований цвета

Описательная функция. Наименования цвета – это незаменимый словарь для отражения объективного мира, и без цветообозначений цвета окружающего мира было бы невозможно отразить в словах и буквальных выражениях. Самое прямое наименование цвета может отражать цветовые характеристики вещи, о которой идет речь, например: красный шарф, слово «красный» используется для прямого обозначения цвета шарфа. «Описательная» функция цветонаименований отражает потребность людей знать и выражать красоту. В русском языке основной функцией цветообозначений также является изображение, например: «В воздух попадает и чёрный дым, образующийся при тлении кончика сигареты» [9].

Цветовое наименование само по себе должно выявлять цвет вещи, поэтому основная функция цветового слова – это изображать функцию, эта функция полностью отражает осознание людьми цвета, через цветовое слово изображение дает объект ярче, давая людям чувство красоты.

Референциальная функция. Язык – это совокупность формальных знаков, выражающих смыслы в речи, в том числе явления, вещи, свойства и отношения в объективном мире и духовной сфере. Основной функцией слова является его обозначающая роль (которую некоторые авторы называют «аннотативной» или «референциальной» функцией слова). Референциальная функция наименований фактически основана на их денотативном значении, то есть способности указывать на некоторый предмет.

Люди часто используют более простые цветовые наименования в переносном смысле для обозначения абстрактных понятий и социальных отношений, а не самого цвета, например: легальный доход называют «белым доходом»; доход, полученный незаконным путем, таким, как коррупция или взяточничество, называют «черным доходом»; доход, отличный от заработной платы и пособий, таких, как гонорары за рукописи, называют «серым доходом». Здесь люди используют переносные значения слов «черный», «белый» и «серый» для обозначения того, являются ли доходы законными или нет [10]. Данный семантический перенос основывается на символических значениях цвета в культуре. В настоящее время у людей сильно развито чувство заботы охраны окружающей среды, таким образом, словосочетания, связанные с зеленым цветом, появляются в широком диапазоне смыслов и являются часто употребляемыми. Например, выражение «зеленая пища» означает безопасную и питательную пищу, свободную от загрязнения и вреда [5], т.е. термин «зеленый» имеет референциальную функцию.

Для изображения принципа экономии лингвисты используют термин «языковая экономия», тем самым упрощая многие сложные социальные наименования и делая их более яркими. В китайском языке наименования одного цвета имеет референциальную функцию, например: красный, желтый, зеленый, синий и т.д. Любой язык использует знаки, основанные на сочетании звука и смысла. В данном случае все языки имеют «естественную» референциальную функцию. В русском языке наименования одного цвета, имеющие такую же функцию, именно в силу своего широкого и сложного символического значения характеризуются полисемией и используются в различных сферах жизни. В русском языке есть много таких слов, которые имеют референциальную функцию в экономической, культурной и политической сферах, например: «Чёрный рынок» [11], «Чёрный террор» [5], «Белые деньги» [9], «Красная власть» [12].

Экспрессивная функция. Существует множество риторических приёмов использования цветовых наименований. Перцептивные, ассоциативные и другие возможности цветонаименований могут быть эффективными для выражения различных эмоций. Установлены достаточно устойчивые ассоциации светлых оттенков (например, белого, розового) с положительными эмоциями (например, счастье или радость), а темных (например, черного, коричневого) – с отрицательными (например, страх или грусть). В различных культурах выявлены заметные

ассоциации красного цвета с гневом, черного – со страхом, синего – с печалью, желтого – со счастьем.

Каждый цвет вызывает у человека определенные ассоциации, связанные с укоренившейся цветовой картиной мира или с личным жизненным опытом, переживаниями, историческими событиями. Например, часть цветовых слов в русском и китайском языках адекватны по значению. Желтый (неопытный, наивный), зеленый (незрелый, неопытный), черный (наводить клевету) и т.д. Тем не менее, существует ряд случаев переосмысления слов-цветообозначений для понимания которых иноязычным говорящим приходится прибегать к специальным комментариям. Следует отметить, что единой цветовой картины мира для всего человечества нет, поскольку каждый народ ассоциирует цвет с определенными эмоциями, историей, культурой и т.п.

Так, основное значение белого цвета в русском языке традиционно относится к таким понятиям, как «чистота, непорочность». В китайском языке белый цвет часто несет в себе траурный смысловой оттенок, а также ассоциируется с пустотой, отсутствием чего-либо. Например, «白白» значит «попусту, напрасно», 平白无故 – «без всякой причины и повода, ни с того ни с сего», «空口说白话 – 耳饱肚子饥» – «разговорами сыт не будешь», буквально «пустым ртом говорить белые слова – уши сыты, живот голоден», «白手起家» значит «создать что-либо на пустом месте, начать с нуля» [13].

В России черный цвет традиционно ассоциируется со скорбью, горем и злом. Отношение людей к этому цвету выражено в таких словосочетаниях, как «черные силы», «черная неблагодарность», «черная зависть». Совсем по-другому относятся к черному цвету в китайской культуре, визитной карточкой которой является каллиграфическое искусство. Согласование чёрного и белого – основа каллиграфической эстетики. Целое направление в живописи – шаньшуйхуа – основано на сочетании двух этих цветов. Неудивительно поэтому трепетное отношение китайцев к черному цвету. Современный китайский художник Фэн Цзикай описал черный цвет следующим образом: «Когда три основных цвета (красный, желтый и синий) смешивают на белой бумаге в равной пропорции, то получается насыщенный черный цвет, вызывающий чувство стабильности, завершенности и умиротворения» [14].

Экспрессивная функция цвета отвечает потребности людей выражать свои эмоции, и в разных культурах цвет показывает разное значение. С этой точки зрения экспрессивная функция наименования цветов на самом деле является выражением субъективных идей в речи. Это значение широко используется в литературных произведениях. Например: «ночь дала мне черные глаза, и я должен использовать их, чтобы найти свет» [11].

Из приведенного выше анализа, мы можем сделать вывод, что как в китайском, так и в русском языках выражения и изображения цветообозначений различны в силу культурных особенностей. Так, основные значения белого цвета в китайской культуре – траур и пустота, в русской – чистота. Черный цвет в Китае ассоциируется с умиротворением и стабильностью, а в России – со злом, скорбью и завистью.

Влияние различных корпусов на использование цветовых наименований

Разные коммуникативные потребности и разные стили предъявляют разные требования к использованию языка, например, язык официальных документов должен быть четким и лаконичным. Есть определенные технические требования. Различные коммуникативные потребности приводят в конечном итоге к формированию различных корпусов, и каждый из них имеет свои особенности в использовании. Состояние, частота и особенности употребления цветовых наименований в разных корпусах также различны.

Подбор цветообозначений в литературном языке в китайском и русском языках. Литературный стиль языка, используемый в любом языке, специфичен, графичен, ярок, богат эмоциями, утончен, а также отличается имплицитностью, вариативностью и другими характеристиками. Эта особенность требует, чтобы литературный язык широко использовал как общие слова, так и изобразительные и эмоционально заряженные слова. Художественный стиль языка – это познание, освоение и воссоздание мира художником в форме образов. Ниже приводится обсуждение особенностей употребления наименований слов в литературных и художественных стилях языка. Литературный язык может использовать разговорные слова, идиомы и даже архаичные слова, сленг, научные термины, диалекты и т. д. По сравнению с другими языковыми стилями, диапазон используемых слов широк и их использование менее ограничено. Анализируя слова, мы можем увидеть разнообразие обозначений цвета.

Например: «прямо под огненным закатом висит сверкающая золотая лента. Это же Желтая река! Он бродит среди гор, утопая в белоснежных песках, сотрясаясь от золотого света». В этом предложении используются слова «золото», «белый», «желтый», «красный», «огонь», «сверкающее золото», «белоснежный» и олицетворяют величие Желтой реки [10]. Например, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» читаем: «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет» [15]. Данный отрывок показывает, что желтые цветы ассоциируются у русских с чувством тревоги и даже отвращения, а у китайцев, наоборот, желтый цвет (хуансэ) – символ благородства и богатства.

Выбор цветовых названий в терминологии в китайском и русском языках. Научно-технический язык – это языковая подсистема, адаптированная к научно-техническому содержанию и коммуникационным потребностям научного общения. Научно-технический язык базируется на объективной реальности и описывает характерные особенности вещей и явлений. При описании вещей и их цветовых характеристик научно-технический словарь должен использовать цветообозначения. Например: «Река Ялу – пограничная река между Китаем и Кореей, впадающая в Корейский залив Желтого моря. Вода в реке имеет зелёный цвет» [10]. Здесь текст изложен на научно-техническом языке, т.к. используется простое и точное определение для описания цвета воды в реке Ялу.

Использование цветовых слов в русском техническом языке такое же, как и в китайском. Например: «Красное озеро обязано своим цветом присутствию в его воде железа» [5]. В приведенном примере русского технического стиля используется слово «красное» для описания присутствия в водах красного озера железа.

Следовательно, почти все цветообозначения, используемые в технологическом языке, являются простыми словами, потому что технологический язык требует, чтобы язык был кратким, простым и точным.

Влияние современного контекста на использование цветовых обозначений. Историческое и общественное сознание влияет на использование языка, придавая речи и языку характерные черты той исторической эпохи. Поэтому среди элементов контекста в центре внимания анализа также находится временная среда. То же самое относится и к использованию наименований цвета в китайском и русском языках. Различные периоды истории оказывают влияние на частоту употребления того или иного слова, обозначающего цвет. Эти периоды имеют много аспектов, таких как: политическая идеология, политическая система, экономическая система, моральные ценности, социальная психология, культурная жизнь и т.д. Например, в XX в. в мире обострились экологические проблемы. С целью сохранения экологического равновесия возникло «Зеленое движение». К концу века экологии был нанесен серьезный ущерб и взаимоотношения между человеком и природой обострились.

С тех пор «зеленый» стал олицетворять жизненную силу, здоровье и энергию. «Зеленый» – это цвет большинства растений и символический цвет природы, а вещи, связанные с охраной окружающей среды и сохранением окружающей среды в современном обществе, часто называют «зелеными». Слово «зеленый» стало синонимом безвредности.

Начиная с XX века китайский язык произвел большое количество новых слов с корнем «зеленый». Например: зеленый город (город с относительно высоким уровнем зеленого покрытия); зеленые легкие (метафора для зеленых зон и лесов, которые могут поглощать углекислый газ и выделять кислород); зеленый клиент (клиент с сильной экологической осведомленностью); зеленый менеджмент (метод управления, который включает концепцию охраны окружающей среды в бизнес-операции); зеленый автомобиль (новый тип автомобиля с низким уровнем загрязнения окружающей среды); зеленый компьютер (новый тип компьютера, который способствует охране окружающей среды, который экономит энергию, легко перерабатывается и не загрязняет окружающую среду). Кроме того, существуют «绿色工业 (зеленая индустрия)», «绿色招牌 (зеленые вывески)», «绿色包装 (зеленая упаковка)», «绿色生活 (зеленая жизнь)», «绿色空调 (зеленый кондиционер)», «绿色通信 (зеленые коммуникации)», «绿色公交 (зеленый общественный транспорт)», «绿色婚礼 (зеленые свадьбы)», «绿色打印 (Зеленая печать)», «绿色营销 (зеленый маркетинг)», «绿色行动 (Зеленая акция)», «绿色商品 (зеленые товары)», «绿色产品 (зеленые продукты)», «绿色通行证

(зеленые паспорта)», «绿色农业 (зеленое сельское хозяйство)» и т.д. «Зеленый» в этих словах означает естественный, не загрязняющий окружающую среду и тесно связанный с охраной окружающей среды. Иными словами, «зеленый» означает экологически чистый, отсутствие или меньшее загрязнение, энергосбережение, более легкую переработку, защиту окружающей среды. Сохранение экологической среды – это всемирная миссия и ответственность.

Под влиянием этого экологического сознания в русском языке также появилось большое количество слов, содержащих слово «зеленый». Например, «зелёная партия, зелёное ожерелье, зелёная продукция, зелёный крест, зелёные овощи, зелёная одежда, зелёный автомобиль, зелёные электромашины, зелёная наука и техника, зелёная поддержка, зелёная политика, зелёный журнал, зелёная сказка, зелёная идея, зелёное образование, зелёный спор».

Проведенное исследование позволило выявить различные культурные коннотации цветовых выражений в русском и китайском языках, а также установить некоторые различия между русским и китайским языками. Так, при рассмотрении цветообозначений в русском и китайском языках выявлено, что лингвистические функции цветообозначений одинаковы и могут достигать ожидаемых коммуникативных целей и выразительных эффектов, а различия состоят в лингвокультурной семантике цветообозначений и связанных с ней путях образования переносных значений у слов с цветовой семантикой. Данное заключение может способствовать более глубокому пониманию цветовых наименований в русском и китайском языках при проведении в дальнейшем фундаментальных исследований по данному вопросу, что и определяет их научную перспективу. Результаты исследования позволяют оценить своеобразие русской и китайской культур в процессе изучения русского и китайского языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матназаров Т.У., Власова М.В., Хоречко У.В.* Сопоставительный анализ желтого цвета в русском и китайском языках // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1496–1499.

2. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М.: Едиториал УРСС, 2020. 208 с.

3. *Чжан Хуйсэнъ.* Сравнительное изучение русского и китайского языков. Т. 2. Шанхай: Изд-во «Обучение иностранным языкам», 2004. 496 с.

4. *Кулъпина В.Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКни-га, 2007. С. 126–184.

5. *Новиков Ф.Н.* Цветообозначения как культурные коды. Лексический массив цветообозначений в русском, английском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2014. № 3. С. 130–138.

6. *Фу Хуайцин.* Анализ слов, обозначающих признак «красноты» в китайском языке. 2022. ULR: rffi/default.asp?doc_id=4778 (дата обращения: 15.10.2022).

7. *Ву Гохуа.* Культурная лексикология. Харбин: Хэйлунзянское народное изд-во, 1996. 330 с.

8. *Чубинец А.А., Хоречко У.В., Суван-оол Е.С., Болсуновская Л.М.* Проблемы перевода основных цветовых обозначений с китайского языка на русский // Молодой ученый. 2015. № 8 (88). С. 1194–1197.

9. Табачный дым // База знаний по биологии человека. 2022. ULR: http://humbio.ru/humbio/har_nevr/001c87a2.htm (дата обращения: 15.10.2022).

10. *Шаркова А.В., Килячков А.А., Маркина Е.В.* Словарь финансово-экономических терминов. Под общ. ред. д.экон.н., проф. М.А. Эскиндарова. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2020. 1168 с.

11. *Плотников В.* Надо уметь держать удар // Аграрный журнал. 2002. № 36. С. 17–20.

12. *Толстой И.* Барин из Парижа // «Русская жизнь». 15.02.2012.

13. Большой китайско-русский словарь. 2022. ULR: http://bkrs.info/ (дата обращения: 15.10.2022).

14. Мистический черный цвет // Китай. 2012. № 5. URL: http://www.kitaichina.com/se/txt/2012-06/04/content_457213.htm (дата обращения: 15.10.2022).

15. *Булгаков М.А.* Мастер и Маргарита. М.: АСТ, 2021. 528 с.

REFERENCES

1. Matnazarov, T.U., Vlasova, M.V., Horechko, U.V. *Sopostavitel'nyj analiz zheltogo cveta v russkom i kitajskom jazykah* [Comparative analysis of yellow in Russian and Chinese]. In: Young scientist. 2015. No. 10(90). P. 1496–1499 (in Russ.).

2. Ufimceva, A.A. *Tipy slovesnyh znakov* [Types of verbal signs]. Moscow: Yeditorial URSS, 2020. 208 p. (in Russ.).

3. Chzhan, Hujsjen. *Sravnitel'noe izuchenie russkogo i kitajskogo jazykov* [Comparative study of Russian and Chinese]. Shanghai: Publishing House «Teaching Foreign Languages», 2004. 496 p. (in Russ.).

4. Kulpina, V.G. *Sistema cvetooboznachenij russkogo jazyka v istoricheskom osveshhenii* [System of color meanings of the Russian language in historical lighting]. In: Names of color in Indo-European languages: Systemic and historical analysis. Moscow: KomKni-ga. 2007. P. 126–184 (in Russ.).

5. Novikov, F.N. *Cvetooboznachenija kak kul'turnye kody. Leksicheskij massiv cvetooboznachenij v russkom, anglijskom i francuzskom jazykah* [Color designations as cultural codes. Lexical array of color meanings in Russian, English and French]. In: Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics. 2014. No. 3. P. 130–138. (in Russ.).

6. Fu Huajcin. *Analiz slov, oboznachajushhih priznak «krasnoty» v kitajskom jazyke* [Analysis of words denoting the sign of «redness» in Chinese]. Access mode: rffi/default.asp?doc_id=4778. (in Russ.).

7. Vu Gohua. *Kul'turnaja leksikologija* [Cultural lexicology]. Harbin: Heilunzian People's Publishing House. 1996. 330 p. (in Russ.).

8. Chubinec, A.A., Horechko, U.V., Suvan-ool, E.S., Bolsunovskaja, L.M. *Problemy perevoda osnovnyh cvetovyh oboznachenij s kitajskogo jazyka na russkij* [Problems of translating basic color designations from Chinese into Russian]. In: Young scientist. 2015. No. 8 (88). P. 1194–1197. (in Russ.).

9. *Tabachnyj dym* [Tobacco smoke]. In: Knowledge base on human biology. Access mode: http://humbio.ru/humbio/har_nevr/001c87a2.htm. (in Russ.).

10. Sharkova, A.V., Kiljachkov, A.A., Markina, E.V. *Slovar' finansovo-jekonomicheskih terminov* [Dictionary of Financial and Economic Terms]. Moscow: Publishing and Trading Corporation «Dashkov and Co.», 2020. 1168 p. (in Russ.).

11. Plotnikov, V. *Nado umet' derzhat' udar* [We must be able to hold the blow]. In: Agricultural magazine. 2002. No. 36. P. 17–20. (in Russ.).

12. Tolstoj, I. Barin iz Parizha [Barin from Paris]. In: Russian Life. 15.02.2012. (in Russ.).

13. *Bol'shoj kitajsko-russkij slovar'* [Large Sino-Russian dictionary]. Access mode: http://bkrs.info/ (in Russ.).

14. *Misticheskij chernyj cvet* [Mystical black]. In: China. 2012. No. 5. Access mode: http://www.kitaichina.com/se/txt/2012-06/04/content_457213.htm (in Russ.).

15. Bulgakov, M.A. *Master i Margarita* [Master and Margarita]. Moscow: AST, 2021. 528 p. (in Russ.).

Подписной индекс в официальном каталоге Почты России – ПС460